

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 7 (73). № 4

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
 Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
 протокол № 7 от 12.11.2021 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени
 В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., доц. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. (заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Меметов А. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц. (ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки)

Подписано в печать 12.11.2021. Формат 70х100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 16,7. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
 ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,
 бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2021 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82:81'42(470)

ФАНТАСТИКА А. Н. ТОЛСТОГО: СОВРЕМЕННОСТЬ ИЛИ БЕГСТВО ОТ НЕЕ?

Баранская Е. М.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: eleni313@mail.ru*

В статье исследуется природа фантастического в художественном мире А. Н. Толстого, предпринимается попытка определить место фантастики в системе мировидения писателя. Внимание акцентируется на жанре научной фантастики, развитие которого в русской литературе первой четверти XX века происходит в соотношении с коренными изменениями в социальной, научной и технической сферах. Своеобразие бытования русской фантастики 1920–1930-х гг. определяет ее восприятие читательской аудиторией как подчеркнуто реалистичной. Поднимается вопрос жанровой специфики романа А. Н. Толстого «Аэлита» (1923), фантастическая природа которого диссонирует с предшествующим творчеством писателя. «Аэлита» самой хронологией своего появления соответствовала переходности жизненной позиции А. Н. Толстого: создавалась в эмигрантский период, но знаменовала начало «советского периода Толстого» (Г. П. Струве). Определяющим становится переломный период самоопределения А. Н. Толстого: между русской «бездомной» эмиграцией и будущностью в России, будущностью советской. Многоуровневость и полифонизм романа отражает движение А. Н. Толстого по пути «вживания в современность», постреволюционную современность советской России, которую писателю предстояло постичь. В исследовании привлекаются публицистические работы А. Н. Толстого, современная писателю критика и периодика, письма современников.

Ключевые слова: русская эмиграция, советская Россия, А. Н. Толстой, фантастика, роман А. Н. Толстого «Аэлита».

ВВЕДЕНИЕ

В первой четверти XX в. отечественная проза переживала разнообразные жанровые трансформации; одним из ключевых новообразований явилась научно-фантастическая словесность, представленная в литературных произведениях А. А. Богданова, А. Р. Беляева, А. Н. Толстого и др. Литературное наследие А. Н. Толстого, воплотившее широкий диапазон творческих исканий писателя, не только внушительно, но и пользуется несомненной популярностью у русского читателя. В этом убеждает обзор изданий собраний сочинений писателя и избранных произведений, предпринятых в советском и постсоветском культурном пространстве

(начиная с Собрания сочинений 1927–1931 гг.). Роман же «Аэлита», вошедший в золотой фонд советской фантастики, уже в XXI веке пережил несколько переизданий крупными издательствами, в том числе и в составе авторитетных серий. Приведем лишь некоторые:

- Гиперболоид инженера Гарина : [Роман]; Аэлита : [Повесть]. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 445 с. – (Библиотека приключений).*
Аэлита. Гиперболоид инженера Гарина : [романы]. – М. : АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2011. – 448 с. – (Русская классика).
Аэлита : [роман]. – М. : De Agostini, 2012. – 324 с. – (Шедевры мировой литературы в миниатюре; Вып. 46).
Аэлита. Гиперболоид инженера Гарина : [романы]. – М. : АСТ, 2017. – 544 с. – (Эксклюзив: Русская классика).
Аэлита. – М. : Э, 2018. – 285 с. – (Наша лучшая фантастика).
Аэлита / Худож. Г. Тищенко. – М. : Престиж БУК, 2021. – 592 с. – (Ретро библиотека приключений и научной фантастики).

До сих пор «Аэлита» А. Н. Толстого вызывает споры в научной среде, не последнее место в которых занимает вопрос о жанровой специфике романа; требует прояснения и в целом художественно-мировоззренческая природа этого произведения, которое звучит неким диссонансом в отношении предшествующего творчества писателя. Само по себе явление фантастического не было чуждо художественному миру А. Н. Толстого, но связано оно было преимущественно с освоением фольклора и славянской мифологии. Фантастика же 1920-х – 1930-х гг. носит совершенно иной характер, несет отпечаток экзистенциального кризиса, переживаемого писателем в период самоопределения в постреволюционном русском мире.

Проблемам фантастики, и в частности научной фантастики, посвящены труды ряда исследователей: К. Андреева, Р. Арбитмана, Р. Ахмедова, Е. Ковтун, М. Мещеряковой, Ю. Кагарлицкого, З. Шпачековой, А. Бритикова [4], К. Иванова [9], Ц. Тодорова [21] и др. Фантастика А. Н. Толстого привлекает внимание А. Ф. Бритикова [5], А. К. Воронского [6], Р. Э. Нудельмана [12], О. О. Путило [16] и др. Роман «Аэлита» интерпретируют П. Н. Медведев [11], В. А. Ревич [17], О. Ронен [19] и др. Вопрос жанрового своеобразия романа «Аэлита» поднимают П. А. Горохов [7], И. Х. Халил [25] и др.

Цель нашей статьи – рассмотреть концептуальность фантастики А. Н. Толстого как неотъемлемой части экзистенции писателя и художественного выражения его «вживания в современность».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Долгое время фантастика находилась на периферии научно-исследовательского интереса. Если сосредоточивать внимание на начале XX в., то речь должна идти, прежде всего, о жанре научной фантастики в русской литературе. Путь становления научной фантастики в России 1920–1930-х гг. был сопряжен с рядом препон: скудный «рынок сбыта» [3, с. 396], беспомощность редакторов, обделенных техническими и естественнонаучными знаниями, проблемы творческого характера, поскольку «жанр этот очень трудоемкий» и требует серьезной научной подготовки [3, с. 397], как отмечал фантаст А. Р. Беляев (очерк «Золушка: Научная фантастика в нашей литературе»).

Развитие жанра научной фантастики соотносимо с определенными изменениями в социальной, научной и технической сферах. Наиболее очевидные и стремительные изменения российское общество переживало в первой четверти XX в., что объяснимо серией историко-культурных трансформаций [14, с. 6–8] и сменой художественных парадигм [15, с. 32–34] как поступательного, так и революционного характера. Прежде всего, это революционные катаклизмы начала XX века и последовавшие за ними трагические разрушительные события гражданской войны, с одной стороны, и мощнейший стимул к общественным преобразованиям и строительству, с другой; истощение культурного слоя советского мира вследствие эмиграции значительной части русской интеллигенции и, напротив, расцвет нового искусства в советском историко-литературном пространстве, сопряженном с эпохой НТР, которая совпала с модернистским построением общества будущего. И еще: начало XX века – время прорыва в космологии. Как пример: известные в России специальная (1905) и общая (1916) теории относительности; работы астрономов, особенно Дж. В. Скиапарелли и П. Лоуэлла, повлекшие за собой идею об обитаемости Марса, которая проникла в массовое сознание во многом благодаря художественной литературе, в частности

Барсумской серии научно-фантастических романов Э. Р. Берроуза и «Войне миров» Г. Уэллса [9, с. 178–180]. Обитаемый Марс овладел умами людей, а «слова “инопланетянин” и “марсианин” были почти синонимами», как верно заметил К. Иванов. Фантастические произведения, в которых речь шла о Марсе, казались «особенно реалистичными» [9, с. 178], тем более что их художественный мир развивался в параллели с развитием научных знаний. К. Иванов предполагает подспудное развитие гипотезы формирования Солнечной системы Канта-Лапласа в творчестве А. Толстого и А. Беляева и открытое – в произведениях А. Богданова. (Речь о сложившемся убеждении, «согласно которому очередность формирования планет, возникновения жизни на них и <...> истощения планетных ресурсов идет от внешних планет к внутренним (как правило, подразумевался ряд: Марс → Земля → Венера)» [9, с. 179]).

Именно на этот период приходится работа А. Н. Толстого в жанре фантастики, имеющей выраженную научную направленность. К. И. Чуковский удивлялся внезапной перемене в А. Н. Толстом, который ушел в фантастику от привычного ему усадебного творчества, когда работал над романом «Аэлита». Одна из причин обращения писателя к фантастике – погружение в современность, пока еще не вполне понятную и совсем недавно ненавистную. «В этой сложной творческо-психологической ситуации именно многоликая фантастика пришла на помощь художнику» [17, с. 210], – приходит к выводу В. Ревич. Правда главное в фантастике и в «Аэлите» непосредственно В. Ревич считает идейность и довольно тенденциозно заявляет: «“Аэлита” рождена и вдохновлена революционными событиями <...>. Духом обновления всего – Земли, Марса, человеческих душ веет со страниц “Аэлиты”. На Марс, так на Марс, за чем дело стало, товарищи!» [17, с. 211]. В определенной степени исследователь прав, Октябрьская революция и гражданская война, метафорически выражаясь, привели А. Н. Толстого к марсианским событиям и революции «Аэлиты». Но бравурная интонация «величайших дерзаний» все-таки кажется излишней. Значительно ближе к осознанию природы «Аэлиты» подошел К. Иванов, который размышлял о фантастической «утопии» как о «логотерапии», что помогает «погасить смятение разлада <...> посредством воображаемого

путешествия, которое порой очень напоминает бегство. Причем это всегда не “бегство к”, а “бегство от”, поскольку мир, в который попадают герои, всегда неизвестен» [9, с. 175]. Вспомним Мстислава Сергеевича Лося, который говорит о себе как о беглеце, ищущем «забвения самого себя» [22]. Фантастическая «Аэлита» А. Н. Толстого также содержит некий намёк на бытийную разлаженность и попытку преодолеть этот разлад. «Если литература и вправду является отражением реальности, – развивает мысль В. Иванов, – <...> то наша фантастическая “утопия” отражает в первую очередь <...> само это смятение, паралич рациональности, равно как и тягу к выходу из него» [9, с. 175].

Итак, в журнале «Красная Новь» в 1922–1923 гг. (1922, № 6; 1923, №№ 1, 2) был впервые опубликован фантастический роман А. Н. Толстого «Аэлита», время написания которого относится к эмигрантскому периоду творчества, но художественная сущность которого принадлежит, как полагает Г. П. Струве, – «скорее к советской литературе»: это начало «советского периода Толстого» [20, с. 84]. О работе над романом обнаруживаем информацию в письме Б. К. Зайцева к И. А. Новикову от 13 августа 1922 г. (Остзеебад. Германия): «Здесь (в Мисдрое – Б. Е.) живет Толстой <...> Мы часто видимся, но прохладно. Сейчас он пишет фантастический роман с действием на Марсе. Предполагается к переводу в Америку <...>» [8, с. 172–173]. Требуется пояснения это «прохладно» Б. К. Зайцева. «Алексей Толстой только одним боком принадлежит зарубежной литературе <...>» [20, с. 82], – характеризовал отношения А. Н. Толстого с русской эмиграцией Г. П. Струве. За границей А. Н. Толстой оказался еще в 1919 г. Поначалу жил «во Франции, под Парижем и в Париже, а осенью 1921 года перебрался в Берлин, где и “сменил вехи”» [20, с. 82]. Речь идет о сотрудничестве с весны 1922 г. с редакцией газеты «Накануне», где А. Н. Толстой заведовал литературным отделом (в конце апреля 1922 г. отдел преобразован в самостоятельное приложение).

«Накануне» ориентировалась на настроения «левых» кругах русской эмиграции и призывала к сотрудничеству с советской властью. Редакторство в «Накануне» вызвало настороженное отношение значительной части русской эмиграции к А. Н. Толстому, даже тех его представителей, которые лояльно относились к

писателю и были связаны личными отношениями. Из переписки Б. К. Зайцева с И. А. Буниным: «Толстого нет здесь, он на море. Я его, конечно, увижу, и, конечно, голову ему намылю – таков наказ дан мне и от литературной Москвы. Порывать с ним окончательно не собираюсь, ибо считаю его талантливой и безответственной жопой, попавшей в дурное общество. Постараюсь всячески выуживать его из “Накануне” <...> если он будет продолжать свое “редакторство”, то натворит еще достаточно чепухи» [8, с. 170] – 7 июля 1922 г. (Берлин); «<...> Здесь Толстой. Мы встречаемся с ним. <...> Я его теперь вполне знаю. Он мне далек, и я жалею об этом, ибо у него большой талант, но нет значительности (серьезности). И даже смех его невесел» [8, с. 174] – 19 августа 1922 г. (Миздрой).

В августе 1923 г. А. Н. Толстой возвращается в Советскую Россию.

Первое отдельное издание романа вышло в 1923 г. под названием «Аэлита (Закат Марса)». Популярным роман стал спустя 2 года после публикации, даже был экранизирован в 1924 г. (режиссер Я. А. Протазанов, в создании сценария участвовал сам автор). В 1937 г. А. Н. Толстой переработал роман для «Детгиза».

Р. Э. Нудельман отмечал, что именно «Аэлита» А. Н. Толстого повлияла на развитие жанра фантастики в русской советской литературе, и более того, этот роман стоял у истоков советской фантастики [12]. Хотя влияние «Аэлиты» несомненно, с последним предположением можно поспорить, поскольку сам роман появился не без влияния предшествующих работ писателя-фантаста, идеолога Пролеткульта и ученого, предвосхитившего некоторые положения кибернетики, А. А. Богданова (Малиновского). Имеются в виду роман-утопия о Марсе «Красная Звезда» (1908) и роман «Инженер Мэнни» (1912) [2]. (Роман «Инженер Мэнни» популяризировал научные идеи А. А. Богданова (Малиновского) об «организационной» науке. Впоследствии «организационная» наука была изложена в труде «Тектология» (1913–1922)).

«“Аэлита” – фантастический роман о полете на Марс с прибавлением злободневно-политического элемента» [20, с. 84], – такую характеристику романа дает Г. П. Струве. Судя по всему, таким элементом стал «экспорт революций», предпринятый красноармейцем Гусевым в межпланетном масштабе. Очевидно, что

за подобной фантазией А. Н. Толстого стояла Октябрьская революция 1917 г. и, как ее следствия, радикальные социальные изменения. Отсюда и жанровое определение романа, принятое рядом критиков и исследователей, как социальная фантастика (П. А. Горохов, П. Н. Медведев, В. А. Ревич и др.). Это вполне обоснованное утверждение.

В этом контексте важно мнение отечественного первопроходца в области научной фантастики А. Р. Беляева, который полагал, что первая из задач советской фантастики – «популяризация научных и технических знаний [3, с. 417]. Однако Беляев не отрицал и важность социальную составляющую явления, отмечая, что, «вместе с тем, советская научная фантастика <...> неизбежно сталкивается с фантастикой социальной; <...> писатели, работающие в области советской научной фантастики, должны быть как бы инженерами душ в квадрате: своими произведениями они должны способствовать и росту нового социалистического сознания, и росту научных и технических знаний» [3, с. 417] (очерк «О научно-фантастическом романе и книге гр. Адамова “Победители недр”»).

Задаче создания большой литературы нового советского общества подчинил себя и А. Н. Толстой. Об этом – в его публицистических работах, например: «Луна, которую подменили трактором» (журн. «Рабочий и театр», 1931, 20 сентября) [23], «Советское искусство должно быть великим» («Литературная газета», 1933, № 10) [24]; опосредованно – в интервью Б. Ресту «“Октябрьская революция дала мне все”. 25-летие литературной деятельности А. Н. Толстого» («Литературная газета», 1933, № 2) [18]. Писатель остро ставит вопрос «внедрения искусства в современность»; он подчиняет философию, науку и искусство идее строительства социализма как «единственному и неизбежному пути в будущее», в котором «машина заменит человека, и человек, освобожденный от физического труда <...>, сможет наконец наверстать все счастье жизни» [23]. А. Н. Толстой предпринимает попытку объединить науку, технику и искусство, поскольку и то, и другое является путями познания мира: «Машина, техника, наука неизбежно врываются чувственными образами сегодняшнего дня в искусство» [23]. Эта позиция, хоть и изложенная уже в 1931 г., созвучна толстовской концепции научной фантастики, реализовавшейся в

«Аэлите». Истоки ее уходят в реальную современность и ее экзистенциальное осмысление.

Иной вопрос, каким образом А. Н. Толстой воплотил эту идею.

В критическом очерке П. Н. Медведева, предваряющем собрание сочинений 1927–1931 гг., указывается, как бы парадоксально это ни звучало, на недостаток «историчности, учета социально-исторических факторов, обуславливающих историю», в исторических произведениях А. Н. Толстого. Фантастические же произведения начала 1920-х гг. являют собой обратную сторону той же медали: «Там, в исторических повестях – то, что прошло, умерло; здесь, в “Аэлите” – то, чего не было. В обоих жанрах – о том, чего нет. Оба жанра дают возможность обойти современность – то с тыла, то с фронта» [11, с. XXXIX]. Однако П. Н. Медведев не отказывает «Аэлите» в социальном содержании, напротив, именно оно определяет жанр романа: «социально-фантастический». «Революция на Марсе – одна из центральных тем этого романа» [11, с. XXXIX], другое дело, что «фантастический материал» схематизирует и абстрагирует социальную составляющую. Правда, невысоко ценит П. Н. Медведев и фантастическую (марсианскую) сторону романа, которая, по его мнению, у А. Толстого не удалась, поскольку слишком уж марсиане психологически похожи на людей, словно маскарад разыгрывается перед читателем, слишком одинаковы законы двух миров – Марса и Земли, а «романтический образ Аэлиты и “сложная натура” инженера Лося с его “безнадёжным отчаянием”, стертой романтической декламацией и бесконечным нытьем» вовсе не удалась. И уж совсем безнадёжен, по мнению критика, конец романа «с его мистическим колоритом и “дыханием вечности”». «Право же, – делает вывод П. Н. Медведев, – не стоило за всей этой малостью и пустяковиной летать на Марс» [11, с. XL]! Итак, «измышленное путешествие» А. Н. Толстого воспринимается как его «неудача». Очевидно, что П. Н. Медведеву более по душе живые земные характеры Гусева и Маши. Поскольку сам А. Н. Толстой – писатель сильного «земного притяжения».

Как бы мы ни относились к социологической критике советской поры, её симпатиям и антипатиям, нельзя не признать реальность верно схваченной П. Н. Медведевым тенденции в творчестве А. Н. Толстого 1920–1930-х гг. –

«смещения жанров». П. Н. Медведев проницательно замечает, что А. Н. Толстой «пишет то авантюрные повести, то фантастические романы, то детективы» [11, с. XLIII], поскольку переживает ломку мировоззрения: «Старые устои его рушились вместе со старой Россией. Закономерность новой жизни еще не осознана. Жизнь, потерявшая закономерность, становится сама авантюрной, клубком противоречивых событий, разрозненных происшествий, неожиданностей, случайностей. Отсюда – жанровая сумятица и ее авантюрно-детективный уклон» [11, с. XLIII]. (Речь идет о произведениях 1924–1926 гг.: «Ибикус», «Гиперболоид инженера Гарина»; ряд рассказов: «Убийство Антуана Риво», «Союз пяти» и др.).

Мысль об отсутствии современности (а скорее, о ее избегании) в творчестве А. Н. Толстого отмечал и советский литературный критик А. К. Воронский (1922): «<...> Толстой особенно к нашему советскому быту подходит с величайшей осмотрительностью и осторожностью <...> Недаром и не случайно в произведениях Толстого последних лет такое почетное место занимает фантастика, авантюра, условность – “Аэлита”, “Бунт машин”, “Союз пяти”, “Гиперболоид”» [6].

А. Н. Толстой сам признавался в интервью Б. Ресту (1933), что значительный отрезок его творческого бытия он «не видел жизни, не мог отобразить современности» (то был период модернистского круга общения), «1912–14 годы были годами распутья», и только война (Первая Мировая) вывела его «из заколдованного круга» и он «увидел все исторические процессы (правда, тогда еще разобраться в них <...> не мог)», именно на этот переломный период пришлось революция 1917 года. Только с 1919 г. начинается путь к пониманию и художественному вживанию в современность, в эпоху, причем вживание «диалектическое»: «Я понимаю эпоху в ее движении, а не как неподвижный отрывок времени» [18].

Фантастические произведения А. Н. Толстого – своеобразные, обусловленные индивидуальным творческим талантом шаги на длинном пути «вживания в современность», которую писателю еще только предстояло постичь. Для большинства современников (литераторов, литературных критиков), фантастика

писателя была неубедительна, не дотягивала до уровня его дарования; так было и для И. А. Бунина, Ю. Н. Тынянова, К. И. Чуковского, В. Б. Шкловского.

Сам же А. Н. Толстой с удовольствием потакал своей натуре талантливому дурашливого ребёнка, о чем и говорил жене Н. Крандиевской: «Кончится дело тем, что напишу когда-нибудь роман с привидениями, с подземельем, с зарытыми кладами, со всякой чертовщиной. С детских лет не утолена эта мечта <...>; знаешь, без фантастики скучно все же художнику, благоразумно как-то... Художник по природе – враль, вот в чем дело» [цит. по: 1]!

Изучая «Аэлиту», А. Ф. Бритиков акцентировал внимание на выразительности художественного уровня романа, выделял «романтические картины марсианского человечества, легенды и мифы, людские судьбы и страсти» [5]. А вот космическая техника «была не особенно оригинальной и только наполовину фантастической», хоть и описана «зримо, сочно, увлекательно» [5]. Дело в том, что А. Н. Толстой, имея инженерно-техническое образование, был знаком с научными разработками К. Э. Циолковского («Исследование мирового пространства реактивными приборами»), не могли остаться незамеченными фантастические повести ученого и популяризатора научных знаний «На Луне» (1893) и «Вне Земли» (1918). Как следствие – космический аппарат Лося, реактивное «яйцо», которое должно было выполнять комплекс задач, связанных с освоением космоса и передвижением в безвоздушном пространстве: «Аппарат был построен из упругой и тугоплавкой стали, внутри хорошо укреплен ребрами и легкими фермами. Это был внешний чехол. В нем помещался второй чехол из шести слоев резины, войлока и кожи. Внутри этого второго кожаного стеганого яйца находились аппараты наблюдения и движения, кислородные баки, ящики для поглощения углекислоты, полые подушки для инструментов и провизии. Для наблюдения поставлены, выходящие за внешнюю оболочку аппарата, особые «глазки», в виде короткой, металлической трубки, снабженной призматическими стеклами» [22, с. 11]. А. Н. Толстой дает детализированное описание ракеты, что соответствует канонам «твердой» научной фантастики: «Механизм движения помещался в горле, обвитом спиралью. Горло было отлито из металла, твердостью превосходящего астрономическую бронзу. В

толще горла высверлены вертикальные каналы. Каждый из них расширялся наверху в так называемую взрывную камеру <...>, взрывные камеры питались ультралиддитом <...>. Конус взрыва чрезвычайно узок. Чтобы ось конуса взрыва совпадала с осями вертикальных каналов горла, поступающий во взрывные камеры ультралиддит пропускаться сквозь магнитное поле. Таков в общих чертах был принцип движущего механизма: это была ракета» [22, с. 11–12]. Следуя выводам К. Э. Циолковского о реактивной тяге как о единственно возможном источнике движения в безвоздушном пространстве, А. Н. Толстой продумывает конструктивные характеристики ракеты с учетом физических величин и расчетов, связанных с перегрузками и состоянием невесомости: «Предвидя, что скорость аппарата и находящихся в нем тел достигнет такого предела, когда наступит заметное изменение скорости биения сердца, обмена крови и соков, всего жизненного ритма тела, – предвидя это, Лось соединил счетчик скорости одного из жироскопов (их было два в аппарате) электрическими проводами с кранами баков, которые в нужную минуту должны выпустить большое количество кислорода и аммиачных солей» [22, с. 27]. Созданное А. Н. Толстым описание ракеты, спустя годы, повторит другой советский фантаст И. А. Ефремов. В то же время, некоторые научные идеи, предложенные автором «Аэлиты», опровергаются расчетами ученых-профессионалов, как идея о постоянном нарастании ускорения, позволяющем приблизиться к скорости света [16, с. 26]. Это понятно: в развернутых научных объяснениях автор опирается на собственные научные познания [16, с. 27], которые зависели от текущего состояния науки и техники, но «фантасты не всегда предлагают реально существующие или теоретически и практически осуществимые варианты» [16, с. 28], что вполне коррелируется с природной склонностью автора, А. Н. Толстого, к фантазии. Тонко подметил Ц. Тодоров: «Фантастическое – это колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явление, кажущееся сверхъестественным» [21, с. 25].

В. А. Ревич считал, что «Толстого вовсе не заботит научная достоверность, его волнуют гораздо более важные для литературы художественно-поэтические задачи», и его ракета в «Аэлите» – «чисто литературная ракета, на особое правдоподобие не

претендующая» [17, с. 211]. Оценку присутствия собственно научно-технических сведений в романе «Аэлита» провел еще М. Горький: «Хотя гр. А. Н. Толстой инженер по образованию, но он свел в романе технику к необходимому минимуму, и вся книга написана под влиянием увлечения догадками об Атлантиде... и вполне отвечает жажде читателя к темам не бытовым, к роману сенсационному, авантюрному. Написана «Аэлита» хорошо и, я уверен, будет иметь успех» [цит. по: 7, с. 53]. Обращает внимание подчеркнутая авантюристность романа, что, в свою очередь, позволяет говорить об «Аэлите» как об авантюрно-фантастическом романе.

Известно, что авантюрный сюжет зачастую программирует упрощение художественной картины мира, однако, как отмечают исследователи, «в произведениях первоклассных авторов авантюрный сюжет, напротив, позволяет автору решить целый ряд задач помимо развлекательной» [13, с. 72]. Закономерно, что в романе А. Н. Толстого выделяется мощный «мистико-философский пласт» [7, с. 54], сформированный, очевидно, влиянием философии О. Шпенглера. В этом плане примечательна трактовка мистического О. Роненом: «Мистика – наука и история наизнанку, проходной двор к тайнам творения и человеческих судеб» [19]. И «Аэлита», с учетом концепции «наизнанку», рассматривается О. Роненом в рамках научной фантастики, причем включает в себя наиболее выигрышные стороны стилевой особенности таланта Толстого: «отличный бытовик» [6] (А. К. Воронский). «Новая русская научная фантастика, – пишет О. Ронен, – началась с умения живописать земной быт так, чтобы сквозь него просвечивало инобытие» [19].

В то же время не лишним будет прислушаться к мнению И. Х. Халила, который отказывается видеть в «Аэлите» и социальный роман, поскольку этот жанр «требует иной глубины погружения в историю, социум и психологические глубины, чем может предложить избранная писателем марсианская обстановка с откровенно условными синекожими марсианами», и «авантюрно-приключенческую жанровую массовую литературу», поскольку «слишком много указаний на большую идейность эпохи» [25, с. 365]. И. Х. Халил справедливо находит в «Аэлите» «признаки интеллектуального романа» [25, с. 365], что связано со сложностью самоопределения

А. Н. Толстого в условиях баланса существования меж двух миров: русской эмиграции и советской России, с проблемой экзистенциального выбора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фантастический роман А. Н. Толстого «Аэлита» при кажущейся простоте не поддается прямолинейной интерпретации и упрощенному жанровому определению. Его нельзя отнести ни к жанру «твердой» научной фантастики (при несомненном наличии характерных для нее черт), ни к сюжетно-занимательному авантюрно-фантастическому роману (в силу присутствия глубоких бытийных начал), ни к социальному роману в чистом его проявлении (в силу осязаемого отвлечения от исторически-реальной почвы). Фантастика А. Н. Толстого концептуально многоуровневая и полифонична в читательском восприятии, получает более или менее верное осмысление с учетом широких интертекстуальных связей, обращением к философским и мировоззренческим установкам писателя, его идеологическим принципам, научно-техническим знаниям, требует обязательного историко-литературного контекстового восприятия. Фантастика предлагает и читателю, и самому автору иное бытие как путь к лучшему, идеальному миру, с одной стороны, и как возможность отрешиться от мира реальности, с другой. Специфика толстовской фантастики обусловлена авторским осознанием внутреннего разлада, перелома; стремлением преодолеть личностный разрыв с актуальной реальностью. Фантастика для А. Н. Толстого становится своеобразным способом «вживания в современность» через проживание потенциально возможных, дублирующих реальность обстоятельств и миров. В центре фантастического мира А. Н. Толстого – сама личность автора, природно фантазийная и бытийно потерянная в переломный для русского общества начала XX века период.

Список литературы

1. А. Н. Толстой [Электронный ресурс] / Б. а. // Лаборатория Фантастики. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/autor532>. – (Дата обращения: 23.10.2021).
2. Баранская, Е. М., Билял, С. А. Фантастическое в русской прозе 20–30-х годов XX века / Е. М. Баранская, С. А. Билял // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. – 2020. – № 1. – С. 27–32.

3. Беляев, А. Р. Полное собрание сочинений: в 7-и т. / А. Р. Беляев. – М.: Эксмо, 2009–2010. – Том VII. Изобретения профессора Вагнера. – 2010. – 576 с. – (Отцы-основатели: русское пространство).
4. Бритиков, А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман / А. Ф. Бритиков. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. – 447 с.
5. Бритиков, А. Ф. Фантастика в творчестве А. Н. Толстого [Электронный ресурс] / А. Ф. Бритиков // Лаборатория Фантастики. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/blogarticle61968ю>. – (Дата обращения: 23.10.2021).
6. Воронский, А. К. Алексей Толстой (Журавли над Гнилопятами) [Электронный ресурс] / А. К. Воронский // А. Воронский. Литературные портреты. В 2-х т. Т. 1. – М: Федерация. – 1922 // az.lib.ru. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/woronskij_a_k/text_1922_a_tolstoy.shtml. – (Дата обращения: 23.10.2021).
7. Горохов, П. А. Социально-философская проблематика фантастической прозы А. Н. Толстого / П. А. Горохов // Вестник ОГУ. – 2005. – № 7. – С. 49–56.
8. Зайцев, Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. (одиннадцати книгах) – Т. 10 (доп.). – Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии / Б. К. Зайцев / Сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов. – М. : Русская книга, 2001. – 384 с.
9. Иванов, К. Воображаемые космические путешествия в ранней советской научной фантастике / К. Иванов // Логос. – 2018. – Т. 28. – № 2. – С. 159–224.
10. Машбиц-Веров, И. Восемнадцатый год. О романе Алексея Толстого [Электронный ресурс] / И. Машбиц-Веров // Литературная газета. – 1929. – № 8 // az.lib.ru. – Режим доступа : http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_1929_18_god.shtml. – (Дата обращения: 15.10.2021).
11. Медведев, П. Н. Алексей Н. Толстой. Критический очерк / П. Н. Медведев // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 15 т. – М.–Л.: Государственное издательство, Типография Печатный двор, 1929–1931. – Т. 1: Четыре века. Рассказы, сказки, стихи. – С. V–LVIII.
12. Нудельман, Р. Фантастика, рожденная революцией [Электронный ресурс] / Р. Нудельман // [TheLib.Ru](https://thelib.ru). – Режим доступа : https://thelib.ru/books/nudelman_rafil/fantastika_rozhdennaya_revolyciey-read.html. – (Дата обращения: 15.10.2021).
13. Орехов, В. В., Чжан, М. «Вокруг света на “Коршуне”»: «взрослая» повесть для детей / В. В. Орехов, М. Чжан // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2019. – Т. 5 (71). – № 2. – С. 67–93.
14. Орехова, Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза) / Л. А. Орехова. – Киев: УМК ВО, 1992. – 92 с.
15. Орехова, Л. А. Образ автора и поэтика жанра : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 ; 10.01.08 / Орехова Л. А. – Симферополь, 1992. – 328 с.
16. Путило, О. О. Пространство космического корабля в фантастической литературе / О. О. Путило // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8, Литературоведение. – 2015. – № 1 (14). – С. 23–30.
17. Ревич, В. «Мы вброшены в невероятность» (К 60-летию первого издания «Аэлиты») / В. Ревич // Сборник научной фантастики. – М.: Знание, 1983. – Вып. 28. – С. 209–222.
18. Рест, Б. «Октябрьская революция дала мне все». 25-летие литературной деятельности А. Н. Толстого [Электронный ресурс] / Б. Рест // Литературная газета. – 1933. – № 2 // az.lib.ru. – Режим доступа : http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_1933_25_letie.shtml. – (Дата обращения: 25.10.2021).
19. Ронен, О. Наизнанку [Электронный ресурс] / О. Ронен // Звезда. – 2010. – № 11 // Журнальный зал. Горький Медиа. – Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/11/naiznanku.html>. – (Дата обращения: 25.10.2021).

20. Струве, Г. П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы: Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Г. П. Струве / Общ. ред. В. Б. Кудрявцева, К. Ю. Лаппо-Данилевского; вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. – 3-е изд., испр. и доп. – Париж : YMCA-Press; М. : Русский путь, 1996. – 448 с.
21. Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров ; пер. с франц. Б. Нарумова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 144 с.
22. Толстой, А. Н. Аэлита. Гиперболоид инженера Гарина : [романы] / А. Н. Толстой. – М. : АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2011. – 448 с. – (Русская классика).
23. Толстой, А. Н. Луна, которую подменили трактором [Электронный ресурс] / А. Н. Толстой // Рабочий и театр. – 1931. – 20 сентября // tolstoy-a-n.lit-info.ru. – Режим доступа : <http://tolstoy-a-n.lit-info.ru/tolstoy-a-n/articles/tolstoy-a-n/luna-kotoruyu-podmenili-traktorom.htm>. – (Дата обращения: 23.10.2021).
24. Толстой, А. Н. Советское искусство должно быть великим [Электронный ресурс] / А. Н. Толстой // Литературная газета. – 1933. – № 10 // tolstoy-a-n.lit-info.ru. – Режим доступа : <http://tolstoy-a-n.lit-info.ru/tolstoy-a-n/articles/tolstoy-a-n/luna-kotoruyu-podmenili-traktorom.htm>. – (Дата обращения: 23.10.2021).
25. Халил, И. Х. О жанровых особенностях романа А. Н. Толстого «Аэлита» / И. Х. Халил // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – Т. 82. – № 1. – С. 363–367.

References

1. A. N. Tolstoi [A. N. Tolstoy]. Available at: <https://fantlab.ru/autor532> (accessed 23.10.2021).
2. Baranskaya E. M., Bilyal S. A. *Fantasticheskoe v Russkoi Proze 20–30-kh Godov XX Veka* [Fantastic in Russian Prose of the 20–30s of the 20th Century]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Inzhenerno-Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya: Filologiya. Istoriya*, 2020, no 1. Pp. 27–32.
3. Belyaev A. R. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 7-i t.* [Complete Collection of Works in 7 Vols.]. Comp. E. Kharitonov and D. Baikalov. Moscow: Eksmo Publ., 2009–2010. Vol. VII. *Izobreteniya Professora Vagnera* [Professor Wagner's Inventions], 2010. 576 p. (Ottsy-Osnovateli: Russkoe Prostranstvo).
4. Britikov A. F. *Russkii Sovetskii Nauchno-Fantasticheskii Roman* [Russian Soviet science fiction novel]. Academy of Sciences of the USSR. Institute Russian Literature (Pushkin House). Leningrad: Nauka Publ., Leningradskoe Otdelenie Publ., 1970. 447 p.
5. Britikov A. *Fantastika v Tvorchestve A. N. Tolstogo* [Science Fiction in the Work of A. N. Tolstoy]. Available at: <https://fantlab.ru/blogarticle61968> (accessed 23.10.2021).
6. Voronskii A. K. *Aleksei Tolstoi (Zhuravli nad Gnilopyatami)* [Alexey Tolstoy (Cranes over the Gnilopyat)]. A. Voronskii. *Literaturnye Portrety. V 2-kh t.* [A. Voronsky. Literary Portraits. In 2 Vols.] Vol. 1. Moscow: Federatsiya Publ., 1922. Available at: http://az.lib.ru/w/woronskij_a_k/text_1922_a_tolstoy.shtml (accessed 23.10.2021).
7. Gorokhov P. A. *Sotsial'no-Filosofskaya Problematika Fantasticheskoi Prozy A. N. Tolstogo* [Socio-Philosophical Problems of the Fantastic Prose of A. N. Tolstoy]. *Vestnik OGU*, 2005, no 7. Pp. 49–56.
8. Zaitsev B. K. *Sobranie Sochinenii: v 5-i t.* [Complete Works in 5 Vols.]. Vol. 10 (*dopolnitel'nyi*). *Pis'ma 1901–1922 gg. Stat'i. Retsenzii* [Vol. 10 (additional). Letters from 1901–1922. Articles. Reviews]. Comp. E. K. Deutsch and T. F. Prokopov. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 2001. 384 p.
9. Ivanov K. *Voobrazhaemye Kosmicheskie Puteshestviya V Rannei Sovetskoi Nauchnoi Fantastike* [Imaginary Space Travel in the Early Soviet Science Fiction]. *Logos*, 2018, vol. 28, no 2. Pp. 159–224.

10. Mashbits-Verov I. *Vosemnadsatyi God. O Romane Alekseya Tolstogo* [Eighteenth Year. About the Novel by Alexei Tolstoy]. *Literaturnaya gazeta*, 1929, no 8. Available at: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_1929_18_god.shtml (accessed 15.10.2021).
11. Medvedev P. *Aleksei N. Tolstoi. Kriticheskii Ocherk* [Alexey N. Tolstoy. Critical essay]. *Tolstoi A. N. Sobranie Sochinenii* [Tolstoy A. N. Complete Works]. Entry. Art. P. N. Medvedev. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Publ., Tipografiya Pechatnyi Dvor Publ., 1929. Vol. 1: *Chetyre Veka. Rasskazy, Skazki, Stikhi* [Four Centuries. Stories, Fairy Tales, Poems]. Pp. V–LVIII.
12. Nudel'man R. *Fantastika, Rozhdennaya Revolyutsiei* [Science Fiction Born of the Revolution]. Available at: https://thelib.ru/books/nudelman_rafail/fantastika_rozhdennaya_revolyciye-read.html (accessed 15.10.2021).
13. Orekhov V. V., Chzhan M. «*Vokrug Sveta na "Korshune"*»: «*Vzroselaya*» *Povest' dlya Detei* [«Around the World on the "Kite"»: «Adult» Story for Children]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2019, vol. 5 (71), no 2. Pp. 67–93.
14. Orekhova L. A. *Avtorskoe Mifotvorchestvo i Russkii Modernizm (Liricheskaya Proza)* [Author's Myth-making and Russian Modernism (Lyrical Prose)]. Kiev: UMK VO Publ., 1992. 122 p.
15. Orekhova L. A. *Obraz Avtora i Poetika Zhanra: Dis. ... D-ra Filol. Nauk* [The Image of the Author and Poetics of the Genre]. Simferopol, 1992. 328 p.
16. Putilo O. O. *Prostranstvo Kosmicheskogo Korablya v Fantasticheskoi Literature* [Space of a Spaceship in Fantastic Literature]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 8, Literaturovedenie*, 2015, no 1 (14). Pp. 23–30.
17. Revich V. «*My Vbrosheny v Neveroyatnost'*» (*K 60-letiyu Pervogo Izdaniya «Aelity»*) [«We are Thrown into Improbability» (To the 60th Anniversary of the First Edition of «Aelita»)]. *Sbornik Nauchnoi Fantastiki*. Moscow: Znanie Publ., 1983, iss. 28. Pp. 209–222.
18. Rest B. «*Oktyabr'skaya Revolyutsiya Dala Mne Vse*». *25-letie Literaturnoi Deyatel'nosti A. N. Tolstogo* [«The October Revolution Gave Me Everything». 25th Anniversary of the Literary Activity of A. N. Tolstoy]. *Literaturnaya Gazeta*, 1933, no 2. Available at: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_1933_25_letie.shtml (accessed 23.10.2021).
19. Ronen O. *Naiznanku* [Inside out]. *Zvezda*, 2010, no 11. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/11/naiznanku.html> (accessed 23.10.2021).
20. Struve G. P. *Russkaya Literatura v Izgnanii: Opyt Istoricheskogo Obzora Zarubezhnoi Literatury: Kratkiy Biograficheskii Slovar' Russkogo Zarubezh'ya* [Russian Literature in Exile: Experience of a Historical Review of Foreign Literature: A Brief Biographical Dictionary of Russian Abroad]. General. Ed. V. B. Kudryavtsev, K. Yu. Lappo-Danilevsky; Entry Art. K. Yu. Lappo-Danilevsky. 3rd Ed., Rev. and Add. Paris: YMCA-Press Publ.; Moscow: Russkii Put' Publ., 1996. 448 p.
21. Todorov Ts. *Vvedenie v Fantasticheskuyu Literaturu* [Introduction to the Fantastic Literature]. Translated from French by B. Narumova. Moscow: Dom Intellektual'noi Knigi Publ., 1999. 144 p.
22. Tolstoi A. N. *Aelita. Giperboloid Inzhenera Garina* [Aelita. Hyperboloid of Engineer Garin]. Moscow: AST, Astrel', Poligrafizdat Publ., 2011. 448 p. (*Russkaya Klassika*).
23. Tolstoi A. N. *Luna, Kotoruyu Podmenili Traktorom* [The Moon, which was Replaced by a Tractor]. *Rabochii i Teatr*, 1931, 20 sentyabrya. Available at: <http://tolstoy-a-n.lit-info.ru/tolstoy-a-n/articles/tolstoy-a-n/luna-kotoruyu-podmenili-traktorom.htm> (accessed 23.10.2021).
24. Tolstoi A. N. *Sovetskoe Iskusstvo Dolzhno Byt' Velikim* [Soviet Art Must Be Great]. *Literaturnaya Gazeta*, 1933, no 10. Available at: <http://tolstoy-a-n.lit-info.ru/tolstoy-a-n/articles/tolstoy-a-n/luna-kotoruyu-podmenili-traktorom.htm> (accessed 23.10.2021).

Баранская Е. М.

25. Khalil I. Kh. *O Zhanrovykh Osobennostyakh Romana A. N. Tolstogo «Aelita»* [On the Genre Features of the novel by A. N. Tolstoy «Aelita»]. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, vol. 82, no 1. Pp. 363–367.

FANTASTIC OF A. N. TOLSTOY: MODERNITY OR ESCAPE FROM IT?

Baranskaya E. M.

The article examines the nature of the fantastic in the artistic world of A. N. Tolstoy, an attempt is made to determine the very place of fantasy in the system of the writer's worldview. Attention is focused on the genre of science fiction, the development of which in Russian literature of the first quarter of the twentieth century occurs in relation to fundamental changes in the social, scientific and technical spheres. The originality of the existence of Russian science fiction in the 1920s – 1930s. defines its perception by the readership as emphatically realistic. The question of genre specificity of the novel by A. N. Tolstoy «Aelita» (1923) is raised, the fantastic nature of which is discordant with the previous work of the writer. «Aelita» by the very chronology of its appearance embodied the duality of the life position of A. N. Tolstoy: it was created in the emigre period of the writer, but marked the beginning of the «Soviet period of Tolstoy» (G. P. Struve). The turning point of A. N. Tolstoy's self-determination becomes defining: between the Russian «homeless» emigration and the future in Russia, now Soviet. The multilevel nature and polyphonism of the novel reflects the movement of A. N. Tolstoy along the path of «getting used to the modernity», the post-revolutionary modernity of Soviet Russia, which the writer had to comprehend. The research involves the journalistic works of A. N. Tolstoy, contemporary criticism and periodicals, letters of contemporaries.

Keywords: Russian emigration, Soviet Russia, A. N. Tolstoy, science fiction, A. N. Tolstoy's novel «Aelita».

УДК 821.161.1

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА¹

Би Цзюньжу, Ли Мэнлун

Цзилинский университет, г. Чанчунь, Китай.

E-mail: 2758498583@qq.com

В статье анализируется интерпретация категории «женской красоты» в литературных произведениях А. И. Солженицына. В первой части статьи анализируется состояние исследования творчества писателя в Китае. Русские и китайские исследователи уже обращали внимание на тему женской красоты в его творчестве. Они сходятся во мнении, что в литературных произведениях интерпретация женской красоты тесно связана с аксиологией писателя. Китайские русисты изучают этический аспект интерпретации женской красоты и почти не уделяют внимание эстетическому аспекту интерпретации женской красоты. Во второй части статьи на конкретных текстовых примерах исследуется представление писателя о сущности женской красоты – красоты внешней и красоты духовной, нравственной. Солженицын не игнорировал ценность внешней красоты. Но красота в его литературных произведениях не только определяется как привлекательная внешность человека, она в большой степени воплощена в добрых поступках героинь. Писатель предпочитает внутреннее совершенство женских персонажей внешней красоте. В заключении отмечается, что красота представляет собой важный компонент в аксиологии писателя. Этическое и эстетическое начала определяют друг друга. Мнение писателя о взаимоотношениях между красотой и добром близко к главным этическим принципам в учении китайского мудреца Конфуция.

Ключевые слова: героиня, внешняя красота, внутреннее совершенство, аксиология писателя.

ВВЕДЕНИЕ

В жизни и творчестве А. И. Солженицына легко обнаружить отражение исторических событий XX века. Писатель стремился осмыслить правду жизни. Чтобы найти причины трагических обстоятельств, он, как ученый, сделавший предметом художественного исследования историю, с документальной достоверностью воссоздает характерные события определенной эпохи и анализирует их. В его литературных произведениях героем стал простой русский человек. Писатель уделяет большое внимание мужской судьбе на войне и в лагере, однако

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда социальных наук провинции Цзилинь (Social Science Foundation of Jilin Province) научно-исследовательского проекта «Изучение и анализ особенностей женских образов в литературных произведениях Солженицына» (2020C119).

женская тема также занимает значительное место в его творчестве. Исследование этой темы, по нашему убеждению, позволит расширить научные представления об авторской аксиологии.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Российские исследователи часто обращали внимание на разные аспекты творчества писателя, и в том числе на тему красоты. В статье «Красота как эстетическая категория в творчестве А. И. Солженицына: взгляд отечественных и зарубежных исследователей» Н. С. Филоненко сделал обзор научных работ, посвященных данной теме. Автор подчеркивает, что исследователи обратили внимание на способы создания триединства «Истина – Добро – Красота» [3, с. 189] в художественном мире писателя. Филоненко отмечает, что русские и европейские исследователи изучают тему красоты в произведениях А. И. Солженицына на уровне эстетики. Как показывают их работы, красота воплощается по-разному, но на нее неизменно опирается духовное возрождение в художественном мире писателя.

Изучение творчества Солженицына китайскими исследователями началось поздно, хотя советская литература оказала большое влияние на китайскую читательскую аудиторию. Солженицын пользуется известностью среди китайских русистов и любителей русской литературы, но в последние годы позиция официальной критики не способствует активному исследованию его произведений. Поэтому в списке научных трудов о русской литературе мы не обнаруживаем большого количества исследований, посвященных произведениям Солженицына. Но все же они есть.

Китайские специалисты уделяют наибольшее внимание прозаическим произведениям автора. И мы должны осветить вопрос об издании произведений Солженицына в переводе на китайский язык. Исследователь Гу Чэн, который работает в Китайской академии общественных наук, в статье «Рецензия на перевод произведений Солженицына в Китае» подчеркивает, что перевод Солженицына от «внутренней ссылки» постепенно переходит к открытой систематической публикации и более углубленному исследованию. Можно сказать, что в Китае

перевод и исследование творчества писателя прошли длинный путь развития. Теперь почти все его художественные произведения переведены на китайский язык.

Китайские исследователи интересуются биографией писателя и тематическими проблемами в его литературных произведениях. В китайской критике А. И. Солженицын был сложной фигурой. Профессор Жэнь Гуансюань из Пекинского университета в статье «А. Солженицын в китайской критике» рассматривает мнения авторов разных научно-исследовательских работ, созданных в 1996–2003 гг. Профессор Жэнь Гуансюань отмечает, что китайские ученые всегда видят Солженицына – политического деятеля и Солженицына-писателя. Он считает, что Солженицын-писатель достоин внимания исследователей и уважения китайских читателей [3, с.391].

Тема красоты в творчестве Солженицына демонстрируется в научно-исследовательских статьях и диссертациях молодых китайских специалистов-русистов. Некоторые исследователи уделяют внимание красоте человечности, сохраненной в условиях суровой лагерной жизни персонажами-мужчинами, в самых известных произведениях писателя. Среди таких работ немало магистерских диссертаций. Диссертация магистранта Ма Вэньюань из Сычуаньского университета представляет собой анализ отражений традиции критического реализма в «Раковом корпусе». Ма Вэньюань подчеркивает, что писатель изображает реальную жизнь русского народа той эпохи, сосредоточив внимание на жизни в раковом корпусе, который представляет собой миниатюру общества в целом. По мнению автора диссертации, авторский идеал доброты и красоты был отражен в таких женских образах, как Людмила Донцова и Вера Гангарт. Магистрант Ван Цзы из Сианьского архитектурно-технологического университета в диссертации изучает ряд произведений, в число которых входят роман «Архипелаг ГУЛАГ», «Колымские рассказы», «Время от времени присылайте мне весточку. История любви и выживания в ГУЛАГе», а также фильм «Обратный путь». В данной работе исследуется многомерная перспектива. Автор отмечает, что в перечисленных произведениях существуют семь типов персонажей: офицер, торговец, преступник, священник, художник, беглец и работник за рубежом. В трагических судьбах данных

персонажей отражено сочетание иллюзии с реальностью. Солженицын на эстетическом уровне достигает баланса между радостью и печалью. Хоу Сюэйвэй из Ляонинского университета анализирует «трилогию лагерной темы» у Солженицына. В магистерской диссертации она исследует солженицынский взгляд на природу человека в трех произведениях: «Архипелаг ГУЛАГ», «Один день Ивана Денисовича» и «В круге первом». Писатель в этих произведениях рассказывает о переживаниях самых разных персонажей в трудовых лагерях. Можно сказать, что в перечисленных произведениях автор оказывает предпочтение положительным чертам характера человека. Солженицын ценит благородную душу заключенных и в то же время разоблачает зло человеческой природы в тоталитарной политике. В любом его произведении мы можем заметить его стремление к добру и истине.

Другие исследователи сосредотачиваются на нравственной красоте Матрены Васильевны из рассказа «Матренин двор». Ученые, среди которых есть авторитетные русисты, уделяют внимание специфическим чертам характера Матрены Васильевны. Они также сосредоточились на контрасте между внутренним совершенством героини и недостатками окружающего мира. Например, профессор Вэнь Юйся из Сианьского университета иностранных языков в статье «Фокус: один день, один двор, один случай – анализ художественных произведений Солженицына» рассматривает концепции времени в повести «Один день Ивана Денисовича», концепции пространства в рассказах «Матренин двор» и «Случай на станции Кочетовка». Вэнь Юйся в части статьи, посвященной рассказу «Матренин двор», подчеркивает символическое значение смерти Матрены Васильевны. С точки зрения Вэнь Юйся, писатель выразил свою горечь, вызванную нравственным падением общества, через описание реакции родных и близких людей героини на ее похороны. Исследователь считает, что красота героини данного рассказа отражается в ее нравственных поступках. Магистрант Ли Чуаньцзинь из Педагогического университета Внутренней Монголии в диссертации «Тема христианства в произведениях А. И. Солженицына» также анализирует нравственную красоту Матрены Васильевны. Автор диссертации отмечает, что в рассказе «Матренин двор» Солженицын показывает читателям три мира на средневековой иконописи: идеальный, реальный и inferнальный. Писатель

подробно рассказывает о жизни праведницы Матрены в реальном мире. Автор диссертации подчеркивает, что, изображая противопоставленность Матрены представителю антимира Фадею, писатель определяет важную роль христианской традиции в сохранении духовности человека. Разоблачая реальность общества того времени, зло и жадность антимира, Солженицын вскрывает основы бездуховности. Он также воспекает бескорыстную душу праведницы. По мнению автора диссертации, поступки Матрены заслуживают одобрения Христа. Автор диссертации видит специфические черты святого в образе Матрены. Отметим, что Ли Чуаньцзинь систематически исследовал христианскую традицию в произведениях А. И. Солженицына.

В научно-исследовательском восприятии красоты в литературных произведениях писателя можно выделить сходные и различающиеся точки зрения и подходы. Исследователи из обеих стран соглашаются, что герой и героиня проходят суровое испытание в художественном мире писателя. Мужчины по сравнению с женщинами часто занимают главное место в развитии сюжета. Героине отводится второстепенное место. Многие исследователи подчеркивают, что действия солженицынских героинь редко образуют сюжет, а также поворот в главных событиях. Китайские исследователи, в отличие от русских коллег, уделяют большее внимание женским образам в творчестве писателя. С одной стороны, они соглашаются, что писатель воплощает по большей части страдания мужчин, поскольку он выразил результат собственного осмысления событий с помощью героев. С другой стороны, исследователи все же признают большое значение для произведений Солженицына высокой нравственности женских образов. В их работах красота чаще всего понимается как этическая категория. Интерпретация ценности человека всегда является одним из важнейших аспектов в исследовании творчества писателя.

С древности до наших дней красота ассоциируется с представлением о женственности. Красота в словаре имеет несколько значений. Это слово обозначает как «прекрасное», заложенное в характере человека, так и «привлекательную наружность». Когда мы говорим о красоте человека, мы подразумеваем

одновременно приятные черты его лица и привлекательные черты его характера. В своих героях Солженицын показывает нам прекрасную и негативную сторону человеческой натуры. Но женщины, с которыми более тесно связано наше представление о красоте, в его произведениях зачастую характеризуются не только нравственной, но и внешней красотой.

В литературных произведениях писателя встречаются разные героини: старая крестьянка, жена заключенного, дочь прокурора, медсестра, женщина-пациент и т.д. Отметим, что герои-мужчины у Солженицына почти всегда имеют прототипы в реальной жизни. Что же касается женских образов, то нам далеко не всегда удастся обнаружить их прототипы. Таким образом, женские персонажи Солженицына делятся на две группы: вымышленные и реальные.

Солженицын всегда уделяет внимание внешности героинь. В отличие от других современников-писателей, он иногда характеризует внешность героини одним эпитетом – красивая или некрасивая. Чем значительнее роль, которая отведена персонажу в художественном мире произведения, тем внимательнее писатель рассматривает внешность. Внешняя красота героинь отражена по-разному. Некоторые имеют земную красоту, а другие – небесную красоту.

В повести «Раковый корпус» красота женщин представлена в восприятии бывшего заключенного и других пациентов, попавших в онкологическую клинику. Медсестра Зоя представляет собой исключительную красавицу среди женщин-медработников, присутствующих в разных кабинетах.

Привлекательность медсестры получила всеобщее признание среди мужчин-пациентов. Павел Русанов враждебно относился к Олегу Костоглову, но оба считают Зою красавицей. Красота Зои способна благотворно влиять на состояние героев. Когда Русанова мучают окончательный диагноз – рак и лечебно-санитарные условия в раковом корпусе, приятный голос плотненькой и подобранной Зои приносит ему утешение. Мысль о смертельной болезни терзает сердце Русанова, но привлекательная внешность медсестры смогла временно вывести пациента из бездн отчаяния. Ее работа в глазах Русанова даже похожа на обещанную награду. И он смотрел на Зою с любованием. Его сердце смягчилось.

Хотя в больнице работают медработники мужского и женского пола, женское начало оказалось основной силой, спасающей умирающего. Зоя, как и ее коллеги, выжила в трудные годы. Она испытала жестокость реальной жизни и умела ценить моменты радости. В течение рабочего дня она не переставала учиться. Ее поступки, конечно, казались легкомысленными, но не уменьшили ее земную красоту в глазах пациентов. Ее красота была естественной, и она близка к реальному миру. Увидев ее красоту, больной временно забывал о боли и смерти. Перед лицом болезни именно земная красота оказывается той силой, которая возвращала мужчину к жизни. То есть внешняя красота оказывается источником дополнительной силы в борьбе с болезнью и отчаянием.

Другим ярким примером является одна из любимых героинь Солженицына – Агния из романа «В круге первом». Писатель приписывает ей уникальную небесную красоту.

Имя Агнии звучало в памяти Антона Яконова, который испытывал страх снова стать заключенным в лагере. Увидев остатки церкви, он вспомнил имя девушки и ушедшие в прошлое отношения между ними. Агния казалась совершенно чуждой окружающему миру. В самом начале писатель подчеркивает, что внешность девушки не соответствует эстетическому шаблону. Здесь красота связана с телесностью и нравственностью персонажей. Утонченность и высокая требовательность девушки стала притягательной силой для молодого человека. А красива ли Агния? Сквозь призму мировидения героя писатель дает нам ответ на этот вопрос. По описанию внешности легко заметить, что девушка обладает особым характером: «Лицо ее часто преображалось: то в миловидной улыбке, то в непривлекательной вытянутости. Роста она была выше среднего, но узка, хрупка, а походка – такая легкая» [9, с.167]. Писатель несколько раз подчеркивает, что героиня не похожа на обыкновенную советскую девушку. Интересно отметить, что сама девушка не осознает своей особенной красоты и ее волнует возможность ухода Яконова к московской красавице.

Хотя семья Агнии придерживалась «революционных традиций», она сама отличается набожностью. Очевидно, что эта особенность ее мировоззрения была чужеродной и для Антона, и для большей части общества той поры. Но девушка не

готова сдаваться, она даже сохранила немодную прическу («никто уж в те годы не носил кос, все стригли, она ж носила из духа противоречия, хоть ей они не шли» [9, с. 171]), чтобы сохранить свою особенность. Когда молодые возлюбленные гуляли на Таганской площади в Москве, Агния показала Яконову церковь Никиты Мученика. По убеждению девушки, церковь – одно из самых красивых мест в Москве. Антон, в отличие от Агнии, не испытывал благоговения к церкви, но он заметил, что в золотом сиянии солнца девушка также казалась золотой. Солженицын несколько раз делает акцент на цвете. Желтый (золотой) цвет имел разные значения в процессе развития христианства. В раннем европейском средневековье желтый цвет воспринимался как «символ божественности и царственности» [1, с. 1479]. Следует отметить, что желтый цвет не только придает Агнии некую небесную красоту, он может отражать чуждость взглядов. Когда Антон и Агния спорили о роли и судьбе церкви в Советском Союзе, Агния пыталась защитить свое мнение, но наталкивалась на строгую критику Антона. Он считал, что положительное отношение к церкви доказывало ее слабость перед лицом исторического поворота и новой жизни. В ходе разговора Антон обратил внимание на ее желтую шаль. Следует заметить, что в период позднего средневековья желтый цвет приобрел неблагоприятные символические значения. Он стал считаться цветом измены, продажности, вероломства и греха. И чувства Антона к Агнии также изменились к худшему. После описанного спора он больше не смотрел на девушку с восхищением. Ее необыкновенная красота исчезла в его глазах. Следует вывод, что небесная красота, обусловленная набожностью, не могла нравиться молодому человеку той эпохи, не могла стать общепризнанной.

То есть автор представил нам два типа. Мы видим девушку, обладающую земной красотой, приносящей облегчение страждущим. Но эта девушка выбирает легкомысленный образ жизни своих современников. И мы видим другую девушку – обладающую небесной красотой, способную отстаивать свое мнение, даже если самые близкие люди не соглашались с ней. По нашему убеждению, писатель все-таки предпочитал небесную красоту.

Яркой, очевидной для всех красотой часто обладают второстепенные персонажи писателя. Героини же, имеющие большое значение в развитии сюжета, не были общепризнанными красавицами. Они обычно обладают особой, скрытой красотой. Матрена Васильевна – одна из ключевых и любимых героинь писателя. Она сначала не кажется повествователю красивой: «Кругловатое лицо хозяйки показалось мне желтым, больным» [12, с. 119]. Но постепенно образ Матрены усложняется, и автор изображает ее настоящую красоту: Матрена обладает «лучезарной улыбкой» [12, с. 122]. Описание улыбки как отражение характера также используется, когда автор создает картину ракового корпуса. В глазах пациента у Веры Гангарт улыбка «как солнышко» [11, с. 65]. Такая улыбка для больных означает гораздо больше, чем правильность черт или миловидность.

Если говорить о романе «В круге первом», то нравственная красота женщин представлена в подвигах жен заключенных, а внешняя красота очевиднее в образах работниц Марфинской шарашки и женщин из семьи прокурора. Впрочем, женам заключенных присуща также и земная красота, но она обычно представлена в воспоминаниях заключенных. Во время же свиданий в Марфинской шарашке проявляется их нравственная красота. Лишь в образе Нади Нержиной оба вида красоты присутствуют одновременно. Однако автор показывает читателю, как жизненные испытания постепенно разрушают физическую красоту жен заключенных, оставляя силу красоты нравственной.

Вообще, у Солженицына утрата женщиной телесной красоты – тема для серьезных наблюдений и размышлений. Описывая ситуацию в раковом корпусе, он постоянно возвращает читателя к этому аспекту, заставляет понять, что именно лишило многих женщин внешней привлекательности. Если речь идет о медицинских работниках, то главной причиной оказываются большая нагрузка, моральное и физическое утомление. Вот, например, портрет доктора Донцовой: «Она была уже немолода, и вид у неё был бледный, очень усталый» [11, с. 9]. Пациент даже заметил, что у нее «нездоровый сероватый цвет лица и глубоко усталое, едва ли не больное выражение» [11, с. 47]. Еще в большей степени обстоятельства жизни разрушают физическую привлекательность пациенток. Сама одежда, «серые бумазейные

обтрепавшиеся халаты», лишала их красоты. Но главное – болезнь подрывала их физические и моральные силы.

Солженицын показывает и такие ситуации, когда внешняя красота прикрывает отсутствие красоты внутренней или является причиной ее утраты. В начале двучастного рассказа «Настенька» внучка священника была наивной девушкой, лишенной красоты: «Да, была она рыжая, веснучатая и считалась некрасивая» [12, с. 347]. Повзрослев, стала казаться своим поклонникам красивой, однако она отказалась от нравственных основ, которые пытался внушить ей дед-священник. Пытаясь сохранить свою жизнь, она сохранила и внешнюю привлекательность, но утратила духовное наследие и честь.

В «Архипелаге ГУЛАГ» ярко показан мир, где женская физическая красота может стать настоящим проклятием. За привлекательность женщину могут просто обидеть, как одну из героинь: «...Заклученная девушка сушила на солнце распущенные после мытья длинные льняные волосы, и ее тотчас остригли» [7, с. 118]). Но красота в лагере может вести и к полному нравственному падению, поскольку становится разменной монетой, дающей женщине возможность облегчить лагерное существование. В связи с этим женщина должна совершать сложный моральный выбор между злом и добром.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В аксиологии А. И. Солженицына важную роль играет триединство «Истина – Добро – Красота». Оно отразилось в репрезентации категории «женская красота». В интерпретации писателя истина и добро важнее внешней красоты, поэтому его любимые героини часто владеют неявной красотой. Прототипом Ксении Томчак была мать Солженицына. Писатель с любовью описывает внешность девушки. Она, наверное, представляет собой единственную героиню, в которой гармонично слились внутренняя и внешняя красота. В целом же внешняя, очевидная для всех привлекательность и нравственные достоинства редко совмещаются в одной женской личности. Автор сознает ценность и силу физической красоты, но в большей степени его интересует красота внутренняя. Героини, обладающие такой красотой, не боятся

быть искренними. Их упорство, высокая нравственность, самоотверженность и любовь к близким напоминают нам о принципах этического учения Конфуция.

В этическом учении Конфуция «жэнь» (гуманность, человечность), «и» (соблюдение порядка и морали), «ли» (нормы, правила поведения) являются основными принципами. С точки зрения Конфуция, красота человека состоит в его благородных поступках. Высокая нравственность всегда придает человеку исключительную красоту.

Думается, ценностная система Солженицына во многом базируется на схожих принципах и созданные им женские образы вызывают симпатию читателя благодаря своим искренним чувствам, добрым поступкам и высоким нравственным качествам.

Список литературы

1. Григорьева, Э. И. Анализ развития цветовой символики в христианской культуре [Текст] / Э. И. Григорьева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2011. — № 2–6. — С. 1476–1481.
2. Гу Чэн, Рецензия на перевод произведений Солженицына в Китае [Текст] / Гу Чэн // Исследование динамики зарубежной литературы (CN10–1309/I). — 2018. — № 5. — С. 93–94.
3. Махони Д. Дж. Солженицын — мыслитель [Текст] / Д. Дж. Махони // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика: 1974–2008. — 2010. — С. 30–47.
4. Решетова, А. А. Наследие А. И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья. (К 95-летию со дня рождения писателя) сборник материалов Международной научно–практической конференции [Текст] / А. А. Решетова // Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. — 2014. — С. 183–190.
5. Рябов, О. В. Русская философия женственности (XI–XX века) [Текст] / О. В. Рябов. — Иваново: Юнона, Ивановский государственный университет, 1999. — 359 с.
6. Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 4. Архипелаг Гулаг: Опыт художественного исследования. Части I–II [Текст] / А. И. Солженицын. — М.: Время, 2010. — 544 с.
7. Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 5. Архипелаг Гулаг: Опыт художественного исследования. Части III–IV [Текст] / А. И. Солженицын. — М.: Время, 2010. — 560 с.
8. Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 6. Архипелаг Гулаг: Опыт художественного исследования. Части V–VII [Текст] / А. И. Солженицын. — М.: Время, 2010. — 624 с.
9. Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 2. В круге первом [Текст] / А. И. Солженицын. — М.: Время, 2011. — 880 с.
10. Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 7. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах. Узел I: Август Четырнадцатого. Книга 1 [Текст] / А. И. Солженицын. — М.: Время, 2006. — 432 с.
11. Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 3. Раковый корпус [Текст] / А. И. Солженицын. — М.: Время, 2012. — 552 с.

12. Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 1. Рассказы и крохотки [Текст] / А. И. Солженицын. – М.: Время, 2006. – 672 с.
13. Струве Н. А., Москвин В. А. Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: Альманах [Текст] / Н. А. Струве, В. А. Москвин. М.: Русский путь, 2005. – 554 с.

References

1. Grigorieva E. I. *Analiz Razvitiya Cvetovoj Simvoliki v Hristianskoj Kuliture* [Analysis of the Development of Color Symbolism in Christian Culture. Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2011, no 2–6, pp. 1476–1481.
2. Gu Cheng. *Recenzija na Perevod Proizvedenij Solzhenicyna v Kitae* [Review of the Translation of Solzhenitsyn's Works in China. A Study of the Dynamics of Foreign Literature (CN10–1309/I)], 2018, no 5, pp. 93–94.
3. Mahoney D. J. *Solzhenicyn – Mysliteli* [Solzhenitsyn is a Thinker. Solzhenitsyn: Thinker, Historian, Artist. Western Criticism: 1974–2008]. Moscow: Russian Way., 2010. pp. 30–47.
4. Reshetova A. A. *Nasledie A.I. Solzhenicyna v Sovremennom Kuliturnom Prostranstve Rossii i Zarubezhija. (k 95-letiju so Dnja Rozhdenija Pisatelja) Sbornik Materialov Mezhdunarodnoj Nauchno – Prakticheskoy Konferencii* [The Legacy of A. I. Solzhenitsyn in the Modern Cultural Space of Russia and Abroad. (to the 95th Anniversary of the Writer's Birth) Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. Ryazan State University Named after S. A. Yesenin], 2010, pp. 183–190.
5. Ryabov O. V. *Russkaja Filosofija Zhenstvennosti (XI – XX Veka)* [Russian Philosophy of Femininity (XI–XX centuries)]. Ivanovo: Juno. Ivanovo State University, 1999. 359 p.
6. Solzhenitsyn A. I. *Sobranie Sochinenij v 30 Tomah. T. 4. Arhipelag Gulag: Opyt Hudozhestvennogo Issledovanija. Chasti I–II* [Collected Works in 30 Volumes. T. 4. The Gulag Archipelago: The Experience of Artistic Research. Parts I–II]. Moscow: Vremya, 2010. 544 p.
7. Solzhenitsyn A. I. *Sobranie Sochinenij v 30 Tomah. T. 5. Arhipelag Gulag: Opyt Hudozhestvennogo Issledovanija. Chasti III–IV* [Collected Works in 30 Volumes. T. 5. The Gulag Archipelago: The Experience of Artistic Research. Parts III–IV]. Moscow: Vremya, 2010. 560 p.
8. Solzhenitsyn A. I. *Sobranie Sochinenij v 30 Tomah. T. 6. Arhipelag Gulag: Opyt Hudozhestvennogo Issledovanija. Chasti V–VII* [Collected Works in 30 Volumes. T. 6. Gulag Archipelago: The Experience of Artistic Research. Parts V–VII]. Moscow: Vremya, 2010. 624 p.
9. Solzhenitsyn A. I. *Sobranie Sochinenij v 30 Tomah. T. 2. V Krug Pervom* [Collected Works in 30 Volumes. T. 2. In the first circle]. Moscow: Vremya, 2011. 880 p.
10. Solzhenitsyn A. I. *Sobranie Sochinenij v 30 Tomah. T. 7. Krasnoe Koleso: Povestvovanie v Otmerennyh Srokah v Chetyreh Uzlakh. Uzel I: Avgust Chetyrnadcatogo. Kniga 1* [Collected Works in 30 Volumes. T. 7. Red Wheel: Narration in Measured Terms in Four Nodes. Node I: August the Fourteenth. Book 1]. Moscow: Vremya, 2006. 432 p.
11. Solzhenitsyn A. I. *Sobranie Sochinenij v 30 Tomah. T. 3. Rakovyj Korpus* [Collected Works in 30 Volumes. T. 3. Cancer building]. Moscow: Vremya, 2012. 552 p.
12. Solzhenitsyn A. I. *Sobranie Sochinenij v 30 Tomah. T. 1. Rasskazy i Krohotki* [Collected Works in 30 Volumes. T. 1. Stories and Little Ones]. Moscow: Vremya, 2006. 672 p.
13. Struve N. A. Moskvin V. A. *Mezhdv Dvumja Jubilejami(1998-2003): Pisateli, Kritiki i Literaturovedy o Tvorchestve A.I. Solzhenicyna: Alimanah* [Between Two Anniversaries(1998-2003): Writers, Critics and Literary Critics About the Work of A. I. Solzhenitsyn: Almanac]. M.: Russian Way, 2005. 554 p.

**REPRESENTATION OF WOMEN'S BEAUTY IN LITERARY WORKS
A. I. SOLZHENITSYNA**

Bi Junru, Li Menglong

This article presents the interpretation of female beauty in the literary works of A. I. Solzhenitsyn. The introduction analyzes the state of research of the writer's creativity in China. Russian and Chinese researchers drew attention to the theme of female beauty in his work. They agree that in literary works the interpretation of female beauty is closely connected with the axiology of the writer. Chinese Russian scholars study the ethical aspect of the interpretation of female beauty, and almost do not pay attention to the aesthetic aspect of the interpretation of female beauty. The second part of the article emphasizes that the Solzhenitsyn heroines are divided into two groups: "beautiful" and "ugly". Solzhenitsyn did not ignore the value of external beauty. But beauty in his literary works is not only defined as a favorable appearance of a person, it is largely embodied in the good deeds of the heroines. The writer prefers the inner perfection of female characters to external beauty. In conclusion, it is noted that beauty is an important component in the axiology of the writer. The ethical and aesthetic principles define each other. His opinion about the relationship between beauty and goodness is close to the main ethical principles in the teachings of the Chinese philosopher Confucius.

Keywords: heroine, external beauty, inner perfection, author's axiology.

УДК 308

ЭЛЕМЕНТЫ ТЕАТРА В ПОХОРОННЫХ ПЛАЧАХ И ПРИЧИТАНИЯХ ИНГУШСКИХ ЖЕНЩИН

Матиев М. А., Евлоева А. М.

*ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», ГБУ «ИнгНИИ»,
г. Магас, Российская Федерация.
E-mail: evloeva.igu@bk.ru*

Представленная статья посвящена жанру похоронных плачей и причитаний женщин в Ингушетии, который находится сегодня на грани исчезновения. В статье отмечается, что обряд оплакивания покойника у ингушей называется «белхам», а в плачах и причитаниях оплакивающие восхваляют достоинства умершего, говорят о горе. Выявляются основные особенности данного жанра, подчеркивается тот факт, что причитания и слезы в рамках данного обряда зачастую были показательными и фактически таких эмоций родственники усопшего могли и не испытывать. Своеобразен тот факт, что плач являлся обязательным структурным элементом указанного обряда, не плакать считалось признаком дурного тона. Авторами изучен ряд научных точек зрения на этот обряд, обобщены исследовательские позиции по этому вопросу. Установлено, что обряд выполнял несколько функций, в том числе служил «заклинанием» для души покойника. Делается вывод о том, что рассмотренный обряд обладает культурной значимостью, жанровыми и художественными особенностями, позволяет лучше понять не только культуру ингушского народа, но и особенности его быта и семейных взаимосвязей.

Ключевые слова: плачи, причитания, Ингушетия, женщины, песни, обряды, ислам, язычество.

ВВЕДЕНИЕ

В похоронных обрядах ингушей можно наблюдать весьма широкую совокупность театральных элементов. Одновременно с этим, определяя в них отсутствие или наличие драматизированных элементов игр, равно как и иных представлений театрализованного характера, необходимо учитывать наличие условной дифференциации. В частности, во внимание стоит принимать такие обряды, которые непосредственно связаны с культом умерших лиц до того, как был принят ислам, а также современные обряды, которые уже связаны с мусульманской религией, причем достаточно тесно.

Стоит отметить, что в похоронном обряде ингушей периода, который существовал до принятия ислама, особое место занимали плачи и причитания женщин, которые являются одним из наиболее древних жанров фольклора. Так, женщины собирались вместе и отдельно от мужчин шли на похороны. Отметим, что они могли идти и спокойно вести свои беседы, но к моменту приближения к месту

похорон они должны были максимально громко и артистично причитать и оплакивать умершего. Балкарским исследователем А. Сарбашевой песня-плач была определена как «достаточно органичное сочетание традиции и импровизации, в котором свое отражение нашли признаки, характерные для драматического творчества» [9, с. 69].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Обряд оплакивания покойника у ингушей называется «белхам». Эта традиция принимала эмоциональную и трагическую окраску, присутствующие здесь поддавались общему настроению, и сторонний наблюдатель видел картину большого горя. Многие искренне выражали сочувствие и скорбь людям, знавшим умершего, выражали беспокойство по поводу судьбы оставшихся сиротами детей.

Трудно не согласиться с исследователем адыгских песен-плачей С. М. Нехай, которая указывала, что «духовная потребность в выражении своего отношения к различным жизненным событиям, свойственная людям, всегда порождает возникновение стихотворных и музыкальных произведений. В качестве одного из элементов данной системы выступает эмоциональная насыщенность творчества, а также народные знания об этносе и философское мировидение и мировосприятие адыгов. Кроме того, к элементам подобного рода стоит отнести вербальные тексты, которые имеют художественную структуру, а также различные внешние и внутренние связи и проявления» [6, с. 257]. Все сказанное, на наш взгляд, в полной мере относится и к ингушским песням-плачам.

В далеком прошлом в доме покойного собиралось много женщин: каждый день около двухсот-трехсот, и этот сбор продолжался целую неделю. В своих плачах и причитаниях они идеализировали покойного, прославляя достоинства и успехи, которыми якобы он обладал. Начинала солировать одна плакальщица, остальные подхватывали.

Плачи усиливались при появлении новой группы женщин с соболезнаванием. Как отмечается в литературе, «суть причитания состояла в том, чтобы вызвать жалость у присутствующих лиц, а также вызвать чувство сострадания не только к

умершему, но и к его родным и близким» [1, с. 170]. Хотя бы одна женщина с каждой группы в знак выражения сочувствия должна была оплакивать покойного импровизированными причитаниями, а остальные поднимать громкий вопль.

Исполнялись плачи как близкими родными умершего, так и посторонними женщинами в форме монолога и диалога. Многие были просто зрителями.

Этнографический материал свидетельствует о том, что в плачах ярко представлена театрализация.

Кругом сидят родственницы умершего, тихо разговаривают. Однако, когда приближаются к их двору новые женщины, они встают и начинают снова причитать и плакать. Ранее неукоснительно соблюдался следующий порядок: «четыре женщины, которые являются дальними родственниками умершего лица, стоят посередине в окружении остальных женщин. Одна из дальних родственниц плачет и перечисляет все доблести, которыми умершее лицо отличалось. Также она указывает на планы, которые строил усопший, называя его по имени, и указывает, что ранняя смерть помешала ему данные планы осуществить. Каждое слово обязательно протягивалось, произнося эти слова, женщины били себя в грудь, не запрещалось царапать себе лицо, а также восклицать «Гададай»» [4, с. 60].

Тексты плачей женщин, которые сегодня сохранились, различаются по степени родства плачущей:

- плач **матери**, у которой при этом большом горе, поэтому приходилось импровизировать и уметь прилюдно оплакивать: «Да умерла бы вместо тебя я, мать твоя! / За тебя я твою сладкую смерть / С желанием я приняла бы» [3, с. 327].

- плач **сестры**, который был записан в 1902 году Магометом Джабагиевым: «О, несчастная сестра! Не видеть тебе больше брата, въезжающего во двор!..» [3, с. 328].

- плач **дочери** о матери: «О-о, моя добрая (мягкая) и ласковая мать / Да умерла бы я за тебя, тобою рожденная...» [3, с. 332].

- плач **молодой вдовы** по умершему мужу: «О-о, да умерла бы я, с душою твоей обрученная / - Ведь черной вдовою меня ты оставил / О-о, да умерла бы с душою твоей обрученная / – Ведь малых твоих детушек / Ты оставил бедными сиротами...» [3, с. 334].

Ритуальный плач становился делом всех женщин, старая она или молодая, родственница умершего или посторонняя, и каждая из них была «актрисой». Как отмечается в литературе, «плачи имели весьма устоявшуюся форму, а также единое внешнее оформление, однако в каждом случае в рамках импровизации содержание плача могло изменяться или дополняться чем-либо. Плакали абсолютно все женщины, так как не пролить даже одной слезы считалось верхом неприличия» [2, с. 244].

Анализ плачей и причитаний показывает, что они отличаются тематическим разнообразием, в них отражены тончайшие оттенки человеческих переживаний в связи с потерей человека. Безусловно, «основа данных плачей состоит в гуманизме, в частности, в идеях о поддержке друг друга в несчастье и беде, а также в идее взаимной помощи» [7, с. 129]. И после принятия ислама ингушки продолжали оплакивать покойного как в язычестве, т. е. они одновременно сочетали и языческие, и мусульманские ритуалы. Потом плачи ушли и обряд похорон видоизменился.

Нельзя не согласиться с утверждением, что ключевыми для плачей-причитаний «выступали мотивы дороги, символизирующей уход в другой мир, а также мотив того, что жизнь необратима. В причитаниях, которые были сконструированы по модели диалога умершего лица и лица, которое его оплакивает, риторические вопросы позволяли выразить скорбь, а также сожаление о смерти лица. Жанр в данном случае выполнял эмоциональную и оценочную функцию, равно как и охранительную и заклинательную функцию. Так, с одной стороны, в текстах подобного рода выражалась скорбь по умершему лицу и давалась оценка его заслугам, в то время как, с другой стороны, высказывались заклинания, с помощью которых душа покойного не могла прийти в мир живых» [8, с. 1085].

ВЫВОДЫ

Таким образом, в плачах и причитаниях оплакивающие восхваляют достоинства умершего, говорят о своем горе, о горечи утраты, в то же время эти тексты «помогают» проститься с родными и близкими. Исследуя похоронный обряд, можно отметить, что «элементы театра у ингушей существовали с давних времен» [5, с. 9].

Национальные писатели (И. А. Дахкильгов, В. В. Хамхоев, М. М. Картоев и другие) в качестве этнофольклорного компонента часто вводили в художественную ткань своих произведений похоронно-поминальную обрядность. Эффективность и целесообразность такого приема заключается в том, что он «существенно обогащал художественную образность, а также служил усилению драматизма изображаемых событий, отражению основных особенностей семейно-бытового уклада определенного этноса» [10, с. 64]. Также стоит отметить, что данный прием активно способствует сохранению традиций оригинального жанра песни-причитания в духовной памяти народа.

Список литературы

1. Агиева Л. Т. Этнография ингушей [Текст] / Л. Т. Агиева. – Майкоп, 2011. – 552 с.
2. Акиева П. Х. Рождение. Свадьба. Смерть. Историко-этнографические архетипы ингушей [Текст] / П. Х. Акиева. – Санкт-Петербург, 2014. – 292 с.
3. Дахкильгова И. А. Антология ингушского фольклора: В 2-х т. [Текст] / И. А. Дахкильгова. – Нальчик, 2003. – 343 с.
4. Ахриев Ч. Э. Похороны и поминки у горцев [Текст]: Ингуши: Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа / А. Х. Танкиев. – Саратов, 1966. – 590 с.
5. Евлоева А. М. Ингушская драматургия: национальные истоки, эволюция, жанровая специфика [Текст]: автореферат дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01 / А. М. Евлоева. – Нальчик, 2006. – 18 с.
6. Нехай С. М. Анализ художественно-выразительных средств в лирических песнях адыгов [Текст]: Вестник АГУ. Серия «Филология и искусствоведение» / С. М. Нехай. – 2007. – № 2 (26). – С. 260–264.
7. Нехай С. М. Репрезентация эмоционального концепта «любовь» (на примере лирических песен адыгов) [Текст]: Материалы Международной научно-практической конференции «Просветительство в этнокультурных реалиях Кавказа», посвященной 170-летию Ч. Э. Ахриева / С. М. Нехай. – Магас, 2021. – С.114–129.
8. Ойноткинова Н. Р. Поэтика и прагматика жанров похоронной обрядности алтайцев [Текст]: Вестник Удмуртского университета / Н. Р. Ойноткинова. – 2019. – Т. 29. Вып. 6. – С. 1081–1087.
9. Сарбашева А. М. Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра [Текст] / А. М. Сарбашева. – Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. – 240 с.
10. Сарбашева А. М. Трансформация фольклорных традиций в балкарской литературе (на материале прозы) [Текст] / А. М. Сарбашева. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2019. – 172 с.

References

1. Agieva L. T. *Etnografiya Ingushei* [Ethnography of the Ingush]. Maikop, 2011. 552 p.
2. Akieva P. Kh. *Rozhdenie. Svad'ba. Smert'. Istoriko-Etnograficheskie Arkhetipy Ingushei* [Birth. Wedding. Death. Historical and Ethnographic Archetypes of the Ingush]. Sankt-Peterburg, 2014. 292 p.

3. Dakhkil'gova I. A. *Antologiya Ingushskogo Fol'klora* [Anthology of Ingush Folklore]. Nal'chik, 2003. 343 p.
4. Akhriev Ch. E. *Pokhorony i Ppominki u Gortsev: Ingushi* [Funeral and Commemoration at the Highlanders]. Saratov, 1966. 590 p.
5. Evloeva A. M. *Ingushskaya Dramaturgiya: Natsional'nye istoki, Evolyutsiya, Zhanrovaya Spetsifika: Avtoreferat Diss. ...* Kand. Fil.Nauk.[Ingush Drama: National Origins, Evolution, Genre Specificity]. Nal'chik, 2006. 18 p.
6. Nekhai S. M. *Analiz Khudozhestvenno-Vyrazitel'nykh Sredstv v Liricheskikh Pesnyakh Adygov* [Analysis of Artistic and Expressive Means in the Lyric Songs of the Circassians]. 2007, no. 2 (26), pp. 260–264.
7. Nekhai S. M. *Reprezentatsiya Emotsional'nogo Kontsepta «Lyubov'» (Na Primere Liricheskikh Pesen Adygov)* [Representation of the Emotional Concept "Love" (on the Example of the Lyrical Songs of the Circassians)]. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Prosvetitel'stvo v jetnokul'turnyh realijah Kavkaza»*. Magas, 2021. p. 114–129.
8. Oinotkinova N. R. *Poetika i Pragmatika Zhanrov Pokhoronnoi Oobryadnosti Altaitsev* [Poetics and Pragmatics of Genres of Funeral Rituals of Altaians]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta*. 2019, vol. 29, no. 6, pp. 1081–1087.
9. Sarbasheva A. M. *Balkarskaya Dramaturgiya: Eetnofol'klornaya Traditsiya i Evolyutsiya Zhanra* [Balkar Drama: Ethnofolk Tradition and Evolution of the Genre]. Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 2009. 240 p.
10. Sarbasheva A. M. *Transformatsiya Fol'klornykh Traditsii v Balkarskoi Literature (Na Mmaterial'e Prozy)* [Transformation of Folklore Traditions in Balkar Literature (Based on Prose)]. Nal'chik: Izdatel'skaya Tipografiya «Print Tsentr», 2019. 172 p.

ELEMENTS OF THEATER IN FUNERAL LAMENTS AND LAMENTATIONS IN GUSH WOMEN

Matiev M. A., Evloeva A. M.

The presented article is devoted to the genre of funeral laments and lamentations of women in Ingushetia, which today is on the verge of extinction. The article notes that the Ingush call the ceremony of mourning for the deceased "belkham", and in crying and lamentations, those who mourn praise the merits of the deceased, talk about grief. The main features of this genre are revealed, the fact is emphasized that lamentations and tears within the framework of this rite were often indicative and, in fact, the relatives of the deceased might not have experienced such emotions. The fact that crying was an obligatory structural element of this rite is peculiar; not crying was considered a sign of bad taste. The author studied a number of scientific points of view on this rite, generalized research positions on this issue. It was established that the rite performed several functions, including serving as a "spell" for the soul of the deceased. It is concluded that the considered rite has cultural significance, has genre and artistic features, allows you to better understand not only the culture of the peoples of Ingushetia, but also the peculiarities of their life and family relationships. Concerns were expressed about the disappearance of the rite, as well as references to it in works of art.

Keywords: lamentations, lamentations, Ingushetia, women, the deceased, songs, rituals, Islam, paganism

УДК 821.161.

КРЫМ В ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ ЭДУАРДА ЛИМОНОВА

Мащенко А. П.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: amas69@mail.ru*

Статья анализирует роль Крыма в жизни, творчестве, политической деятельности Эдуарда Лимонова и, одновременно, роль самого Лимонова в истории полуострова.

Жизнь, творчество и политическая деятельность Лимонова неразрывно связаны с Крымом на биографическом, литературном, идеологическом уровнях. Первые поездки писателя на полуостров относятся к ранней юности и носят романтико-приключенческий характер. Этот период отражается в таких произведениях, как «Подросток Савенко», «Молодой негодяй», «Книга воды». Распад Советского Союза, в результате которого Крым оказывается в составе независимой Украины, воспринимается Лимоновым как трагическая несправедливость. Почти четверть века его общественная и политическая деятельность направлена на воссоединение полуострова с Россией. Размышления о судьбах Крыма, России, Украины отражаются в публицистических книгах Лимонова «Анатомия героя», «Моя политическая борьба», «Как мы строили будущее России», чтобы ярче всего реализоваться в книге «Киев капут», вдохновленной событиями на Майдане осенью 2013–2014 годов, воссоединением Крыма с Россией и гражданской войной на Донбассе.

Лимонов восторженно приветствовал события Крымской весны 2014 года. В его понимании, воссоединение полуострова с Россией стало признанием официальными властями страны правоты писателя, выполнением одной из главных задач не только его политической деятельности, но и всей его жизни.

Ключевые слова: Эдуард Лимонов, Крым, Россия, Украина, литература, журналистика, политика.

ВВЕДЕНИЕ

Эдуард Лимонов (Савенко) – один из крупнейших русских писателей, публицистов, общественных деятелей и политиков второй половины XX – начала XXI века. Он вошел в историю отечественной литературы с такими произведениями, как «Это я – Эдичка», «У нас была великая эпоха», «Подросток Савенко», «Молодой негодяй», а в историю отечественной журналистики – с книгами «Анатомия героя», «Моя политическая борьба», «Киев капут». Национал-большевистская партия Лимонова, при всей противоречивости ее деятельности (запрещена в России в 2007 году), стала ярким явлением в общественно-политической жизни страны.

Важную роль в жизни, творчестве, политической и общественной деятельности Эдуарда Лимонова играл Крым. Своими художественными и публицистическими произведениями, политическими акциями и выступлениями он много сделал для воссоединения полуострова с Россией в 2014 году.

Историко-литературное изучение огромного (и в буквальном, и в переносном смысле этого слова) творческого и общественно-политического наследия Эдуарда Лимонова только начинается, и эта статья призвана внести свой вклад в предстоящую длительную работу исследователей – историков, литературо- и журналистиковедов, политологов, политтехнологов, философов.

Цель исследования – изучить роль Крыма в жизни, творчестве, политической деятельности Эдуарда Лимонова и, одновременно, исследовать роль самого Лимонова в истории полуострова. Это требует решить ряд задач: проанализировать обращения автора к крымской тематике как в его художественных, так и в публицистических произведениях; выделить «самые крымские» тексты писателя; описать образ Крыма в творчестве Лимонова; продемонстрировать и объяснить неразрывную связь художественного творчества Лимонова с его общественной и политической деятельностью; определить связь представлений Лимонова о Крыме, России, Украине с представлениями его предшественников – классиков русской литературы более ранних периодов; определить роль Лимонова в воссоединении Крыма с Россией.

Методы исследования: описательный; историко-генетический, позволяющий выявить связь между традициями русской литературы и представлениями писателя; биографический, устанавливающий зависимость между жизнью, творчеством и политической деятельностью Лимонова. Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается одна из первых системных попыток изучить роль Крыма в жизни, творчестве и политической деятельности такого яркого героя отечественной истории последних десятилетий, как Эдуард Лимонов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Эдуард Лимонов (Савенко) родился и вырос в Харькове – большом миллионном городе, расположенном фактически на самой границе между Украиной и Россией. При этом Харьков никогда не разделял эти страны. Наоборот, он связывает Украину и Россию в единое целое, является политической, экономической, культурной, языковой пуповиной, соединяющей их неразрывными родственными узами –

неразрывными даже сейчас, когда отношения между двумя государствами находятся в низшей точке за весь период их самостоятельного существования.

Харьков возник и развивался на пограничных землях российского государства. Его предприятия были интегрированы в единую экономическую систему сначала Российской империи, а потом Советского Союза. Город всегда говорил (и говорит до сих пор) на русском языке, а окрестные сёла – на суржике – языке российско-украинского пограничья, в котором причудливо переплетена лексика двух народов. Таким образом, Украина и Россия являются для Лимонова неразрывными, неделимыми частями единого Русского мира уже в силу самого факта рождения (и взросления) писателя в этом городе.

А еще из Харькова открываются дороги на русский юг. «Харьковский вокзал огромный. Один из самых больших в СССР, ибо Харьков – важный миллионный промышленный город, открывающий путь на юг, на всю Украину. За Харьковом именно начинается по-настоящему теплая плодородная земля Украины, а за нею Крым, а дальше жаркий экзотический Кавказ, и основные железнодорожные пути ведут туда через Харьков» [8], – читаем мы в автобиографическом романе «Подросток Савенко».

Крым манил юного Эдуарда как экзотический, романтический южный край, поэтизированный Пушкиным, Волошиным, Гумилевым, Мандельштамом, Цветаевой и другими классиками отечественной литературы. Им двигала присущая молодости жажда путешествий и приключений, жажда новых сильных впечатлений, которые должны были вылиться в литературные тексты.

«Эпоха неорганизованных периодических путешествий в Крым, на Кавказ и в советские азиатские республики (конец пятидесятых – начало шестидесятых годов) поставила в мою коллекцию целую серию оригинальных постелей. В эту эпоху мне приходилось спать на вокзальных скамьях, на лестничных площадках, в полях, на мешках с картошкой, на пляжах» [3], – вспоминал Лимонов в рассказе «Кровати». К двадцати одному году, побывав вором, взломщиком, литейщиком, монтажником-высотником, грузчиком, пропутешествовав по крымам, кавказам и азиям, Эдуард, по его собственному признанию, еще не нашел себя, еще не знал, кто он.

Как мы видим, поиски себя шли не только в литературном, но и в географическом пространстве – в том числе, часто и в Крыму. В романе «Молодой негодяй» Лимонов рассказывает сразу о нескольких поездках на полуостров. Одна – в Алушту в 1961 году, где Эдуарду пришлось ночевать на крыше киоска на пляже. Другая – в ту же Алушту в 1965-м, в поисках возлюбленной, Анны Рубинштейн. Именно в Алуште их роман (не литературный, а любовный) достигает кульминационной точки.

Еще одна поездка «молодого негодяя» в Крым – командировка-путешествие почти через весь полуостров по маршруту: Феодосия – Алушта – Ялта – Севастополь. Феодосия ассоциируется у него с Грецией: «Суп-харчо в ресторане им подали с плавающими в супе черными маслинами, и по маслинам, и по остроте супа поэт-авангардист вспомнил о близости Греции, всего лишь через Понт, о мраморных безголовых статуях, о том, что, может быть, такой суп хлебал Одиссей» [6].

Лимонов – не первый и не последний русский литератор, для которого Таврида – это ворота в античную историю, культуру и натуру. Здесь опять можно вспомнить того же Пушкина и его путешествие по Крыму в 1820 году. Неслучайно в Севастополе Лимонов отправляется в Херсонес. Там Эдуард «бродил в тщательно разрытых развалинах и пытался представить этот город живым, полным воинов, купцов, гладиаторов и женщин» [6].

На вечеринке с офицерами Черноморского флота Лимонов читает стихи Николая Гумилева «Лейтенант, водивший канонерки // Под огнем неприятельских батарей...» и поднимает тост за победу русского оружия. Уже тогда Эдуард позиционирует себя как русского патриота: «Сказать, что авангардист не участвовал во взрыве военно-морской национальной гордости, было бы глупейшей несправедливостью к нашему герою. Сделать вид, что он, не участвуя, скептически улыбался, глядя на олухов, готовых облучиться и заживо сгореть или утонуть в красивых мундирах во славу России (которая будто бы не чиста на руку, как твердят журналисты, президенты и целые нации), — значит согрешить против истины и пойти на поводу у моды. Даже и индивидуалистов – мечтателей типа нашего героя – трогают такие вещи. У авангардиста щипало в глазах...» [6].

Из Херсонеса Лимонов привез домой, в Харьков, «камень с гробницы древнего жителя», который «грел ему ногу в кармане. Жег его лучами древнего мира» [6].

Крым, с одной стороны, делает Россию древнее, «удлиняет» ее исторические, культурные, литературные корни, связывая с византийской и античной традицией; здесь нашими «соотечественниками» оказываются уже не только Пушкин, Жуковский, Батюшков, Толстой, Чехов, но и Гомер, Аристофан, Демосфен, Вергилий. С другой – даёт вечные образцы героизма, явленные в разные эпохи – присоединения полуострова к России в конце XVIII века, Крымской войны 1853–1856 годов и, конечно, войны Великой Отечественной, на фронтах которой звания героев удостоились не только сотни жителей Крыма, но и два города – Севастополь и Керчь.

В «Книге воды» Лимонов рассказывает о посещении в 1970 году Коктебеля. Если в Феодосии ему виделась Древняя Греция, то в Коктебеле – Африка: «Бодрым шагом путешественника по дебрям Центральной Африки я пошел вдоль кромки прибоя. В детстве я серьезно готовился стать путешественником, выписывал и классифицировал знания, набирая их из книжек по географии» [5].

Настоящего путешественника должны преследовать приключения и опасности. И в эту поездку в Крым Эдуард едва не погиб во время прогулки по Карадагу. Писателя смыло штормом, и он только чудом сумел выбраться в конце концов на берег.

В реальности с заграничной жизнью Лимонов познакомился в 1974 году – политическим штормом его на много лет «выбросило» из Советского Союза. Но Черное море – первое море в жизни Лимонова-Савенко, как первая любовь, навсегда осталось для него самым красивым.

«Когда-то подруга Марьи Николаевны Изергиной, жившая с мужем-дипломатом за границей, уверяла меня, что Коктебель и вообще Крым гораздо красивее хваленной Италии. Много красивее Генуэзской бухты» [4], – вспоминал писатель, рассказывая о поездке на Апеннины.

«Мы прошли песочное поле и за ним увидели полотно скромной серой воды.

– И это хваленое Средиземное море, которое бороздили триремы? – спросила Елена.

– Да, – сказал я с сожалением, – оно оказалось не на высоте...

Мы сели, теперь закурил я. Море было в полсотне метров от нас. Оно было мелкое, и в нем валялись ржавые банки, несколько бутылок, всякая дрянь» [5].

Вернуться от всей этой западной «дряни» к родным берегам Эдуард Лимонов сумел только в самом начале девяностых годов, восстановив при этом советское гражданство, однако родные крымские берега Черного моря вдруг оказались чужими – украинскими. В отличие от большинства диссидентствовавших эмигрантов, писатель воспринял распад СССР как трагедию. И Крым, и родной Харьков для него – часть Русского мира, часть России, доставшаяся независимой Украине, с одной стороны, в результате исторического казуса, а с другой – предательства политической элиты. «Украине несправедливо, противно здравому смыслу в 1991 году достался Крым и некоторые совсем не украинские области, такие как Донбасс, только потому, что советская власть для удобства администрирования объединила их в Украинскую Советскую Социалистическую Республику» [4], – замечает Лимонов. По его оценке, в 1991 году Ельцин совершил преступление, бросив в отделяющихся от СССР республиках двадцать семь миллионов русских людей. Крымчане, харьковчане, жители Донбасса и Новороссии вдруг оказались гражданами государства, которое задумывалось его архитекторами как «анти-Россия».

В книге «Убийство часового» Лимонов рассказывает о предпринятой вскоре после распада СССР поучительной поездке через Украину в поезде «Одесса–Москва»: «Поезд идет добрые 17–18 часов по территории ныне чужого, еще не враждебного, но совсем не дружественного государства. Это чувствуешь кожей. Молчаливо-угрожающая обстановка на разомлевших от жары пустых станциях. На всех вокзалах, запущенных, грязных, новенькие гербы нового государства. Физически пугает тот факт, что географически наша русская граница передвинулась так близко к Москве» [9].

На одной из железнодорожных станций Лимонов видит плакаты УНА-УНСО, авторы которых требуют от тогдашнего президента Украины Леонида Кравчука

«дать сигнал к крестовому походу на Крым!» [9], чьи жители недовольны тем, что полуостров оказался оторванным от России. «Пока российские демократические телевидение и пресса эйфорически освещают встречи все более игривых и самодовольных, упоенных властью Кравчука с Ельциным, убаюкивая себя и общественное мнение России тем, что все спокойно на Украине, на деле там идет необратимый процесс все большего отравления украинцев ядом агрессивного национализма» [9], – констатирует писатель. Как мы теперь знаем, критического уровня это отравление достигло весной и летом 2014 года, когда украинское государство прекратило свое существование в прежних, советских границах.

Распад СССР – ключевое историческое событие, определившее главное содержание литературного, журналистского, политического творчества Лимонова. При этом выражение «политическое творчество» применительно к деятельности Лимонова выглядит абсолютно оправданным – его политические перформансы часто были настоящими произведениями искусства. Пережив крушение родины как личную трагедию, писатель всю последующую жизнь стремился к собиранию потерянных русских земель и людей.

В 1993 году Лимонов создает Национал-большевистскую партию (запрещена в России в 2007 году), одной из целей которой становится возвращение Крыма в состав России. Программа партии требует пересмотра административных границ коммунистической эпохи в соответствии со следующими критериями. Минимальный: там, где живёт русский народ, – российская территория. По мысли Лимонова, это касается, в частности, Крыма, Харькова, Донбасса, северного Казахстана, Приднестровья. Максимальный: там, где живут народы, считающие себя принадлежащими к российской цивилизации, также российская территория. В качестве примера, иллюстрирующего этот критерий, писатель приводит Осетию.

В сентябре 1994 года Лимонов – теперь уже не только писатель, но и политик – отправляется в Крым, чтобы поддержать охватившие полуостров пророссийские настроения, на волне которых первым и последним президентом республики стал Юрий Мешков. Увы, вскоре после победы Мешкова пророссийское политическое движение в регионе погрязло в мелких дрязгах и раскололось, чем не преминул

воспользоваться официальным Киевом, в итоге разгромивший первый «поход» крымчан в Россию и упразднивший пост президента республики.

Лимонов не только воочию наблюдает за этим процессом, но и становится его участником. Он присутствует на заседании Верховного Совета Крыма, где решается вопрос об ограничении полномочий президента республики. Самое подробное описание поездки дано в книге «Анатомия героя». Писатель называет Мешкова позером и сравнивает его со сладко-красивеньким актером-премьером провинциального театра. Кроме того, в книге можно обнаружить характеристики многих других крымских политиков того периода – Сергея Цекова (ныне член Совета Федерации Федерального Собрания РФ от российского Крыма), Виктора Межака, Евгения Сабурова, Александра Круглова, Владимира Шевьева, Сергея Шуриги (Кондратовского).

Отдельно Лимонов останавливается на деятельности депутатов от меджлиса крымских татар (ныне запрещен в России). По его оценке, они методично гнут свою линию, умело играя на противоречиях между пророссийской и проукраинской партиями в парламенте.

Вообще, советский диссидент, председатель меджлиса Мустафа Джемилев впервые упоминается Эдуардом Лимоновым еще в его скандальном эмигрантском романе «Это я – Эдичка». И затем писатель следит за деятельностью лидера татарского национального движения вплоть до событий крымской весны 2014 года. По мнению Лимонова, выступив против воссоединения с Россией, Джемилев и меджлис совершают большую историческую ошибку: «Поведение меджлиса крымских татар неумное и контрпродуктивное и восстанавливает против крымских татар всё остальное население Крыма. Пророссийское большинство не простит им их проукраинской ориентации и того, что меджлис ставит палки в колёса воссоединения Крыма с Россией. Долгие годы помнить будут и на крымских татар коситься будут. Им это надо, крымско-татарской массе? Нет, не надо» [4].

Однако вернемся пока в год 1994-й. 6 сентября Лимонов выступил на митингах в Симферополе и Севастополе, где заявил о том, что Крым должен вернуться в состав России, чем вызвал естественное неудовольствие официального Киева. В ночь с 8 на

9 сентября писатель был задержан и выслан из Украины. Против Лимонова возбудили уголовное дело по обвинению в посягательстве на территориальную целостность Украины и навсегда запретили въезд в страну. Из-за этого впоследствии, в 2004 году, писатель не смог попасть даже на похороны отца в Харьков.

Двадцать лет спустя, в 2014 году, Лимонов будет апеллировать к той крымской истории следующим образом: «Сенатор Маккейн (вообще-то Мак-Каин) выступил на майдане Незалежности в Киеве и заявил: «Соединённые Штаты с вами!» Ну и что СБУ, знаменитая Служба безпеки Украины, делает? Приехал махровый гад ползучий и подливает масла в огонь на майдане, где и без него трещит по швам как раз безопасность Украины, которую доверено охранять СБУ. Ты, подполковник Гончаренко, который меня задерживал в Севастополе, в 1994 году, и потом выдворял с Украины, ты чего спишь? На пенсию ушёл? Ты куда глядишь, подполковник Гончаренко? И все подполковники, полковники и генералы СБУ?! Вашу государственность, и без того бумажную, шаткую, сейчас какие-то сраные маккейны приехали растащить? Кто дал им визу? Кто провёл Викторию Нуланд, и Маккейна, и Кэтрин Эштон на майдан? Вы чего там, с глузду з'іхали, хлопци?» [4].

Национал-большевистская партия была одновременно очень радикальной и очень... артистической политической силой. В ее деятельности было много от такой формы современного искусства, как акционизм. Хотя в то же время, как справедливо замечает Андрей Балканский, неверно было бы называть нацболов «акционистами» в духе арт-группы «Война» или художника Петра Павленского. Акции прямого действия были важны для НБП не сами по себе, а рассматривались как средство продвижения партии и вынужденный в условиях России третий путь – между парламентской и вооруженной борьбой.

Апогеем политико-артистической борьбы национал-большевиков за возвращение Крыма стала «акция прямого действия» в Севастополе в День независимости Украины 24 августа 1999 года. Пятнадцать «юных бойцов из лимоновских войск» захватили Матросский клуб и вывесили на нем гигантский транспарант: «Севастополь – русский город!»

Вот как Лимонов описывает те события в книге «Моя политическая борьба»: «Пятнадцать национал-большевиков поднялись на башню клуба моряков в Севастополе, сумели заварить за собой дверь и люки и на последней площадке башни вывесили лозунг «Севастополь – русский город!», флаги НБП, после чего стали выбрасывать с высоты 36 метров листовки» [7].

В листовках, озаглавленных: «Кучма – подавишься Севастополем», под текстом была воспроизведена репродукция картины Дейнеки «Оборона Севастополя» – матросы в белом отбиваются от гитлеровцев штыками и прикладами.

Планируя акцию в Севастополе, партия, разумеется, понимала, что национал-большевикам придётся отсидеть в украинских тюрьмах какое-то время, объяснял Лимонов. Однако, взвешивая пропагандистский эффект и цену, которую придётся заплатить, партия всё же приняла решение в пользу акции. «К тому же с точки зрения закона как Российской Федерации, так и с точки зрения украинского законодательства ребята не совершали, оккупируя башню клуба моряков, преступления. Было совершено правонарушение, даже не тянущее на хулиганство. Никто не пострадал, никого даже не толкнули. Пришли, заняли пустующее помещение башни, закрылись... В европейской стране дело закончилось бы штрафом. В самостийной Украине это стоило пятнадцати товарищам шести месяцев отсидки в тюрьмах и на пересылках» [7].

Подобно многим русским писателям, Лимонов одновременно работает и как журналист. Его «Лимонка» – одно из самых ярких политических изданий России рубежа XX–XXI столетий. С первых же номеров «крымский вопрос» становится важнейшей темой газеты. В одном из выпусков Лимонов публикует полухудожественный, полутехнологический сценарий вооруженного восстания в Крыму, которое должно завершиться воссоединением полуострова с Россией и сменой власти в Москве. «Так что Крым, и только Крым. И только Севастополь. Другого варианта нет. Увязнув в русско-украинском конфликте, правительство не устоит. В Крым стянутся все, кто воевал в Приднестровье, в Сербии, в Чечне. Таких людей сейчас десятки тысяч. Крым будет нашей Сьерра-Маэстрой, откуда мы придем в нашу Гавану, в Москву» [2], – мечтает примеряющий берет Че Гевары Лимонов.

Ему нужны великие исторические потрясения, и он дожидается их осенью 2013 года, когда начинаются события на киевском Майдане незалежности. Лимонов откликается на них почти ежедневными короткими «проповедями» в «Живом журнале», которые позже будут объединены в может быть самую яростную публицистическую книгу эпохи – «Киев капут».

Лимонов знает Украину изнутри: «Украина мне не чужая и никогда не будет чужая. Помимо того что я жил в Харькове до двадцати трёх лет, так я ещё, на минуточку, автор харьковской трилогии: это книги “У нас была великая эпоха”, “Подросток Савенко” и “Молодой негодяй”. Доколе жив будет двухмиллионный город Харьков, бывшая столица Украины, дотоле будут читать и эти мои книги.

Поэтому, когда депутат Верховной рады Украины, некий Олесь Доний несколько дней назад сказал вот такое: “То, что гражданин России Эдуард Лимонов предлагает использовать ситуацию для откола некоторых областей Украины, является ярким примером вмешательства в наши внутренние дела. Это совершенно скандальное заявление!” – то я сказал себе: “Кто это такой гражданин Украины Олесь Доний? Знать никто его не знает. Его электорат выбрал в депутаты – да, выбрал. Ну а меня Господь Бог выбрал написать о Харькове трилогию”. Господь Бог выше электората» [4].

По оценке Лимонова, то, что происходит на майдане, это распад Украины на западную часть, готовую уйти под Европу, и восточную часть, Левобережную Украину, которая чувствует себя не то чтобы пророссийской, но просто российской территорией. На неизбежность такого развития событий обращали внимание многие политики, историки, писатели. Пожалуй, метафоричнее всех это выразил А. И. Солженицын, однажды заметивший об Украине, что рано или поздно «нахвтанное – ребром выпрет» [10, с. 79].

«Украина как государство не состоялась и не состоится. Я говорил это раньше и повторяю это, Украина была собрана из различных частей советской властью, она просуществовала два десятилетия кое-как, но вот пришли первые серьёзные испытания, и Украина их не выдерживает» [4], – повторяет тот же тезис Лимонов. И

замечает: «Как бы порадовался, думаю, старый Солженицын, если бы был жив. Но его нет, вот я радуюсь» [4].

По мысли писателя, события на Майдане – это вовсе не борьба за свободу, как кажется российским неолибералам, а неизбежная гибель искусственного территориального объединения, которое создала когда-то для своих административных целей советская власть и которое было нежизнеспособно как самостоятельный государственный проект.

Так же легко и быстро Лимонов понял роль, которую играл в украинских событиях Запад. Его он тоже знал изнутри, потому что прожил там лишь чуть меньше чем на Украине – 17 лет. «Я вот думаю, какого чёрта вся эта сволочь наехала в страну моего детства и там вопит?!» [4] – написал Лимонов обо всех этих Байденгах, Нуландах и всяких прочих Тусках, красиво тусовавшихся на майдане.

Он понимает, что Украина нужна Западу прежде всего именно как «анти-Россия», как плацдарм для ослабления могучего геополитического соперника, и ради этого он готов «простить» Киеву любые нарушения прав русских граждан.

Лимонов предчувствует совсем близкую гражданскую войну на Украине: «От их будущего никакой Европой не пахнет, – пишет он. – Я чую, из украинского будущего исходит вонь гнилой капусты бандеровских схронов и запах заскорузлой от крови одежды... Из всего из этого родится большой кровавый бордель, расхлёбывать который придётся множеством жизней украинских и русских парней. Более того, я уверен, что борделя не избежать, Украина вцепится России в рукав своими окровавленными руками и втащит нас» [4]. Сегодня мы знаем, что только по официальным данным ООН, гражданская война на Донбассе унесла жизни более 13 тысяч человек, а по оценкам ряда экспертов, это количество еще больше.

В самом названии книги Лимонова – «Киев капут» – мы слышим отсылку к Великой Отечественной войне, к выражению «Гитлер капут», хорошо известному каждому советскому ребенку, росшему в послевоенные годы. Лимонов ставит на место Гитлера – Киев. К власти в столице Украины рвутся бандеровцы из «Правого сектора» (запрещен в России) и других неонацистских организаций.

Видя, что подавляющее большинство крымчан не принимают идеологию Майдана, Лимонов призывает российскую власть поддержать жителей полуострова в их стремлении к воссоединению. 26 февраля 2014 года здания парламента и правительства Крыма в Симферополе захватывали не лимоновские войска, но классик восторженно приветствовал это историческое событие.

По оценке писателя, для России это был исторический вызов, с которым она, к счастью, справилась: «Сейчас, когда обстоятельства прижали ВВП в угол и он не может не принять Крым в состав России без риска вызвать общенародное возмущение и в перспективе потерять власть, он принял прагматичное решение: принять. Так или иначе, может быть, из своих шкурных интересов, но его решение соответствует воле подавляющего большинства российского народа и народа Крыма. Национал-большевистская партия, которую я возглавлял вплоть до её запрета в 2007 году, осуществила ещё в 1999-м захват башни Клуба моряков, в восьмую годовщину их, украинской независимости. Был вывешен баннер “Севастополь – русский город!” Ну и теперь – кто кого поддержал?

Это Путин поддержал Лимонова. Слава богу, у Путина хватило ума» [4].

«Я не приближался к президенту Путину. Это он приблизился ко мне и к таким, как я, послав вежливых людей присоединить Крым. Он нас, империалистов, Крымом морально купил» [4], – признается Лимонов.

По его оценке, Крымский референдум был одним из главных событий в новейшей истории не только полуострова, но и всей России. «Свершилось! Референдум в Крыму был ошеломляюще прост, ангельски наивен, и, кто бы ни повысил на него, этот референдум, голос, выглядит сегодня утром и будет выглядеть в веках – гнусной скотиной» [4], – писал классик 16 марта 2014 года.

Эти слова адресованы российской либеральной интеллигенции. Протестующие против возвращения Крыма либералы для Лимонова – «конченные люди». «В Москве прошли шествием от Пушкинской до проспекта Сахарова наши конченные люди – ультралибералы, – пишет он. – ...Шли под крики “Слава Украине”, “Слава героям!” и “Бандера придёт – порядок наведёт!”... Скатились ниже плинтуса» [4].

«Что, крысы бандеровско-американские, скушали? Корчит вас? [4] – задается Лимонов риторическим по сути вопросом. Писатель сравнивает воссоединение Крыма с Россией с Победой в Великой Отечественной войне: «Наступаем! Ведь с 1945 года не наступали, пора. Ветераны, наверное, радуются! Лишние годы проживут из-за Крыма, уверен» [4].

При этом Лимонов прекрасно понимает, что возвращение Крыма приведет к конфликту с «коллективным Западом»: «Процесс воссоединения пошёл, и это, само собой разумеется, конфликт с ЕС и Соединёнными Штатами, да. Но не нужно бояться конфликта. Вся мировая история – это непрерывная цепь конфликтов. Когда-то нам говорили, что современный мир, родившийся из соглашений в Ялте и Потсдаме, – вечен. Но мы с вами увидели, как он был перекроен. Мир не застыл раз и навсегда, карты будут перекроены, хотим мы этого или нет. А мы хотим» [4].

Прежних отношений с Западом уже никогда не будет, уверен писатель. Впредь будет ежедневное состояние конфликта, и к этому нужно подготовиться и жить в таком режиме, констатирует Лимонов: «Старые добрые времена отношений с Западом казались только потому добрыми, что мы прогибались под каждое их желание все эти годы. Один раз не прогнулись в случае Крыма, и они теперь нас возненавидели» [4].

Он знал, о чем пишет. «Мне вообще-то надо верить, когда я говорю про будущее. У меня есть скромный дар его чутать» [4], – нескромно, но точно заметил однажды Лимонов. Его правоту подтвердила и подтверждает жизнь. Писатель в России – больше, чем писатель. Это наша национальная традиция. Русская литература перестанет быть русской, если станет всего лишь беллетристикой, просто развлекающая читателя интересными историями.

«Лимонова-мыслителя весьма тяжело отрывать от Лимонова-писателя, публициста или политика» [1, с. 331]. Неслучайно классик апеллирует к своим великим предшественникам – Толстому, Леонтьеву, Пушкину, Лермонтову, Достоевскому: «“Прогрессивный” наш великий писатель Лев Толстой не только написал патристическую “Войну и мир”, но и воевал в Крымской войне, если кому неизвестно. Его антипод “реакционный философ”, на мой взгляд, великий философ,

русский Ницше, Константин Леонтьев участвовал в Крымской войне в качестве военного медика.

“Наше всё”, великий Александр Сергеевич Пушкин, помимо того что являлся с декабристами, был отъявленным империалистом. Одно другому не мешало. Так он сетовал на неуклюжесть покойной тогда уже царицы Екатерины, пенял ей на то, что не воспользовалась Французской революцией и не прибавила к российской территории от территории европейских стран. Лермонтов храбро и весело воевал на Кавказе. Не за царя, но за Российскую империю.

Взгляды Достоевского на политику России в Польше широко известны.

Все значительные литераторы России были империалистами и патриотами. Сегодня, когда всякие насекомые вроде Улицкой и сестры Прохорова созвали на уворованные Прохоровым-братом деньги конгрессик задрипанных предателей под названием “Интеллигенция против войны”, не стоит даже обращать на них внимания, насекомые есть насекомые, они противно зудят, но вреда от них немного» [4].

При этом Лимонов мечтает о том, что воссоединение Крыма с Россией и восстание Донбасса положат начало собиранию всех русских земель и людей, преступно отданных и брошенных в 1991 году тогдашней российской властью: «Я – за войну (если она будет), я за присоединение территорий, я за отъём тех городов и областей, которые у нас обманом забрали в 1991 году. В этой своей позиции я чувствую себя уверенно и крепко, потому что мои великие предшественники, литераторы, таланты и гении России убеждают меня в правильности моего справедливого империализма» [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь, творчество и политическая деятельность Эдуарда Лимонова неразрывно связаны с Крымом на биографическом, литературном, идеологическом уровнях.

Его первые поездки на полуостров относятся к ранней юности и носят романтико-приключенческий характер. Этот период отражается в таких произведениях писателя, как «Подросток Савенко», «Молодой негодяй», «Книга воды». На полуострове достигает кульминационной точки первый и, может быть,

главный любовный роман писателя с Анной Рубинштейн; через Крым он открывает для себя историю и культуру Античности и мир Средиземноморья; черпает здесь впечатления и вдохновение для своих текстов.

Распад Советского Союза, в результате которого Крым оказывается в составе независимой Украины, воспринимается Лимоновым как трагическая несправедливость. Почти четверть века его общественная и политическая деятельность направлена на воссоединение полуострова с Россией. Ярчайшие вехи этой борьбы – поездка писателя в Крым в 1994 году, закончившаяся высылкой из Украины, и захват активистами Национал-большевистской партии Матросского клуба в Севастополе в 1999 году.

Размышления о судьбах Крыма, России, Украины отражаются в публицистических книгах Лимонова «Анатомия героя», «Моя политическая борьба», «Как мы строили будущее России», чтобы ярче всего реализоваться в книге «Киев капут», вдохновленной событиями на Майдане осенью 2013–2014 годов, воссоединением Крыма с Россией и гражданской войной на Донбассе.

Безусловно, особое место Крыма в творчестве писателя обусловлено прежде всего его последовательной политической, артистической и литературной борьбой за возвращение полуострова в состав России. Лимонов восторженно приветствовал события Крымской весны 2014 года. В его понимании, воссоединение полуострова с Россией стало признанием официальными властями страны правоты писателя, выполнением одной из главных задач не только его политической деятельности, но и всей его жизни.

Список литературы

1. Балканский, А. Эдуард Лимонов / А. Балканский. – М. : Молодая гвардия, 2017. – 367 с.
2. Лимонов, Э. В. Анатомия героя [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. – М. : Русич, 1998. – CD-ROM.
3. Лимонов, Э. В. Девочка-зверь [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. – М. : Амфора, 2007. – CD-ROM.
4. Лимонов, Э. В. Киев капут. Яростная книга [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. – М.: Центрполиграф, 2015. – CD-ROM.
5. Лимонов, Э. В. Книга воды [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. – М.: Ад Маргинем, 2002. – CD-ROM.

6. Лимонов, Э.В. Молодой негодяй [Электронный ресурс] / Э.В. Лимонов. – М.: Амфора, 2002. – CD-ROM.
7. Лимонов, Э. В. Моя политическая борьба [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. – М.: Амфора, 2002. – CD-ROM.
8. Лимонов, Э. В. Подросток Савенко [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. – М.: Амфора, 2002. – CD-ROM.
9. Лимонов, Э. В. Убийство часового [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. – М.: Амфора, 2002. – CD-ROM.
10. Солженицын, А. И. Россия в обвале / А. И. Солженицын. – М.: «Русский путь», 2006. – 208 с.

References

1. Balkanskij A. *Eduard Limonov* [Eduard Limonov]. Moscow: Molodaja Gvardija, 2017. 367 p.
2. Limonov E. V. *Anatomija Geroja* [Anatomy of a Hero]. Moscow: Rusich, 1998. CD-ROM.
3. Limonov E. V. *Devotchka-Zver'* [The Beast Girl]. Moscow: Amfora, 2007. - CD-ROM.
4. Limonov E. V. *Kiev Kaput. Jarostnaja Kniga* [Kiev Kaput. The Furious Book]. Moscow : Centrpoligraf, 2015. CD-ROM.
5. Limonov E. V. *Kniga Vody* [The Book of Water]. Moscow: Ad Marginem, 2002. CD-ROM.
6. Limonov E. V. *Molodoj Negodjaj* [The Young Scoundrel]. Moscow: Amfora, 2002. CD-ROM.
7. Limonov E. V. *Moja Politicheskaja Bor'ba* [My Political Struggle]. Moscow: Amfora, 2002. CD-ROM.
8. Limonov E. V. *Podrostok Savenko* [Teen Savenko]. Moscow : Amfora, 2002. CD-ROM.
9. Limonov E. V. *Ubijstvo Chasovogo* [The Murder of a Sentry]. Moscow: Amfora, 2002. CD-ROM.
10. Solzhenitsyn A. I. *Rossija v Obvale* [Russia in a Landslide]. Moscow: Russkij put', 2006. 208 p.

CRIMEA IN PROSE AND PUBLICISM BY EDUARD LIMONOV

Mashchenko A. P.

The article analyzes the role of Crimea in the life, work, political activities of Eduard Limonov and, at the same time, the role of Limonov himself in the history of the peninsula.

Life, creativity and political activities of Limonov are inextricably linked with the Crimea at the biographical, literary, ideological levels. The writer made his first romantic trips to the Crimea in his early youth. This period is reflected in such works as "Teenager Savenko", "Young scoundrel", "The Book of Water". The collapse of the Soviet Union, as a result of which Crimea was part of an independent Ukraine, is perceived by Limonov as a tragic injustice. For almost a quarter of a century, his social and political activities are aimed at reuniting the peninsula with Russia. Thoughts on the fate of Crimea, Russia, Ukraine are reflected in Limonov's publicistic books "Anatomy of a Hero", "My Political Struggle", "How We Built the Future of Russia" and "Kiev Kaput". This latest book is inspired by the events on the Maidan in autumn 2013-2014, the reunification of Crimea with Russia and the civil war in Donbass.

Limonov enthusiastically welcomed the events of the 2014 Crimean Spring. In his understanding, the reunification of the peninsula with Russia became the recognition by the official authorities of the country that the writer was right. For Limonov it's the fulfillment of one of the main tasks not only of his political activity, but of his entire life.

Key words: Eduard Limonov, Crimea, Russia, Ukraine, literature, journalism, politics.

УДК 821.111

ГНОСТИЧЕСКИЕ «ЕВАНГЕЛИЯ» И «ФАТУМНАЯ» ЖИЗНЬ ИИСУСА В РОМАНЕ Д. БРАУНА «КОД ДА ВИНЧИ»

Норец М. В., Норец Н. К.

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: mnorets@yandex.ru*

Статья посвящена анализу историко-теологической основы романа Д. Брауна «Код да Винчи». В фокусе научного внимания исследователя находятся гностические «евангелия», являющиеся сюжетообразующей константой романа. Сомнению подвергается утверждение о гностицизме как основе историко-философской структуры произведения. Автор рассматривает идею о браке Христа и Магдалины с точки зрения ее функции и способов реализации в сюжете романа. Проводится сравнительный анализ текста романа с библейскими текстами, в отдельных утверждениях наблюдается несоответствие (неточность). Сомнению подвергаются также утверждения автора романа о происхождении Марии Магдалины и ее браке с Иисусом Христом, а также о ее роли «спутницы» Сына Божьего. Отчасти опровергнуто предположение, что текст романа «Код Да Винчи» основан на исторических (религиозных) событиях и является художественным воспроизведением библейских исторических событий. Мотив фатума прослеживается в тексте романа на всей его протяженности: от первых строк до кульминации. Сомнению подвергаются «фатумные» сюжеты, вводимые Д. Брауном в качестве «неопровержимых» доказательств историчности романа. По мнению авторов исследования, роман Д. Брауна – художественный вымысел, ориентированный на историческое правдоподобие, хорошо написанная массовая литература.

Ключевые слова: Д. Браун, «Код Да Винчи», гностические «Евангелия», «фатумная» жизнь, Иисус Христос, религиозно-философская картина мира, Мария Магдалина.

ВВЕДЕНИЕ

Вокруг нас обман и сплошной заговор. Политики, банкиры, сильные мира сего и полуфантастические тайные общества (наподобие масонов) создают множество неприятностей и больших трагедий для человечества. Нет ничего святого. Нет правды. Нигде. Все – ложь и интриги...

Такое видение мира в последнее время становится преобладающим в сознании людей. Оно охватывает мир, и кажется, что наступила эпоха всеобщей паранойи, которую активно поддерживают средства массовой информации. Как это ни парадоксально звучит, но, по всей видимости, людям нравится верить в то, что в их неурядицах виноват кто-то. Так легче жить, но это облегчение наступает только на первых порах, когда находят выход эмоции возмущения, а потом приходит

внутреннее опустошение: в мире тотального заговора нет ни пристанища для тебя, ни смысла жить.

Прискорбно, но вирус паранойи всеобщего заговора поражает и восприятие самой святой из сфер человеческого бытия – сферы духовности. Оказывается, здесь тоже заговор. Духовные идеалы – это лишь вымысел, цель которого – держать в повиновении массы людей. И вот появляется новый «мессия», то ли в образе ученого, писателя или исследователя, который «открывает глаза» людям и убеждает их в том, что единственная реальность бытия – это обман...

Дэна Брауна не обвинишь в отсутствии писательского таланта, эмоциональности, умения захватить читателя напряженным, острым сюжетом, а частые подробные описания произведений искусства и некоторых событий прошлого создают еще и эффект исторической осведомленности автора. Однако имел ли Дэн Браун исторические основания для такой интерпретации жизни Иисуса Христа? В этом случае нам предстоит поразмышлять о древних текстах, лингвистической и религиозной критике «Кода Да Винчи».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Дэн Браун основывается на некоторых отрывках из так называемых гностических «евангелий».

Гностицизм – это особое религиозно-мистическое движение, которое соединяло в себе элементы разных религиозных и философских учений, включая и христианство. Однако основные факты христианства здесь оказываются оторванными от своей исторической основы и переосмысленными с точки зрения языческой мудрости. Рассматривая личность Иисуса в качестве центральной в своем учении, гностики крайне отрицательно относились к историческим корням христианства, особенно к Ветхому Завету. Иисус гностиков имел мало общего с Иисусом канонических Евангелий, ведь гностицизм отрицал историчность таких ключевых для христианства событий, как рождение Иисуса в человеческом теле, Его смерть на кресте и Его телесное воскресение из мертвых. Характерная черта гностического образа Иисуса – это Его отчужденность от всего материального,

исторического, а всё, что с Ним происходит, рассматривалось лишь как иллюзия, имеющая символическое значение [5].

Такое переосмысленное понимание образа Христа связано с тем, что главными постулатами гностицизма было представление о дуалистической сущности мира и учение о гносисе (т.е. познании, от греч. γνῶσις) тайн мира, сокрытых от прочих людей. Материя – это зло, творение божества злых сил, которое зародилось за пределами плеромы (т.е. полноты, от греч. πλήρωμα) или духовного мира, состоящего из высших духовных существ – эонов (от греч. Αἰών – «век», «вечность»). Этого злого бога-Архонта (т.е. «Владыку», от греч. ἀρχὼν) гностики называли Демиургом (от греч. Δημιουργός – «Мастер»), Самйаилем (с сирийского – «Слепой бог»), Сакля (с сирийского – «Глупец») или Ялдабаотом (с сирийского – «Рожденный хаосом»). Это он, глупец Демиург, зародившийся в отрыве от главного Эона, не имея ни малейшего о нем представления, создал материальный мир; это он говорил с Моисеем и пророками Ветхого Завета, провозгласив себя Богом. Мораль Ветхого Завета жестока, как и служение в Храме, требовавшее кровавых жертвоприношений, ведь все это, по учению гностиков, измышление Демиурга, а не откровение Истинного Бога.

В учении гностика Валентина (II век) имя «Иисус» и определение «Христос» разграничиваются как два отдельных эона. Христос предстает как эон, созданный в духовном мире Разумом (νοῦς) или Единородным Отцом уже после падения и восстановления Софии – женского эона. Иисус – это уже другой эон, рожденный как совокупный плод всех эонов плеромы и преподнесенный в дар Единородному Отцу. Поэтому он называется «Всё» (παν), его посылает Отец в бренный мир, чтобы освободить те духовные сущности, которые, как отблески плеромы, оказались в плену материальных тел. Этими сущностями гностики, конечно же, считали себя.

Отрицание пребывания Христа в материальном теле подрывало сами основы христианства, его основную идею – Божественная и человеческая природы соединились в нем, рожденном во плоти Сыне Божьем, чтобы совершить искупительную жертву за грехи всего мира. В Иисусе Бог сам, непосредственно

входит в человеческую историю, проявляя высшую заинтересованность в спасении Своего творения.

Напротив, религиозно-философская картина мира в гностицизме оказывалась отчужденной от реальных проблем рода человеческого, отстраненной от исторического процесса. Бог не открывает Себя в истории. Теряет всякий смысл не только какая-либо социальная деятельность, но и сам институт семьи, поскольку он связан с плотью, материей.

По этой причине мы находим критику ранних гностических идей уже на страницах Нового Завета. Апостол Иоанн подчеркивает тему Божественности Слова-Христа, который «стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1:14) [10], и осуждает как лжепророков тех, кто не признает Иисуса Христа, «пришедшего во плоти» (1 Ин. 4:1–6) [10]. Апостол Павел осуждает попытки гностиков «вторгаться в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом» (Кол. 2:16–23) [1], а термин плерома он умышленно использует в другом значении – «полнота Божества», которая явилась «телесно» в Иисусе Христе (Кол. 2:9) [11]. Подобным образом он осуждает гностиков как людей, которые «внимают духам обольстителям и учениям бесовским», за их отрицание брака и неоправданный аскетизм (1 Тим. 4:1–5) [10].

До середины XX века знания о гностицизме были ограничены сообщениями о них в произведениях оппонентов – христианских писателей Иренея Лионского, Ипполита, Тертуллиана и Епифания. Но в 1945 году возле селения Наг-Хаммади, что в 40 километрах к югу от Каира, была обнаружена библиотека гностиков, состоявшая из 13-ти кодексов, написанных на коптском языке, и датировавшихся III–IV вв. Первоначально большинство этих текстов было написано на греческом. Среди них было и так называемое «Евангелие Истины» – главное произведение гностика Валентина, а также «Евангелие от Филиппа» и «Евангелие от Иуды», которые были использованы Дэном Брауном и Мартином Скорсезе как вполне «достоверные» источники знаний о жизни Иисуса.

Отметим, что характерной чертой гностических «евангелий» было стремление переписать историю земной жизни Иисуса в контексте учения гностицизма.

Хронологически эти тексты были написаны позже канонических Евангелий (это признают даже скептики), а по своему содержанию они являются умышленным искажением событий жизни Иисуса. Так, например, предатель Иуда Искарот в «Евангелии от Иуды», наоборот, предстает как доверенный ученик Христа, которому Он открывает истинный смысл Своего явления в мир, тогда как прочие одиннадцать учеников ничего не знают. Иисус якобы сам просит Иуду выдать Его властям для казни, а после Его смерти (иллюзорной, конечно же, по учению гностиков, ведь Иисус не был в человеческом теле и потому не мог умереть) именно Иуда становится истинным хранителем знаний об Учителе и Его учении, тогда как прочие апостолы-невежды создают Евангелия, известные как канонические.

Удивительно то, что устами своих героев Дэн Браун ссылается на гностические пересказы как исторически более достоверные источники, чем канонические Евангелия. Тексты религиозно-философского учения, провозгласившего антиисторизм своим девизом, становятся для него авторитетным источником исторической правды! Более того, автор «Кода Да Винчи» утверждает, что гностические «евангелия» являются «самыми первыми христианскими записями». Даже начинающему библеисту известно, что тексты, лежащие в основе канонических Евангелий и большинства книг Нового Завета, записаны, по меньшей мере, столетием раньше, чем гностические писания.

Возникает еще один вопрос: даже если принять гностические версии жизнеописания Иисуса как исторически достоверные (что само по себе невозможно), на самом ли деле они содержат намеки на сексуальные отношения между Иисусом и Марией Магдалиной? Вопрос чрезвычайно важный, ведь сексуальные отношения рассматривались большинством гностиков как мерзкое проявление материального, поэтому они просто не представляли себе Христа-Эона в таком ракурсе. Согласно учению гностиков, Иисус даже не был в материальном теле и, естественно, не мог иметь интимных отношений с женщиной. Более того, в самом «Евангелии от Филиппа», на которое ссылается Браун, содержится отрывок, в котором сексуальность осуждается как нечто «оскверняющее» человека и удаляющее его от гносиса («познания»). Впрочем, обратимся к самому «Евангелию от Филиппа». Это

гностическое произведение было написано во 2-й половине III века в Сирии, оно дошло до нас на коптском языке, хотя в основе его, по-видимому, лежал греческий оригинал II века. По своему содержанию оно воспроизводит учение Валентина. Это не «евангелие» в традиционном понимании этого слова, а скорее сборник афоризмов, притч, диалогов, коротких рассказов. «Евангелие от Филиппа» не имеет четкой хронологической или хотя бы логически последовательной формы изложения материала. Цитированный Дэном Брауном отрывок выглядит так: «София, именуемая бесплодной, мать ангелов. И спутница [Сына – это Мария] Магдалина. [Господь любил Марию] больше, чем [других] учеников, и он [часто] целовал ее [уста]. Другие [ученики, когда увидели], что он [любит] Марию, сказали ему: Почему ты любишь ее больше всех нас? Спаситель ответил им и сказал им: Почему вы решили, что я не люблю вас, как ее?» [11].

Дэн Браун указывает на этот отрывок как на подтверждение своей фантастической идеи о браке Христа и Магдалины. Мы вновь имеем дело с нечестностью этого «исследователя», ведь гностические «евангелия» говорят языком аллегории, образа, и не могут быть источником знаний о реальных исторических событиях. Поцелуй у гностиков – это метафора, означающая духовное единение с высшим миром плеромы, является символом инициации, посвящения в высшую Тайну, но он никак не связывается с эротизмом.

В другом месте того же «Евангелия от Филиппа» сказано: «Тот, кто питается от уст, и, если слово выходило оттуда, он стал бы питаться от уст, и он стал бы совершенным. Ибо совершенные зачинают от уст, и рожают. Поэтому мы целуем друг друга, зачиная от благодати, которая есть в нас, в одних и в других» [11].

Итак, по учению гностиков, Иисус и ученики обменивались поцелуями как символом передачи познания. Об этом и идет речь в данном отрывке: Иисус целовал учеников, но Марию Магдалину больше. При этом данное сообщение вовсе не обязательно воспринимать как на самом деле происходившее: речь идет о метафоре передачи благодати, но никак не об интимных отношениях. К сожалению, Дэн Браун – то ли сознательно, то ли ввиду своей некомпетентности – игнорирует тот смысл, который вкладывает автор «Евангелия от Филиппа» в этот текст.

Теперь что касается слова «спутница» и почему же, если поцелуй – всего лишь метафора, гностики утверждали, что Иисус целовал Марию Магдалину больше, чем других учеников? Истолковать слово «спутница» как «жена» или «сожительница» невозможно ни с лингвистической точки зрения, ни исходя из контекста «Евангелия от Филиппа». Как уже упоминалось, гностицизм валентинианского направления крайне отрицательно относился к сексуальности, вплоть до отрицания брака. По учению, изложенному в «Евангелии от Филиппа», животные, рабы и «оскверненные женщины» (то есть имевшие сексуальные отношения) рассматривались как не могущие достичь познания. Это злые духи побуждают мужчин и женщин к сексуальным отношениям, чтобы осквернить их [10]. Поэтому Мария Магдалина предстает здесь как образ «освобожденной» женщины-блудницы, оставившей наслаждения плоти и последовавшей за Христом-Эоном. Именно по этой причине эта женщина пользовалась особым уважением у гностиков.

Подтверждением именно такого понимания слова «спутница» относительно Марии Магдалины является другой отрывок из «Евангелия от Филиппа»: «Было трое тех, кто следовал за Господом: его мать Мария, ее сестра и Магдалина, которую называли его спутницей. Его сестра, его мать и его спутница – всех троих звали „Мария“» [10].

«Трое тех, кто следовал за Господом» – это выражение напоминает те отрывки канонических Евангелий, в которых речь идет о женщинах, сопровождавших Иисуса: Марии Магдалине, Марии, матери Иакова и Иосии, Саломеи, Иоанне, жене Хузы, домоправителя царя Ирода, Сусанне (Матф. 27:55–56; Мк. 15:40–41; Лук. 8:2–3) [11]. «Сопровождение» духовных учителей женщинами в то время означало почти то же, что и «ученичество». Поскольку женщинам не позволялось становиться учениками духовных наставников, они смиренно сопровождали их и их учеников, слушая наставления и проповеди, помогая в приготовлении пищи или же поддерживая странствующих проповедников деньгами (если им позволяло состояние). О таких «богобоязненных» женщинах упоминается и в книге Деяний Апостолов [1].

Ни о каких интимных отношениях между этими женщинами и их духовным наставником не могло быть и речи: с одной стороны, некоторые из них были замужем

и сопровождали учителя с согласия мужа. С другой стороны, это бросало бы тень на репутацию наставника и было бы причиной потери его авторитета и даже его изгнания и казни. Что касается Иисуса, критика Его со стороны оппонентов, которая сохранилась как на страницах канонических Евангелий, так и в Талмуде, никоим образом не была связана с Его отношениями с женщинами. Если бы Дэн Браун позаботился хотя бы о минимальном историческом основании для своей идеи, ему следовало бы учитывать элементарные принципы анализа исторических источников.

Устами одного из своих героев Тибинга он уверенно утверждает: «Любой специалист по арамейскому языку скажет вам, что в те дни это слово (“спутница”) означало то же самое, что и „супруга“» (глава 58). Посмею возразить глубокоуважаемому писателю. На арамейском – языке, на котором говорил Иисус Христос, слово «жена» (atta – ’иттета) этимологически не связано с глаголом «сопровождать». Более того, в арамейских текстах времен Иисуса употребление слова «спутница» как синонима слова «жена» не засвидетельствовано.

Мария Магдалина выделяется в гностической традиции как образ женщины-блудницы, покинувшей плен плоти и устремившейся в мир плеромы. В гностических «евангелиях» эти три женщины символизируют тех, кто идет за Христом-Эоном: «Его сестра, Его мать, Его спутница».

В таком же значении о Марии Магдалине говорится и в другом гностическом произведении – «Евангелии от Марии Магдалины». Эта рукопись, написанная на саидском диалекте коптского языка, не входит в корпус текстов из Наг-Хаммади и сохранилась в так называемом Берлинском кодексе (папирус № 8502). Там описана подобная сцена, когда апостол Петр спрашивает Иисуса, почему Он оказывает больше почтения Марии Магдалине, чем другим ученикам (отрывок цитируется Дэном Брауном). Контекст и содержание фактически тождественны предыдущим отрывкам.

Особое внимание к Марии Магдалине как раскаявшейся грешнице прослеживается и в канонических Евангелиях: в списке женщин, сопровождавших Иисуса, она всегда стоит первой, ведь из нее «вышли семь бесов» (Лук. 8:2) [1]; согласно Евангелию от Иоанна, ей первой явился Иисус по воскресении из мертвых

(Ин. 20:1–18) [10]. Если бы все было так, как нафантазировал Браун, то авторы канонических Евангелий наверняка постарались бы удалить всякое положительное упоминание об этой женщине, но они, напротив, без малейшего страха бросить тень на репутацию Учителя говорят о силе ее раскаяния и ревностном следовании за Христом.

В книге «Код Да Винчи» можно было бы указать на множество других исторических «пробелов» – отсутствие каких-либо подтверждений почитания Марии Магдалины еврейской общиной Галлии и отношение ее потомков к династии Меровингов, причастность ордена тамплиеров к этому делу, использование как вполне достоверной весьма сомнительной истории «Приората Сиона», частое использование автором размытой фразы «...и много других исторических источников свидетельствуют об этом». Но суть не в этом.

ВЫВОДЫ

Заподозрить Дэна Брауна в невежестве было бы неправильно. Трудно поверить в то, что писатель не ознакомился на достаточном уровне с историческим материалом, не листал справочников, не вчитывался в тексты гностических «евангелий» и в их критику. Литературные критики его романа «Код Да Винчи» сказали бы, что это художественное произведение и автор имел право не только на собственную интерпретацию, но и на вымысел. Возможно, это и так, но о том, что брауновская версия жизни Иисуса – не более чем вымысел, определенно знают только литературные критики. Рядовой читатель об этом не знает. У него нет достаточного уровня осведомленности в сфере коптских рукописей гностических «евангелий», он, возможно, и самих канонических Евангелий толком не читал и потому новую литературную фикцию жизни Иисуса адекватно оценить не может. Увлекательный стиль Дэна Брауна, четкая логика его аргументов и эффект осведомленности лежит на поверхности, производит впечатление и формирует мировоззрение того же рядового читателя, который и так редко задумывается над вопросами веры. Каким будет поколение после «Кода Да Винчи», «Гарри Поттера», «Последнего искушения Христа» и других блокбастеров и бестселлеров?

Можно сказать, что оно будет верить в теорию всеобщего заговора, в фиктивность любого духовного идеала, в первичность сексуального начала в человеке, в магию, ведьм и привидений. Иначе говоря, оно будет духовно и нравственно опустошенным, дезориентированным, потерянным среди множества новоявленных божеств эпохи постмодерна.

Список литературы

1. Блаженный Августин. О книге Бытия, буквально. Книга неоконченная [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://pravosludm.narod.ru/lib/augustin/genesis/part0-16.htm>
2. Бок Д. Раскрывая код да Винчи / Д. Бок. – М.: Феникс. – 2005. – 273 с.
3. Брагина Л. М. Творчество Леонардо да Винчи в отечественной историографии / Л. М. Брагина. – М.: Наука, 2007. – 203 с.
4. Гелб Майкл Дж. Расшифрованный код да Винчи. Открывая духовные секреты Семи Принципов Леонардо / Майкл Дж. Гелб. – М.: Попурри. – 2005. – 80 с.
5. Данн Д. Тайная история Леонардо да Винчи. Исторический роман. / Д. Данн. – М.: ЭКСМО, 2005. – 688 с.
6. Кокс С. Взламывая код да Винчи. Путеводитель по лабиринтам тайн Дэна Брауна / С. Кокс. – М.: АСТ. – 2005. – 213 с.
7. Лотман Ю. Текст у тексті / Ю. Лотман [за ред. Марії Зубрицької] // Антологія світової літературо-критичної думки ХХ ст. [2-е вид., доповнене]. – Львів: Літопис. – 2001. – С. 579–595.
8. Норец М. В. Мотив покаяния в романной прозе Ф. М. Достоевского: монография / М. В. Норец. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. – 232 с.
9. Норец М. В., Цирульник В. И. Религиозно-философская идентификация романа Д. Брауна «Код Да Винчи» / М. В. Норец, В. И. Цирульник // Материалы VII Международной научно-методической конференции «Филологические открытия». – Уссурийск, 23 мая 2019 г.
10. Откровение святого Иоанна Богослова // Библия с гравюрами Густава Доре [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.bibliadore.com/txt/vnz/27new.htm>
11. Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова // Библия с гравюрами Густава Доре [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.bibliadore.com/txt/vnz/9new.htm>
12. Ягьева С. Р. Анализ мотива «фатума» в романе Д. Брауна «Код Да Винчи» / С. Р. Ягьева // Материалы VIII Всероссийской студенческой научно-творческой конференции «Крымский мир: культурное наследие». – Симферополь, 28–29 марта 2019 г.
13. Brown D. The Da Vinci Code. A novel. / D. Brown. – NY.: Doubleplay, a division of Random House. – 2003. – 454 p.

References

1. Blazhennyi Avgustin. *O knige Bytiia, bukvai'no. Kniga neokonchennaia* [About the book of being literally. The unfinished book] Available at: <http://pravosludm.narod.ru/lib/augustin/genesis/part0-16.htm/> (Accessed 18 March 2019).

2. Bok D. *Raskryvaia Kod da Vinchi* [Opening Da Vinci's Code]. Moscow, Feniks Publ., 2005. 273 p.
3. Bragina L. M. *Tvorchestvo Leonardo da Vinchi v otechestvennoi istoriografii* [Leonardo da Vinci's oeuvre in the native historiography]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 203 p.
4. Gelb Maikl Dzh. *Rasshifrovannyi kod da Vinchi. Otkryvaia dukhovnye sekrety Semi Printsipov Leonardo* [Deciphered code da Vinchi. Opening spiritual secrets of the seven Leonardos principles]. Moscow, Popurri Publ., 2005. 80 p.
5. Dann D. *Tainaia istoriia Leonardo da Vinchi. Istoricheskii roman*. [Leonardo da Vinci's secret history. Historical novel]. Moscow, EKSMO Publ., 2005. 688 p.
6. Koks S. *Vzlamyvaia kod da Vinchi. Putevoditel' po labirintam tain Dena Brauna* [Hacking Da Vinci's code. The guide through the Dan Brown's secret labyrinth]. Moscow, ACT Publ., 2005. 213 p.
7. Lotman Iu. *Tekst u teksti* [Text and texts.]. *Antologiiia svitovoi literaturo-kritichnoi dumki XX st.* [The anthology of the world literary critical thought of the XXth century]. L'viv, Litopis Publ., 2001. pp. 579-595.
8. Norets M.V. *Motiv pokaianiia v romanno proze F.M. Dostoevskogo: monografiia* [The motive of penance in F.M. Dostoevsky novel proze]. Simferopol': IT «ARIAL» Publ., 2019. 190 p.
9. Norets M.V., Tsiurul'nik V.I. *Religiozno-filosofskaia identifikatsiia romana D. Brauna «Kod Da Vinchi»* [Religious philosophical identification of D. Brown's novel Da Vinci's code]. *Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Filologicheskie otkrytiia»* [The works of the VIIth international science methodological conference "Philological discoveries"]. Ussuriisk, 2019, May 23.
10. *Otkrovenie sviatogo Ioanna Bogoslova. Bibliia s graviurami Gustava Dore*. Available at: <http://www.bibliadore.com/txt/vnz/27new.htm/> (Accessed 18 March 2019).
11. *Pervoe sobornoeposlanie sviatogo apostola Ioanna Bogoslova. Bibliia s graviurami Gustava Dore*. Available at: <http://www.bibliadore.com/txt/vnz/9new.htm/> (Accessed 18 March 2019).
12. Iag"iaeva S. R. *Analiz motiva «fatuma» v romane D. Brauna «Kod Da Vinchi»* [The analysis of the "fatum" motive in D. Brown's novel "Da Vinci's code"]. *Materialy VIII Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-tvorcheskoi konferentsii «Krymskii mir: kul'turnoe nasledie»* [The works of the VIIIth All-Russian students scientific creative conference The Crimean world: cultural heritage]. Simferopol', 2019, March 28–29.
13. Brown D. *The Da Vinci Code. A novel.* / D. Brown. – NY.: Doubleplay, a division of Random House, 2003. 454 p.

GNOSTIC "TESTAMENTS" AND "FATUM" LIFE OF JESUS CHRIST IN D. BROWN'S NOVEL "DA VINCI'S CODE"

Norets M. V., Norets N. K.

The article is dedicated to the analysis of historical theological basis of D. Brown's novel "Da Vinci's Code". The author focuses his scientific attention on the gnostic "testaments" being the plot forming component of the novel. The statement about the Gnosticism as the basis of historical philosophic structure of the novel. The author challenges the idea of Christ and Magdalena's marriage from the point of view of its functions and ways of realization in the plot of the novel. The comparative analysis of the text of the novel to the bible texts is being done and some discrepancies

are discovered. The statements of the author concerning Maria Magdalena's origin and her marriage to Jesus Christ and also her role as a "companion" the God's Son are impeached. The supposition concerning the origin of the text of the novel "Da Vinci's Code" being based on the historic (religious) events and being art realization of these historic and religious events is opposed. The "fatum" model is followed in the text: from the beginning till the climax. The "fatum" plots introduced by D. Brown as the proofs of the historical basis of the novel are doubted by the author. On the opinion of the author D. Brown's novel is art fiction oriented to historical likeness - well done mass literature.

Keywords: D. Brown, "Da Vinci's Code", gnostic "testaments", "fatum" life, Jesus Christ, religious philosophical picture of the world, Mary Magdalene.

УДК 82.09

**ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭВОЛЮЦИИ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ СТИХОВ Б. ЧИЧИБАБИНА
«ПЕРЕД ЗЕМЛЕЮ КРЫМСКОЙ СОВЕСТЬ МОЯ ЧИСТА...»)**

Остапенко И. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: i_ostapenko@mail.ru*

В статье рассмотрены аспекты поэтики книги стихов Б. Чичибабина «Перед землею крымской совесть моя чиста...» (2013), презентующие эволюцию авторского сознания в корреляции с изменением статуса Крыма в художественном мире. Исторически формирование художественных языков – кумуляция, параллелизм, тропы, простое слово – презентует процесс растождествления человека и мира, обособление человеческого сознания. Авторское сознание Б. Чичибабина эволюционирует от индивидуально-личностного к целостному единству. На уровне художественных языков метафора уступает первенство символу, но не исчезает из эстетического поля; введение простого слова в поэтическую реальность актуализирует кумулятивную связь; синтез мифопоэтического языка кумуляции и символа, понятийного языка метафоры и условно-поэтического языка «нестилевого» слова демонстрирует новые синкретические отношения в художественном мире. Это не является архаическим синкретизмом тождества, но демонстрирует интенции авторского сознания к единству с миром в его многогранности и целостности. Крым меняет свой статус от топоса к мифу и далее – к «своему» миру и для автора-творца, и для эмпирического автора, поскольку именно в Крыму произошла с Б. Чичибабиным духовная трансформация, что определило весь дальнейший жизненный и художественный путь поэта.

Ключевые слова: Б. Чичибабин, Крым, эволюция авторского сознания, автор-творец, картина мира автора, поэтологические трансформации, художественные языки, кумуляция, метафора, символ.

ВВЕДЕНИЕ

Объектом научной рефлексии в статье избрана книга стихов Б. Чичибабина «Перед землею крымской совесть моя чиста...» (2013) [25]. Имя Б. Чичибабина, русского поэта Украины, достаточно презентабельно в русской культуре, его творчество широко исследовано, в частности, благодаря проводимым в Крыму Чичибабинским чтениям. С Крымом Б. Чичибабин связан биографически, он много раз приезжал в разные регионы полуострова – Алупка, Ялта, Судак, Коктебель, Феодосия. Все поездки соотнесены с личной жизнью автора и нашли отражение в его лирике, демонстрируя этические и эстетические трансформации авторского сознания.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Книга названа по строчке из стихотворения «Крымские прогулки» (1961) [25, с. 12]. В подготовке книги к изданию принимала активное участие Лиля Семеновна Карась-Чичибабина, которая написала предисловие, где очертила биографические линии, связывавшие Бориса Чичибабина с Крымом. Кроме стихов, в книгу вошли письма и интервью поэта, данные крымским журналистам. Поэтические тексты в книге выстроены преимущественно по хронологии, совпадающей с посещением полуострова автором. В то же время, некоторые стихи написаны спустя значительное время после поездки, что биографическую линию в структуре книги нарушает, зато позволяет увидеть, как крымская тема обуславливает изменения в авторском сознании. Именно эта цель и поставлена в статье – выявить аспекты поэтики, презентующие эволюцию авторского сознания Б. Чичибабина в корреляции с крымской темой.

Трактовка понятия «авторское сознание» в данной работе коррелирует, в первую очередь, с бахтинской концепцией автора-творца [1; 2], с положениями работ С.Н. Бройтмана [4; 17] о родовой специфике лирики, основанной на особых синкретических отношениях автора с эстетическим объектом, презентованных в тексте уровнями картины мира автора [12; 13] – субъектным, хронотопным, образным, сюжетным – как элементами поэтики. Выявление поэтологических трансформаций в отдельных лирических текстах позволит проследить эволюцию авторского сознания как источника художественной системы в целом.

Обращаясь к крымским стихам Б. Чичибабина, имеющих прямое отношение к биографии поэта, важно обратить внимание на дифференциацию понятий «авторское сознание» и автор-творец в их корреляции с «биографическим автором». «Авторское сознание» формируется из взаимодействия эмпирического сознания биографической личности с ее духовным аспектом, назовем его абсолютным сознанием. Следовательно, оно строится на ценностной системе биографического автора, включающей этический аспект, актуализирует соответствующий личностный культурологический опыт и открывается для высших духовных истин и озарений, что традиционно именуется вдохновением. Авторское сознание, таким образом, не равно

сознанию биографической личности, но и без него оно немыслимо, о чем неоднократно напоминали философы и поэты (Вл. Соловьев, Н. Бердяев, М. Бахтин и др.). Деятельность авторского сознания имеет творческий характер по аналогии с Творцом нашего мира. Но если Бог находится в творческом состоянии перманентно, то человек может периодически находиться в нем, проявляя таким образом свою божественную природу. В момент творчества авторское сознание, как синтез эмпирического и духовного начал личности, проявляет себя в одном из аспектов – предстает автором-творцом, в бахтинской терминологии, художественного мира.

Автора-творца обнаруживаем в целом отдельного произведения, а авторское сознание представлено всем творческим наследием, но еще и дополняющими его критическими, публицистическими, мемуарными, эпистолярными рефлексиями [10].

Эволюция авторского сознания Б. Чичибабина рассматривалась в других работах, было выделено три этапа творчества поэта, выявлены черты лирического субъекта и другие особенности, демонстрирующие изменения в эстетической реальности, созданной автором [11; 13; 14]. Но предметом в таких исследованиях, как правило, были книги стихов, собранные самим поэтом, в чем и проявилась деятельность именно авторского сознания. Книга же крымских стихов структурирована почитателями его поэзии. В результате наблюдений над объединенными одной темой текстами обнаружилось, что они не просто вписываются в намеченную ранее периодизацию творчества, но именно Крым стал если не главным, то одним из важнейших трансформационных маркеров в художественной системе Б. Чичибабина.

Поскольку в рамках статьи нет возможности проследить все аспекты поэтики крымских текстов, остановимся на наиболее презентативных – в данном случае, на субъектной и образной сфере произведений. Субъектной – так как в лирике автор и герой находятся в синкретических субъект-субъектных отношениях, что обуславливает характер лирического субъекта как презентанта авторского сознания, актуализирующего в эстетическом объекте биографический нравственный опыт. Образной – потому что слово в художественном произведении является вторичным знаком, «образом образа» (А.А. Потебня), «словом слова». И если автор-творец

типологически восходит к Богу-Творцу, то слово художественное является тем «Началом», из которого он создает свою собственную Вселенную – художественный мир. Интересно понаблюдать, по каким законам автор-творец выстраивает свой мир, и какими средствами и приемами пользуется, или – на каких языках говорит со своим читателем.

Напомним, лирика как самый архаический литературный род нарабатала несколько художественных языков, сложившихся исторически и эстетически – кумуляция, параллелизм, тропы, простое или «нестилевое» слово. Современная лирика использует их все, дифференцируя готовые и открытые поэтические образы. Говоря о словесных образах в художественном произведении, нужно помнить, что это не просто приемы и средства эстетизации, такой подход мы можем наблюдать и в языке как средстве коммуникации. Художественный язык – это моделирование новой реальности, рождающейся в авторском сознании, где строительным материалом являются первичные словесные образы, знаки эмпирической действительности. Авторское сознание в процессе творчества пересоздает первичное слово, сохраняя его внешний звуковой облик, наполняет новым значением и смыслом. При том, что и автор, и читатель одинаково владеют языком общения в пределах одной национальной культуры, авторское высказывание – это высказывание на ином языке, неизвестном читателю, другими словами – это «иносказание». И речь не о прямом и переносном значении слова в художественном произведении, но о принципиально «ином» смысле и значении, которым наделяет обыденное слово автор. Исходя из такого понимания художественного языка, мы и будем изучать образный язык Б. Чичибабина.

В трактовке сути художественного языка исходим из работ С.Н. Бройтмана [4], В.Н. Веселовского [5], Вяч. Иванова [7], Вл. Соловьева [16], Цв. Тодорова [18], В.Н. Топорова [20; 21], О.М. Фрейденберг [22], Р.О. Якобсон [26]. Обобщая позиции ученых, приходим к выводу, что смена художественных языков демонстрирует эволюцию человеческого сознания в смысле его поступательного развития, хотя правильнее было бы сказать – инволюцию, поскольку постепенно из целостного единого сознания выделяется индивидуально-частное, человек отделяет себя от мира,

мир становится «картиной мира» (М. Хайдеггер), представленной перед человеком-субъектом в виде познаваемого объекта [23]. Такая эволюция-инволюция человеческого сознания прошла этапы тождества, нераздельности-неслиянности и находится на стадии дополнительности в осмыслении отношений человека и мира, что соответствует трем культурологическим эпохам развития нашей цивилизации – синкретизма, эйдетической, модальности [4]. В лирике художественные языки сохранили изначальный синкретизм, который также трансформируется. Авторское сознание, презентуя один из своих аспектов через автора-творца отдельного художественного мира, каждый раз в миге лирического озарения как бы заново создает свой собственный язык, уплотняя и сжимая время, потраченное человечеством на свое развитие.

В крымских стихах Б. Чичибабина представлены все виды названных художественных языков, но их историческая последовательность в ходе построения эстетической реальности существенно нарушается, что не может не характеризовать определенные процессы в работе авторского сознания. Прежде чем показать их природу, остановимся на самой сущности художественных языков, актуальных для данного исследования.

Исторически первым художественным языком является кумуляция, на что указывал В.Н. Топоров [21], В.Я. Пропп [15], О.М. Фрейденберг [22], но обосновал данную концепцию уже С.Н. Бройтман [4]. Язык кумуляции строится по принципу простого нанизывания отдельных и самостоятельных слов-образов, находящихся в сочинительной связи присоединения, рядоположения, презентующих семантическое тождество при внешнем различии форм [4, с. 50].

Вторым историческим типом образа предстает язык параллелизма, формирующийся из кумулятивных образов, между которым устанавливается более тесная связь. В параллелизме, изначально двухчленном, один член, обязательно – первый, представал картиной природы, второй – картиной человеческой жизни. Идея двухчленного параллелизма, по В.Н. Веселовскому [5], состоит в «уравнении, если не тождестве», но в нем нет ни абсолютного тождества, ни полного различия. Из двухчленного параллелизма развились многочленный, одночленный и отрицательный.

Из одночленного параллелизма впоследствии сформировались символы народной поэзии. То есть символ по своему генезису принадлежит к синкретическому типу образа и этим принципиально отличается от позднейших тропов. Природу символа исследовали Вяч. Иванов [7], Вл. Соловьев [16], А. Ф. Лосев [8], Цв. Тодоров [18], В.Н. Топоров [20; 21]. Символу наиболее близки принципы «различенного тождества» и множественности репрезентаций одной образной модели, поэтому он не сводим к тропу как следующему образному языку уже эйдетической эпохи. В символе, по Вяч. Иванову, отражена «природа всего бытия, Вселенной. Символ универсален потому, что – независимо от воли того, кто им пользуется – запечатлевает Универсум, бесконечный и внутренне противоречивый», в нем запечатлен «великий космогонический миф, в котором каждый аспект <...> находит свое место в иерархии планов божественного всеединства» [7, с. 537].

Завершает эволюцию параллелизма и вообще синкретического типа образности параллелизм отрицательный. После отрицательного параллелизма начинается качественно новая стадия развития художественного образа, основанная уже на принципе не синкретизма, а различия. По мнению С.Н. Бройтмана, А.Н. Веселовский в отрицательном параллелизме видел истоки первого образа тропеического языка – сравнения, а раннюю метафору возводит к символу, являющегося формой одночленного параллелизма. Метафора и есть «одночленная параллельная формула, в которую перенесены некоторые образы и отношения умолчанного члена параллели» [4, с. 58].

Что касается простого или «нестилевого» слова, то оно проникло в поэтический язык сравнительно недавно, в эпоху модальности, дополнив таким образом парадигму художественных языков. Впервые о нем упоминает Л.Я. Гинзбург [6]. «Нестилевое» слово не принадлежит какому-то определенному стилю, поэтическим «простое» слово делает контекст.

Следует еще указать на дифференциацию поэтических образов на «готовые» и «открытые», в терминологии Н.Д. Тамарченко [17]. «Готовые» поэтические образы сформировались в художественной словесности эйдетической эпохи и стали традиционными под влиянием науки риторики, к ним, из репрезентативных для данного

исследования, относятся тропы. «Открытый» поэтический образ «изоморфен (идентичен по структуре) созданному в произведении авторскому образу мира» [17, с. 142]. К «открытому» возможно отнести все типы художественных образов, созданных автором-творцом непосредственно для презентации собственного художественного мира.

В книге крымских стихов Б. Чичибабина наблюдается наличие практически всех видов художественного языка, что естественно для лирических произведений эпохи модальности. В то же время отчетливо прослеживается и их дифференциация относительно периодов творчества и соотносимых с ними биографических ситуаций автора, связанных с Крымом, и определенная система в их смене друг другом. Кроме того, сам Крым как художественный образ меняет свое качество.

Стихи 1960–1968 гг. соответствуют первому периоду творчества поэта, когда происходит становление художественной системы, лирический субъект этого времени отличается в целом романтически-барочным мировосприятием, но в крымских стихах романтические иллюзии постепенно рассеиваются, более того, обнажается кризис и ценностной системы, и психологического состояния. В это время поэт приезжает в Крым или с друзьями, или со своей женой Матильдой Якубовской. Основная тема – море, природа полуострова. Крым предстает неким топосом, утилитарным местом отдыха, «краем», «чье имя – радости синоним, / на берегу зеленом и морском» [25, с. 17], «Море хлупает в мол. / Море мокрые камешки сыплет. / Им никто не насытится. / Море и мертвых живет» [25, с. 19].

Крым как поэтический образ в целом и различные его метонимические варианты в конкретном тексте предстает не только пространственным маркером, а скорее входит в субъектную сферу в роли «другого», с которым у перволичного лирического субъекта выстраиваются диалогические, но дистанцированные отношения – «Я с Севера, устав, как вол, / добра не чаючи, / пришел послушать рокот волн / и крики чаечьи» [25, с. 20].

Постепенно в силу жизненных перипетий эмпирического автора меняется и восприятие Крыма, появляются драматические и даже трагические нотки – «Волна плескалась медленно и вяло, / лизнет песок и пятится опять, / как будто в лоб кого-то

целовала и не хотела в губы целовать» [25, с. 19] – строчки из текста 1964 года, а вскорости нравственно-психологический кризис Б. Чичибабина отразится в стихотворении «Сними с меня усталость, Мать Смерть...» [24, с. 124]. Как видим, первые признаки внутреннего конфликта эксплицированы в крымском тексте.

Данному творческому периоду принадлежат также стихотворения, которые расширяют топонимический образ Крыма как места отдыха его культурологической ценностью. В это время в Крыму Б. Чичибабин встретился с С.Я. Маршаком («В краю, чье имя – радости синоним...») [25, с. 17], здесь произошла также виртуальная встреча с А. Грином («Города Александра Грина») [25, с. 23] и Л.Н. Толстым («Севастополь») [25, с. 25]. И здесь же впервые поэт столкнулся с трагедией крымских татар. В стихотворении «Крымские прогулки» наиболее ярко проявился синкретизм авторского сознания и его презентанта – лирического субъекта: поэтика художественного мира эксплицирует ценностную систему биографического автора – «Люди на пляж, я – с пляжа, / там у лесов и скал, / «Где же татары?» – спрашивал, все я татар искал», «Умершим – не подняться, / не добудиться умерших... / но чтоб целую нацию – / это ж надо додуматься...» [25, с. 12-15]. В интервью Д. Лосеву уже в 1992 году поэт прокомментирует данное стихотворение – «...это не было политикой. <...> встать на сторону добра против зла – это не есть политика. Когда я видел трагедию крымскотатарского народа – для меня это не было политикой или этнографией. Это была моральная и нравственная проблема. Вот как я понимаю свои гражданские стихи. Это – акт нравственный, акт совести» [25, с. 90]. Как видно из приведенных текстов, дилемму этического и эстетического поэт для себя решает однозначно.

Но этическая позиция не обедняет стихотворения, при всей инвективности автору удастся передать чисто лирическую рефлексию – «Думал о Крыме: чей ты, / кровью чужой разбавленный?» [25, с. 12]. Эстетическая ценность как этого, так и других стихотворений первого периода творчества видится в мастерском использовании тропеического языка, в первую очередь – метафоры. Притом, это органичное синтезирование готового образа и открытого – «лохматой лазури ломоть», «там у синего моря цветы на камнях розовели, / и дремалось цветам под языческий цокот цикад» [25, с. 26], «Есть поселок в Крыму. Называется он Кацивели.

Он висел среди скал и глаза нам лазурью колол» [25, с. 27]. Метафора у Б. Чичибабина в ранних крымских стихах работает именно на презентацию художественного мира, построенного по собственному сценарию авторского сознания, происходит пересоздание смыслов и значений первичных языковых образов. И если помнить, что метафора, по В.Н. Веселовскому [5], восходит к символу, развитому из одночленного параллелизма, – «Метафора и есть «одночленная параллельная формула, в которую перенесены некоторые образы и отношения умолчанного члена параллели» [цит. по 4, с. 58], то одному авторскому сознанию доступна «упущенная» часть параллели, а читатель может восхититься совершенством образа, но для адекватного понимания пути его формирования придется много потрудиться. В метафоре, по мнению В.Н. Веселовского, «отражен уже не синкретизм, а собственно поэтическое видение мира» [цит. по 4, с. 56]. Метафора предстает способом пересоздания мира, способом познания и выстраивания мира на основаниях, субстанциональных авторскому сознанию.

У Б. Чичибабина искусная метафора зачастую соседствует, как это видно из примеров, с обыденным («простым», «нестилевым») словом и даже просторечием, к примеру, «бесшабашное солнце плывет в галактической выси / над просоленной галькой, обломышем древних пород» [25, с. 26]. Авторское сознание работает на пересечении высокого и низкого, сакрального и профанного:

*Над вечным морем свет сменила мгла.
Плывут валы, как птицы в белых перьях.
Всей красоты не разглядеть теперь их,
лишь пыль от них на камушки легла.
И женищина, пришедшая на берег,
в напевах волн стоит голым-гола,
как хрупкий храм. И соль на бедрах белых,
и славят ночь ее колокола.
Две наготы. Два неба. Два набата.
Грозна душа седого шалуна,
и, вся его дыханием объята,
как синева, хмельна и солона,
стоит у моря женищина ночная,
сама себя не видя и не зная [25, с. 27].*

Итак, в первом блоке крымских текстов, как видим, преобладает тропеический художественный язык, а точнее, метафорический, следующий же, включающий стихотворения 1968–1984 годов, демонстрирует преобладание языка символического. Если исторически, опять же, по В.Н. Веселовскому [5], метафора вырастает из символа, то есть, изначальный синкретизм мифологического сознания расчленяется интенцией человеческого сознания к особости, выделенности из тождественности, то у Б. Чичибабина наблюдаем процесс обратный.

В жизни поэта произошли существенные изменения. Его перестали печатать, запретили руководство поэтической студией, ужесточился контроль властных структур, распался брак с первой женой. Все это вместе привело к серьезному внутреннему кризису. Встреча с Лилей, которая станет женой и другом, помогла Б. Чичибабину пройти через душевные трансформации и обрести себя уже в новом качестве. Его исключают из Союза писателей, но он не перестанет писать, более того, приобретет широкую известность. Его стихи распространялись через самиздат, передавались в рукописных текстах. Духовные трансформации эмпирической личности эстетически воплотились в его стихах. И крымские тексты этого периода, позволяют выявить источник духовного роста поэта.

С 1968 года приезжать в Крым Б. Чичибабин будет только со своей женой Лилей Карась-Чичибабиной. И Крым поменяет статус в художественном мире поэта. Любовь к женщине изменит восприятие мира, откроет ему себя самого и позволит увидеть в мире божественное проявление. Судьбе было угодно, чтобы такие трансформации происходили с автором именно в Крыму – «Еще недавно ты со мной, / два близнеца в страде земной, / молились морю с Карадага» (1968) [25, с. 28]. Обратим внимание, молитвенная форма сближает коммуникантов, если Крым в предыдущих текстах выступал «другим» в отношениях «я-он», то теперь дистанция между субъектными формами укорачивается («я-ты»), происходит существенное и сущностное сближение.

Крымские реалии наполняются символическим смыслом. Те реальные места Крыма, которые посетят Чичибабины, станут маркерами духовного мира поэта – «Ласточкино Гнездо – нежного неба зов» [25, с. 30], Судак – «Мать Вечность царит

над нагим побережьем» [25, с. 34], «Восточный Крым, чья синь седа, / а сень смолиста, – / нас, точно в храм, влекло сюда / красе молиться» [25, с. 36], Херсонес – «Да будут нам сниться воскресные сны / про край, чья душа синеока» [25, с. 40], «Чуфут пустой, как храм над попелищем, / Чуфут ничей, / и, может быть, мы в нем себе отыщем приют ночей» [25, с. 42] и мн. др.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, как метафора работает на символизацию художественного образа Крыма. Постепенно в эстетической реальности Бориса Чичибабина формирует миф о Крыме, создается целостное мифологическое пространство с природными и географическими реалиями, и даже с героями, без которых миф невозможен – «и Пушкин сам в Бахчисарае наш путь благословил» [25, с. 42], Александр Грин – «С прозрения по гроб он жаждал только чуда, / всю жизнь он прожил т а м, и ни минуты з д е с ь» [25, с. 46]. Героями крымского мифа Б. Чичибабина стали О. Мандельштам («Феодосия») [25, с. 64] и М. Цветаева («На могиле Волошина») [25, с. 44], Данте («Эрнст Неизвестный, будь вам зло во благо!») [25, с. 39] и Леонардо да Винчи («На могиле Волошина») [25, с. 44], А.Н. Радищев («Крымские прогулки») [25, с. 16] и А. Мицкевич («Леся в Ялте») [25, с. 52], Свифт («С. Славичу») [25, с. 50] и Стендаль («Еще недавно ты сонной») [25, с. 28], Леся Украинка и Т. Шевченко («Леся в Ялте») [25, с. 52], С. Славич («С. Славичу») [25, с. 50] и К. Паустовский («Паустовскому») [25, с. 57].

Особое место среди героев крымского мифа Б. Чичибабина принадлежит М. Волошину – «Художник, пророк и бродяга, / незримой земли властелин, / у вскинутых скал Карадага / со всеми свой рай разделил» [25, с. 44], «Образ Божий, творческий и добрый, / в серой блузе, с рыжей бородой, / каждый день он с посохом и торбой / карадагской шествует грядой...» [25, с. 62].

Центром крымского мифологического пространства для Б. Чичибабина стал волошинский Коктебель, обрамленный горами Кучук-Енишар и Карадаг. То есть, все мифологические параметры в поэтическом мире четко выдержаны. Но эстетическая реальность не могла быть создана без конкретного жизненного опыта эмпирического автора. В 1984 году в Коктебеле Б. Чичибабин прошел через духовную трансформацию и получил божественное откровение – «Все в глубь и ввысь! А не

дойду до цели – / на то и жизнь, на то и воля Божья. / Мне это все открылось в Коктебеле / под шорох волн и черного подножья» [25, с. 60].

Апелляции авторского сознания к метафоре постепенно становятся более редкими, Крым через символизацию приобретает статус мифа в художественном мире автора, притом мифа не только сюжетного, но и жизнеобразующего. Это приводит к тому, что статус Крыма снова меняется в последних стихотворениях, связанных крымской тематикой. Эстетическая реальность Б. Чичибабина приобретает новые качества. После стихотворений 1984 года, связанных с пребыванием в Коктебеле, а это девять текстов, в 1992 году появится еще два.

Первое, «Оснежись, голова! Черт-те что в мировом чертеже!..» [25, с. 68], формирует эстетическое поле метафорически, но далее актуализируется язык кумуляции, характерный для эпохи синкретизма, в современной поэзии работающий на оцельнение художественного мира. В мир поэта вовлекаются на равных правах горести и радости («тьма болевая» и «духовная радость»), политика и нравственность («византийский комар» и «живу, как дано, никого за печаль не виня»), метафизика и эмпирика («слово, что было в начале» и «Лиля руку в запястье сломала»), поэзия и обыденность («обиталище утренних муз, / добывающих свет из печали» и «незрячие щенята», «одуревшие в сиротстве», которые «свой закут чернят, издеваясь, как черти, над всем») [25, с. 68].

Метафорические образы и простое слово сочетаются присоединительной кумулятивной связью в целостный мир, центром которого остается М. Волошин, но уже не как символический мифический герой. В этом стихотворении миф материализуется, экстраполируется на реальное физическое пространство – «Есть в Крыму Коктебель, в Коктебеле – Волошинский дом». «Дом» обретает в художественном мире поэта реальные атрибуты – временные («теперь»), пространственные («веранда», «стол», «виноград») – и реальных жильцов, в число которых входит и поэт, что презентовано местоимением – «мы».

*Есть в Крыму Коктебель, в Коктебеле – Волошинский дом,
и опять, как теперь, мы к нему на веранду придем,
до конца свой клубок разматавши, –
там, органно звуча, в нас духовная радость цвела,*

*там сиял, как свеча, виноград посредине стола
и звенела походка Наташи [25, с. 68].*

Так Крым постепенно становится уже не символом, а «своим» не только пространством, но миром, центр которого – Дом Поэта. В последнем крымском стихотворении «Подводя итоги» (1992) находим тому подтверждение – «Покарауль наш дом, / а я пойду по свету <...> Да будем нам щитом / душевная отвага / отшельника, чей дом / стоит у Карадага» [25, с. 70].

ВЫВОДЫ

Таким образом, взгляд на поэтику крымских стихов позволяет увидеть, какие изменения происходят в авторском сознании Б. Чичибабина и как меняется статус Крыма в художественном мире. Если исторически художественные языки формировались в порядке – кумуляция, параллелизм, тропы, простое слово по степени растождествления мира и человека, и этот путь скорее можно назвать инволюционным, то авторское сознание Б. Чичибабина эволюционирует от индивидуально-личностного к целостному единству. На уровне художественных языков метафора уступает первенство символу, но не исчезает из эстетического поля; введение простого слова в поэтическую реальность актуализирует кумулятивную связь; синтез мифопоэтического языка кумуляции и символа, понятийного языка метафоры и условно-поэтического языка «нестилевого» слова демонстрирует новые синкретические отношения в художественном мире. Это не является архаическим синкретизмом тождества, но демонстрирует интенции авторского сознания к единству с миром в его многогранности и целостности. Крым меняет свой статус от топоса к мифу и далее – к «своему» миру и для автора-творца, и для эмпирического автора, поскольку именно в Крыму произошла с ним духовная трансформация, снизошло божественное откровение «на берегах» «заветного залива», что определило весь дальнейший жизненный и художественный путь поэта.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т.: Т. 1 / М. М. Бахтин. – М.: Изд-во «Русские словари»; Языки славянской культуры, 2003. – С. 69–262.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин [Сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова]. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
4. Бройтман С. Н. Историческая поэтика: Учеб. пособие. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 418, [2] с.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский; [Вступ. ст. И. К. Горского, с. 11–31; Комментар. В. В. Мочаловой]. – М.: Высш. шк., 1989. – 404 с.
6. Гинзбург Л. Я. О лирике / Лидия Гинзбург; [Вступ. ст. А. С. Кушнера]. – М.: Интрада, 1997. – 414 с.
7. Иванов Вяч. Собр. соч. в 4 т. – Т. 2. – Брюссель, 1974. – 870 с.
8. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
9. Лотман Ю.М. Риторика // Лотман Ю.М. Избр. статьи: В 3 т. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн, 1992. – 479 с.
10. Мирошниченко Н.М. Эволюция авторского сознания в ранней лирике М.Волошина : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Н.М. Мирошниченко. – Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. – Симферополь, 2014. – 233 с.
11. Остапенко И. В. Проблема творчества и образ творца в лирике Б. Чичибабина / И. В. Остапенко // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 49. – Т. 2. – С. 136–141.
12. Остапенко И.В. Пейзажный дискурс как картина мира в русской лирике 1960–1980-х годов. : Дисс. ... докт. филол. н. : 10.01.02. / Остапенко Ирина Владимировна ; Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. – Симферополь, 2013. – 530 с.
13. Остапенко И.В. Природа в русской лирике 1960–1980-х годов: от пейзажа к картине мира: монография. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 432 с.
14. Остапенко И.В. Художественный мир Бориса Чичибабина в литературоведческой рецепции : монография. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. – 206 с.
15. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 333 с.
16. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – С. 73–89.
17. Теория литературы : Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : В 2 т. : Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; Под ред. Н. Д. Тamarченко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.
18. Тодоров Цв. Теории символа / Цветан Тодоров; Пер. Б. Нарумова. – М., Дом интеллектуал. кн., 1999. – 384 с.
19. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика : Учеб. пособие / Вступ. статья Н. Д. Тamarченко ; Комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тamarченко. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.

20. Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов : (Палеолитическая эпоха) / В. Н. Топоров // Ранние формы искусства : Сборник статей / Составитель С.Ю. Неклюдов ; Отв. ред. Е.М. Мелетинский ; Вступит. Статья от сост-ля. – М. : Искусство, 1972 . – 77-103.
21. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исслед. в обл. мифопоэтического : Избранное / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс : Культура, Б. г. (1994). – 621 с.
22. Фрейдсберг О.М. Миф и литература древности [Текст]. – Москва : Наука, 1978. – 605 с.
23. Хайдеггер М. Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления (пер. с нем.; комм. В.В. Библихина; серия “Мыслители XX в.). – М., Республика 1993. – С. 41–63.
24. Чичибабин Б. А. В стихах и прозе / Б. А. Чичибабин. – Харьков: Фолио; Каравелла, 1998. – 463 с.
25. Чичибабин Б.А. «Перед землею крымской совесть моя чиста...»: Книга стихов и прозы / Предисл. Л.С. Карась-Чичибабиной. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 132 с.
26. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа фактических нарушений // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 110–133.

References

1. Bahtin M. M. *Avtor i Geroj v Esteticheskoy Deyatel'nosti* [Author and Hero in Aesthetic Activity]. Bahtin M. M. *Sobranie sochineniy v 7 vv.*: Vol. 1. Moscow: Russkie slovari Publ.; YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – pp. 69-262.
2. Bahtin M. M. *Estetika Slovesnogo Tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 424 s.
3. Berdyaev N.A. *Filosofiya Svobody. Smysl Tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow: Pravda, 1989. 608 p.
4. Brojzman S. N. *Istoricheskaya Poetika* [Historical Poetics]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennuy gumanitarnuy universitet Publ., 2001. 418 p.
5. Veselovskij A. N. *Istoricheskaya Poetika* [Istorical Poetics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989. 404 p.
6. Ginzburg L. YA. *O Lirike* [About the lyrics] Moscow: Intrada Publ., 1997. 414 p.
7. Ivanov Vyach. *Sobranie Sochinenij v 4 vv* [Collected Works in 4 volumes]. Vol. 2. Bryussel Publ., 1974. 870 p.
8. Losev A.F. *Problema Simvola i Realisticheskoe Iskusstvo* [The Problem of Symbol and Realistic Art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1995. 320 p.
9. Lotman YU.M. *Ritorika* [Rhetoric]. *Izbrannye stat'i: V 3 v.* Vol. 1: *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallinn, 1992. 479 p.
10. Miroshnichenko N.M. *Evoluciya Avtorskogo Soznaniya v Rannej Lirike M.Voloshina: Dis. ... kand. filol. nauk* [The Evolution of the Author's Consciousness in the Early Lyrics of M.Voloshina. Thesis]. Simferopol', 2014. 233 p.
11. Ostapenko I. V. *Problema Tvorchestva i Obraz Tvorca v Lirike B. Chichibabina* [The Problem of Creativity and the Image of the Creator in the Lyrics of B. Chichibabin]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. Simferopol', 2004. No 49. Vol. 2. – Pp. 136–141.

12. Ostapenko I.V. *Pejzazhnij Diskurs kak Kartina Mira v Russkoj Lirike 1960–1980-h Godov*. Diss. ... dokt. filol. Nauk [Landscape Discourse as a Picture of the World in Russian Lyrics of the 1960s-1980s. Thesis]. Simferopol', 2013. 530 p.
13. Ostapenko I.V. *Priroda v Russkoj Lirike 1960-1980-h Godov: ot Pejzazha k Kartine Mira* [Nature in Russian Lyrics of the 1960s-1980s: from Landscape to World Picture]. Simferopol': IT «ARIAL» Publ., 2012. 432 s.
14. Ostapenko I.V. *Hudozhestvennyj Mir Borisa CHichibabina v Literaturovedcheskoj Recepcii* [Boris Chichibabin's Artistic World in Literary Reception]. Simferopol': IT «ARIAL» Publ., 2015. 206 p.
15. Propp V. YA. *Istoricheskie Kornj Volshebnoj Skazki* [Historical Roots of a Fairy Tale]. Moscow: Labirint Publ., 2000. 333 p.
16. Solov'ev V.S. *Obshchij smysl iskusstva // Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [The general meaning of art // Philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1991. Pp. 73–89.
17. *Teoriya Literatury: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshih uchebnykh zavedenij* : V 2 t. : T. 1. *Teoriya Hudozhestvennogo Diskursa. Teoreticheskaya Poetika* [Theory of Literature : Textbook for Students of Philological Faculties of Higher Educational Institutions : In 2 volumes : Vol. 1. Theory of Artistic Discourse. Theoretical Poetics] N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa, S. N. Brojtman ; Pod red. N. D. Tamarchenko. Moscow: «Akademiya» Publ., 2004. 512 p.
18. Todorov Cv. *Teorii Simvola* [Theories of the Symbol]. Moscow: Dom intellektualnoy knigi Publ., 1999. – 384 p.
19. Tomashevskij B. V. *Teoriya Literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1996. 334 p.
20. Toporov V. N. *K Proiskhozhdeniyu Nekotoryh Poeticheskikh Simvolov : (Paleoliticheskaya Epoha)* [On the Origin of Some Poetic Symbols: (Paleolithic Epoch)] // *Rannie formy iskusstva : Sbornik statej*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1972 . Pp. 77–103.
21. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz : Issledovanie v oblasti mifopoeticheskogo : Izbrannoe* [Myth. The ritual. Symbol. Image : Explore. in the Region of the Mythopoetic : Favorites] Moscow: Progress: Kul'tura Publ., 1994. 621 p.
22. Frejdenberg O.M. *Mif i Literatura Drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity]. Moskow: Nauka Publ, 1978. 605 p.
23. Hajdegger M. *Vremya Kartiny Mira / Vremya i Bytie: Stat'i i Vystupleniya*. [Time Pictures of the World / Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993. Pp. 41–63.
24. CHichibabin B. A. *V Stihah i Proze* [In Verse and Prose]. Har'kov: Folio; Karavella Publ., 1998. 463 p.
25. CHichibabin B.A. *«Pered Zemleyu Krymskoj Sovest' Moya Chista...»: Kniga Stihov i Prozy* ["My Conscience is Clear before the Crimean Land...": A Book of Poems and Prose]. Simferopol': IT «ARIAL» Publ., 2013. 132 p.
26. YAkobson P.O. *Dva Aspekta Yazyka i Dva Tipa Fakticheskikh Narushenij // Teoriya Metafor: Sbornik* [Two Aspects of Language and Two Types of Aphatic Disorders // The Theory of Metaphor: Collection]. Moscow: Progress Publ., 1990. 512 p. Pp. 110–133.

**POETIC TRANSFORMATIONS AS AN EXPLICATION
OF THE EVOLUTION OF THE AUTHOR'S CONSCIOUSNESS
(BASED ON THE MATERIAL OF THE B. CHICHIBABIN'S BOOK OF POEMS
"MY CONSCIENCE IS CLEAR BEFORE THE CRIMEAN LAND...")**

Ostapenko I. V.

The article considers aspects of the poetics of B. Chichibabin's book of poems "My Conscience is Clear before the Crimean land ..." (2013), it presents the evolution of the author's consciousness in correlation with the change in the status of Crimea in the art world. Historically, the formation of artistic languages - cumulation, parallelism, tropes, a simple word - represents the process of man's and the world's disidentification, the isolation of human consciousness. The author's consciousness of B. Chichibabin evolves from an individual-personal to an integral unity. At the level of artistic languages, metaphor gives way to the primacy of the symbol, but does not disappear from the aesthetic field; the introduction of a simple word into poetic reality actualizes the cumulative connection; the synthesis of the mythopoetic language of cumulation and symbol, the conceptual language of metaphor and the conditionally poetic language of the "non-stylistic" word demonstrates new syncretic relations in the artistic world. This is not an archaic syncretism of identity, but it rather demonstrates the intentions of the author's consciousness to unity with the world in its versatility and integrity. Crimea is changing its status from a topos to a myth and then to its "own" world for both the author-creator and the empirical author, since it was in Crimea that B. Chichibabin underwent a spiritual transformation, which determined the poet's entire further life and artistic path.

Keywords: B. Chichibabin, Crimea, evolution of author's consciousness, author-creator, author's worldview, poetological transformations, artistic languages, cumulation, metaphor, symbol.

УДК 82.512.45

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Сеферова Ф. А.

*ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: fera-sef@ukr.net*

Статья рассматривает историю становления крымскотатарской литературной критики. Проанализированы первые существенные признаки формирования критики как самостоятельного вида литературного мышления, этапы развития, идейно-эстетические принципы. Установлено, что специфика крымскотатарской литературной критики определяется, прежде всего, процессом культурного развития, своеобразием национальной литературы; ей присущи ментальные процессы, особые формы осмысления мира, средства коммуникации. Особо следует отметить, что в тюркоязычной литературе средневековья суждения и мысли критического характера в соответствии с традицией классической литературы выражались чаще в поэтических жанрах художественных произведений.

Аналитическое чтение работ Э. Шемми-заде, Ш. Алядина позволяет увидеть в них сквозь риторику социологических представлений советской эпохи отражение дальнейшего развития крымскотатарской литературной критики. Концептуальная часть литературно-критических статей литературоведа С. Нагаева представляет собой критику теории «бесконфликтности», согласно которой авторы зачастую были заняты конструированием псевдожизненных коллизий и подгонкой их под решение заранее поставленной проблемы. Ш. Селим стремится придать содержательное значение наблюдениям И. Гаспринского о роли концепции трёх составляющих критики: теоретического («тенкьидат-ы ильмие»), исторического («тенкьидат-ы тарихие»), литературного («тенкьидат-ы эдебие»). Важным для сегодняшней науки являются размышления Д. Л. Азизова о теоретико-методологическом аспекте исследования истории романа и, в частности, такой его жанровой разновидности, как роман-«состояние». Наблюдения Д. Азизова о принципах комплексного анализа особой разновидности психологического романа, которую исследователи определяют как «роман-состояние», ждут дальнейшей детализации и углубленного изучения.

Ключевые слова: критика, национальная специфика, методология, анализ, роман, эстетика, поэтика.

ВВЕДЕНИЕ

Предпосылками возникновения интереса к истории становления крымскотатарской литературной критики явились колоссальные изменения в научном, философском, общественном сознании, происшедшие на рубеже веков и в начале XXI столетия. Немаловажную роль сыграли научные открытия, перевернувшие традиционные представления о специфике критики, о структуре критического текста. Перечисляя наиболее значительные достижения, назовём здесь фундаментальные труды, М. М. Бахтина, Р. Барта, Х. Г. Гадамера, Р. Громьяка,

В. Изера, Ю. М. Лотмана, В. П. Муромского [5; 6; 7; 10; 14; 16; 21; 25]. Теоретические основы новых исследований отражены в работах современных российских учёных С. Кормилова, Н. Раковской, Н. А. Сергуниной [18; 28; 31] и др. Обращает внимание и значительный рост количества монографических исследований по теме. Из последних отметили бы работы Е. А. Елиной, Т. Н. Марковой, А. В. Хрусталёвой, А. А. Садовникова [15; 23; 33; 31]. Особо следует отметить диссертационную работу А. В. Хрусталёвой «Методы русской литературной критики первой трети XX века».

Представленные в работе материалы говорят о том, что «исследование является собой одну из первых попыток преподнести период до 1932 года как некое преддверие соцреализма, когда ещё не сложился в законченном виде монизм официальной идеологии» [33, с. 3]. Представляет интерес и монография Е. А. Елиной, посвящённая анализу вербальных интерпретаций произведений изобразительного искусства: номинативно-коммуникативный аспект [15, с. 25]. Свой взгляд на литературную критику в рулнете высказывает и Н. А. Сергунина. «Литературную критику исследователи традиционно рассматривают как звено литературной коммуникативной системы, обращая при этом внимание на то, что критика сориентирована на публичность, поскольку важнейшая ее задача – воздействие на литературную и общественную жизнь, – пишет Н. А. Сергунина. – Иными словами, литературная критика тесно связана с политическими, идеологическими, социокультурными и экономическими процессами, протекающими в обществе. Отсюда та важная роль, которая отводится ей во взаимодействии с художником, с одной стороны, и с аудиторией – с другой» [31, с. 17].

В крымскотатарской литературоведческой науке выбранный нами аспект до настоящего времени не стал объектом монографических исследований. Из работ, лишь так или иначе касающихся отдельных аспектов темы, отметим исследования Э. Шемьи-заде, Ш. С. Алядина, Д. Л. Азизова, А. Фетислямова, И. А. Керимова С. Нагаева, Н. Р. Абдульвапова, Н. С. Сейтягьяева, Ш. Э. Юнусова [35; 4; 32; 17; 26; 1; 29; 36]. **Предметом** исследования является более полное изучение истории становления и формирования крымскотатарской литературной критики. **Объектом** изучения являются литературно-критические статьи, очерки, монографии,

публикации. Цель данной статьи – заполнить существующий пробел в крымскотатарском литературоведении, исследовав историю становления литературной критики, что, в свою очередь, откроет перспективы для анализа структуры критического текста.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Художественные и научные материалы средневековых авторов свидетельствуют о том, что суждения и мысли литературного характера, в соответствии с многовековой традицией классической литературы, выражались в основном в различных (чаще поэтических) жанрах художественных произведений. Так, Низами Гянджеви, утверждая ренессансный гуманизм в противовес средневековому мистицизму, писал: *«Если можно писать правду, зачем расходовать ложь?»* или *«От лживых речей цена слова убавилась, тот же, кто правдив, стал уважаемым»* (Хосрав и Ширин) [11, с. 158]. Абу Наср аль – Фараби, например, выдвигает методологическое положение, важное не только для того времени: *«Поэтическое слово представляет нашему воображению несуществующее – существующим»*. Продолжил эту мысль Абу Али ибн Сина: *«Стихотворение – это слово воображений»* [12, с. 99]. Крупнейший поэт тюркоязычной литературы XV века А. Навои в силу своего художественного гения новаторски освоил и развил литературные традиции, заложил основу художественной прозы. На примере таких научно-критических текстов, как «Маджолис ун-нафоис», «Мухокомат ул-лугатайн», «Рисолаи муаммо», «Тарихи анбиё ва хукамо», «Тарихи мулуки Аджам» и др., А. Навои сумел показать, как можно обогатить традиционный жанр средневековой антологической литературы благодаря объективной оценке творческого материала современных поэтов и писателей.

В средние века литературная критика с присущими ей эстетическими принципами уже показала себя действенной областью литературного творчества, активно влияющей на литературный процесс и жизнь общества. Так, исследователь Н. С. Сейтягъев в диссертационной работе, посвящённой анализу национальной исторической прозы, отмечает, что «уже в XV-XVIII в теоретической мысли на

первый план выдвигается проблема текста, в котором на разных уровнях проявляются авторские начала, ценностная ориентация персонажей, пейзаж, время, пространство и т.д.» [29, с. 120]. Не можем обойти вниманием и труды известного востоковеда И. Ю. Крачковского, так как он обращает внимание на то, что «эта литература интересна в целом, как показатель уровня духовной образованности в одной из мусульманских провинций» [19, с. 656]. Позднее на основе этой работы исследователь истории отечественной культуры О. В. Васильева особо подчеркнёт, что «этот уровень не был низким» [9, с. 42]. С последней четверти XIX в. появляются первые существенные признаки формирования крымскотатарской литературной критики как самостоятельного вида литературного мышления. В газете «Терджиман» публикуются статьи о методологии крымскотатарской литературы и литературной критики, отмечаются отдельные проблемы, анализируются произведения всех жанров. В этом аспекте большой научный интерес представляют работы «патриарха крымскотатарской письменности» (А. Крымский) И. Гаспринского «Вазиятни анълатув» («Объяснение ситуации»), «Шаркъ ве Гъарб» («Восток и Запад»). Представляет интерес и публикация И. Гаспринского в газете «Терджиман» за 7 января 1896 года. Автор, анализируя влияние восточного и западного культурного социума на формирование личности писателей, а также преломление крымских впечатлений в их произведениях, предлагает ориентацию на общественно-социальное значение критики: «Гёрюджи ве битарафана тенкъит гюнеш зиясыдыр, къарангъыйы дефъ этер, адий сёз иле гёрюльмез, сечильмез шейлери ашкяр идер» (*Подстрочный перевод*: «Критика – это всёвидящий, всюдупроникающий свет, сравнимый только со светом солнца; свет прогоняющий тьму, явления, предметы, скрытые тёмной завесой, делает открытыми, гласными» [13]). И. Гаспринский рассматривает критику как новый образ жизни, образ деятельности, при котором иными становятся способы мышления, способы интерпретации художественного текста. Этот закон и был впервые осознан и реализован в начале XX века. Его действие прослеживается в работах А. С. Айвазова, М. Недима, Б. Чобан-заде.

20-е годы XX века ознаменовались в буквальном смысле слова «литературно-критическим бумом». В это время в печати появляются исследования А. Гирайбая

«Къырым эдебиятына бир бакъыш» («Взгляд на крымскотатарскую литературу», 1926) и А. Ляtif-заде «Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ девири акъкъында» («О крымскотатарской литературе новейшего периода», 1927), которые на протяжении нескольких лет изучали творчество крымскотатарских писателей. Согласно мнению А. Ляtif-заде, поэты 20-х разделились на «наших» и «ненаших», а поэзия А. Гирайбая отличается «узконациональным оттенком» [22, с. 34].

С конца 20-х годов литература, её соотношение с философией слова-образа стали предметом осмысления в публицистике. Подобно своему предшественнику И. Гаспринскому, А. С. Айвазов усматривал задачу литературы в том, чтобы по-новому описать мир, а для этого – кардинально обновить художественный язык и средства выражения: «Необходимо дать народу свет высокого знания, чтобы он мог различить истину от лжи, справедливость от насилия, пастуха от мясника, – пишет он. – И этот свет знания исходит не от солнца и луны, но от книг, от школ, от театра, большой инициативы и самопожертвования, от душевных мук и страданий, голосащих подобно стенаниям раненого льва, от света поэзии, являющейся голосом общего бедствия, от света произведений, которые показывают пути развития народов, достигших свободы и благополучия. Более действенного, более разумного служения Родине мы больше не видим» [2, с. 45]. Предметом детального осмысления в работах «Бизде шиир техникасы» («Техника стиха в нашей поэзии», 1926), «Меюс шаирлеримиз» («Наши обиженные поэты», 1928 г.) стали художественные стратегии и приёмы живописной техники в слове крымскотатарских поэтов, концепция человека в творчестве писателей. Автор подвергает резкой, но справедливой критике творчество молодых поэтов, сочиняющих «рифмованную бессмыслицу» («къафиели манасызлыкъ») [2, с. 45]. Тексты А. С. Айвазова изобилуют внутренним диалогом, полемической системой доказательств, посвящениями современникам – известным и малоизвестным писателям. Здесь же кратко излагаются эстетические положения, которые в дальнейшем нашли более широкое развитие в статьях М. Недима, В. Абилева, А. Ляtif-заде.

Авторитетная крымская периодическая печать «Енъи дюнъя» («Новый мир»), «Янъы Чолпан» («Новая Венера»), «Илери» («Вперёд») публикует аналитические

статьи М. Недима, посвящённые театральной хронике, тенденциям развития крымскотатарской драматургии: «Янъы бир адым» («Новый шаг», 1924 г., июнь 2), «Ненкеджан-ханым» (1926 г., октябрь 26), «Мусульман бюросы» («Мусульманское бюро» 1926 г., ноябрь 16), «Эки огюзле бир кыыз» («Девушка и два вола», 1927 г., февраль 15), а также литературному переводу «Эдебий терджимеджилик хакъкында бир къач сёз» («Несколько слов о литературном переводе», 1928), «Эдебий тилимизде къулланылгъан араб сёзлерининъ имлясы» («Правописание арабских слов, используемых в литературном языке») [27].

Важно отметить, что развитие литературно-критической мысли в конце 20-х и 30-х гг. XX века было резко конфликтным. Характерной чертой и литературы, и критики этого времени становится чувство ответственности за происходящее, ощущение активного участия в историческом процессе, жизни народа. Происходят процессы переосмысления историко-культурного, философского контекстов поэзии, прозы. Литературная критика начинает анализировать в последовательности их появления литературную продукцию своего времени, освещая литературный процесс в соответствии со своим назначением и уже оказывает на этот процесс заметное влияние. «Идейность», «содержательность» – требования, которые предъявляли искусству такие критики, как Б. Чобан-заде, А. Е. Крымский, А. Озенбашлы, Ф. Абдульхай и др. Если в послереволюционный период пользовались терминами «пролетарский реализм», «истинный реализм», «диалектический материализм» и др. (Дж. Гафар «Инкъилябдан сонъра нефис эдебиятта мувафакъиет ве нукъсанларымыз» («Наши успехи и ошибки в послереволюционной литературе», 1927), то в конце 20-х годов вполне осознанно, обоснованно начинают использовать термин «социалистический реализм», а также социально-политическую лексику («красное знамя», «серп и молот», «женщины Востока» и др.). «Поэтические открытия авторов, творивших в этот период, стали закономерным этапом развития этнонациональной словесности. Эти поиски синтезировались с жизнью народа, с богатым искусством фольклора, с культурой своего времени, – пишет исследователь Ш. Э. Юнусов. – Их творчество наполняло поэзию общечеловеческим содержанием, придавало их образным выражениям злободневный характер, который в творчестве

отдельных поэтов (Б. Чобан-заде, Ш. Бекторе, А. Гирайбай) обогащался традициями классической крымскотатарской лирики. Это оказало влияние на развитие крымскотатарской литературы» [36, с. 50]. К концу 30-х годов как итог достижений литературно-критической науки за минувшие два десятилетия появилось исследование Б. Чобан-заде «Новейший период крымскотатарской литературы» (1928). Работа явилась первым комплексным освещением истории крымскотатарской литературы и кардинальных принципов его поэтики. Размышляя о характере преемственности культурных традиций, исследователь приходит к выводу, что «...начавшаяся с издания газеты «Терджиман» («Переводчик», 1883) новая литература до 1905 года по содержанию, языку и форме пошла за Стамбулом» [34, с. 8]. Подчёркивая своеобразие крымскотатарской советской поэзии, автор акцентирует внимание на том, чтобы талантливые поэты не замыкались в рамках национальных традиций, а учились у восточных и русских авторов умению раскрывать образно-поэтическими средствами своё художественное видение мира. Отмечая близость современной поэзии фольклору, Б. Чобан-заде пишет, что: 1) некоторые поэты, подражая народным песням, копируют отдельные элементы, приёмы, поэтические формы фольклора. Однако, используя форму фольклора, поэт идёт по линии копирования; 2) незнание жизни мешает успешному овладению наиболее важными поэтическими жанрами, дальнейшее развитие которых позволит рассматривать современную крымскотатарскую поэзию в едином контексте советской литературы; 3) время, нужды нового общества требуют от художника более совершенной и действенно-эффективной формы, которой в национальной литературе закономерно станет пьеса, рассказ, роман, ибо проза требует аналитического чтения, психологического анализа; 4) крымскотатарские писатели отдают предпочтение не восточной, а западной литературе. Наблюдается интерес к русской литературе, литературным образам» [34, с. 103].

Б. Чобан-заде сопоставляет творчество крымскотатарских поэтов с поэзией мастеров из таких «тюрко-татарских республик, как Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Дагестан. Любопытно, – комментирует далее исследователь, – что у всех этих поэтов мы наблюдаем следующие характерные черты: 1) с точки зрения

языка и техники они не сумели полностью отойти от языка и стиля народной литературы. Лишь порой они прибегают к абстрактным, общим выражениям; 2) они пишут поэмы, т.к. проза требует анализа и психологического подхода. Очень мало среди них пишущих романы, рассказы, пьесы; 3) все они полны восторженного рвения и вдохновения: они не замечают недостатков жизни, а видят только обнадеживающие положительные стороны её, и потому, какую бы печальную сторону нашей жизни они ни описывали, стихи их всегда заканчиваются романтической надеждой на счастье; 4) у них заметно больше тяготения к западной литературе, нежели к восточным поэтам. Некоторые же установили контакты с современными русскими писателями» [34, с. 29]. Представленные материалы говорят о том, что в работе использован компаративистский опыт в изучении вопроса о художественной традиции в литературе тюркских народов. Автор сравнивает восприятие действительности разными поэтами и прозаиками (З. Джавтобели и К. Джаманаклы; Э. Шемьи-заде и М. Нузет; У. Ипчи и А. Одабаш; Дж. Гафар и Дж. Сейдамет; Танабайлы; А. Ляtif-заде) и намечает дальнейшие пути развития методологии применительно к творчеству молодых поэтов и писателей.

В более поздней работе «Къырымтатар эдебиятында къурултайджылыкъ ве миллетчилик» («Курултайщина и национализм в крымскотатарской литературе») Б. Чобан-заде сосредоточивает внимание на «литературном национализме». Предметом осмысления становятся художественные стратегии и приёмы «второстепенных поэтов» А. Гирайбая, Ш. Бекторе и др., писателей, творчеству которых были присущи черты «пессимизма, смерти, угасания, неприятия революции». Согласно мнению исследователя Ш. Юнусова, «если в своём очерке «Новейший период крымскотатарской литературы» Б. Чобан-заде предстаёт перед нами как зрелый учёный-литературовед, то в статье «Къырымтатар эдебиятында къурултайджылыкъ ве миллетчилик» («Курултайщина и национализм в крымскотатарской литературе») трезвый подход изменяет автору. Объективности ради надо отметить, что эта работа была результатом политических нападков на учёного тех, кто безоглядно склонялся к приёмам вульгарного социологизма, рождённого государственными силовыми методами [36, с. 10]. Среди множества

статей и публикаций, посвящённых анализу национальной литературы, лидирующее положение занимает работа А. Е. Крымского «Литература крымских татар» (1930).

Автор немало внимания уделяет анализу творчества как писателей старшего поколения, так и мастеров слова послереволюционного периода. Отмечая достаточно широкий тематический и образный диапазон творчества У. Ипчи, называет его «многосторонним автором», «красным бардом». Анализируя творчество поэта А. Ляtif-заде, называет его «интимным поэтом – гедоником, воспевающим индивидуальные радости жизни». В новых исторических условиях XX века поэзия Б. Чобан-заде, З. Джавтобели, К. Джаманаклы, согласно мнению А. Е. Крымского, отражает весь комплекс душевных переживаний людей, связанный с проникновением в сферу повседневности новых знаний, естественнонаучных открытий [20, с. 67]. А. Е. Крымский подчёркивает, что поэтическая практика таких поэтов, как Ш. Бекторе, У. Ипчи, К. Джаманаклы, А. Ляtif-заде, представляет множество вариантов посвящений, приветствий, запечатлевших имена исторических деятелей, событий (У. Ипчи: *«Ленин не умрёт: Ибо осталась железная коммунистическая партия»*, (1924); К. Джаманаклы: *«Сущность его – благодеяние, В душе он – ленинец, Юноша-комсомолец бесстрашен, как лев!»*, 1925 и т.д.).

Особо следует отметить, что становление крымскотатарской литературной критики не проходило без трудностей, ошибок и заблуждений. С именем представителя пролеткульта Д. Сейдамета литературоведы связывают тот факт, что «писатель Джемиль Сейдамет, поддавшись влиянию вульгарного социологизма, в целом ряде статей излагал ошибочные взгляды на творчество писателей, поэтов, начавших творить до октябрьской революции». Например, в работе «Взгляд на литературу» («Эдебият саамызгъа бир назар») Д. Сейдамет выделяет в крымскотатарской литературе такие течения, как «джигитизм», «буржуазная литература периода голода» («ачлыкъ деври буржуазия эдебияты») и «деревенские поэты» («койлю шаирлер»). Автор статьи подчёркивает, что «этими течениями не исчерпываются все возможные и другие». Называя Б. Чобан-заде «символистом», а его очерк «Новейший период крымскотатарской литературы» («Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ деври») – «карикатурой, лишённой научного подхода»,

Дж. Сейдамет высказывает методологически ценные мысли о зависимости развития литературы от «движения времени» [36, с. 14]. Отметим, что форма обобщения эстетических положений искусства в статьях, монографиях отдельных исследователей была довольно провокативной, нетрадиционной, воплощением жеста, поведенческого акта. В первую очередь это явление бросается в глаза в монографии А. Фетислямова «Эдебий тилимизнинь шекилленювинде шаир ве ызыджыларымызнынъ ролю» («Роль поэтов и писателей в формировании литературного языка», 1986), в которой представлено литературное творчество поэтов, творивших в первой трети XX столетия. Исследователь обнаруживает различные грани взаимодействия поэзии и живописи в творчестве У. Ипчи, К. Джаманаклы, З. Джавтобели и др. Подробно исследует этапы становления У. Ипчи как поэта, драматурга и приходит к выводу, что «лишь Умер Ипчи близок к норме крымскотатарского литературного языка» [32, с. 129].

В ряду источников становления литературно-критического наследия, позволяющих говорить о «контактных» связях, немаловажное значение имеют переводы на крымскотатарский язык отдельных трудов и статей В. Г. Белинского, Л. Н. Толстого, А. В. Луначарского, М. Горького, А. Фадеева и др. Их работы переводились, цитировались, входили в круг чтения и обсуждались. К началу 60-х годов относится одна из первых попыток теоретического осмысления проблем крымскотатарской фольклористики, предпринятая исследователем Р. И. Музафаровым. Многие положения, изложенные им в диссертационной работе «Очерки фольклора тюрков», не потеряли значения до настоящего времени. Таковы, в частности, заключения автора о соотношении истории и эпики, характера отражения реальной действительности в эпических памятниках, роли традиции в этом процессе, сказителя в эпическом творчестве. Р. Музафарову принадлежит одна из первых попыток систематизации жанров крымскотатарского фольклора. В работе рассматриваются русско-татарские фольклорные связи. Так, исследователь пишет: «Общность сказочного творчества обоих народов заметна и в области поэтики. Так, например, общими для русских и татарских сказок являются чудесные предметы:

молодые яблоки, ковёр-самолёт, волшебное кольцо, скатерть-самобранка и другие» [24, с. 19].

Из литературно-критических произведений, созданных в последней трети XX столетия, следует назвать работы известного крымскотатарского поэта, критика Э.Шемьи-заде «Омюр ве яратыджылык», («Жизнь и творчество», 1974), «Халкъ хызметинде» («На службе народу», 1977).

Знаменательным событием стало издание в 2000 году книги «Эдебий ве тенкъидий макъалелер» («Литературно-критические статьи», 2000), явившейся в определённой степени обобщением критического опыта Э. Шемьи-заде. В книге представлен анализ принципов построения образной системы газелей, кытъя, муамма, ферд, месневи и т.д. средневекового поэта Ашыка Умера, определена внутренняя динамика, эстетическая ценность лирических жанров. Отдельный раздел книги посвящён творчеству писателя конца XIX – начала XX столетия Мемета Нузета. Автор отмечает, что «реалистическая проза М. Нузета в большинстве своём представляла небольшие по объёму рассказы, стихотворения в прозе с ярко выраженной экзистенциальной проблематикой, исследованием нравственных, психических проявлений личности» [35, с. 37]. В главе, посвящённой творчеству Г. Токая, автор отмечает, что существенное влияние на развитие татарской поэзии оказал критический реализм, который по своей социальной основе был ближе к новому творческому методу. Виднейшими представителями ведущего направления татарской дореволюционной литературы были Г. Токай, М. Гафури, Ф. Амирхан и др. Их поэтическая практика по художественному уровню, проблематике, гуманистическому пафосу отвечала почти всем основным типологическим принципам реализма [35, с. 80].

Важно отметить, что литературно-критические статьи Э. Шемьи-заде представляют собой интерпретацию-полемику с предшественниками (М. Нузет, Г. Токай) и современниками (Ш. Селимов, С. Нагаев). Фактически на полемике построена статья «Яш къалем аркъадашларымызнынъ ширий яратыджылыклары акъкъында» («О поэтическом творчестве наших молодых мастеров пера»). Анализируя творчество Дж. Меджитовой, Э. Селямета, Ю. Темиркая и др. поэтов,

критик раскрывает как творческую индивидуальность каждого из них, так и общие тенденции развития литературы [35, с. 177]. Благодаря полемике с С. Нагаевым, Ш. Селимовым о стилистических ошибках и небрежности синтаксиса молодого поэта И. Абдурамана, преодолевается самозамкнутость единичной критической рефлексии, мнение критика о факте литературы вступает во взаимодействие с суждениями предшественников и современников (Черкез-Али, Р. Халид, Б. Мамбет, Ш. Алиев) и оказывается одним из них в многоголосье культуры.

В 1970-е – 1980-е годы выходит ряд исследований о фольклорно-литературном синтезе, жанре романа в системе эпических форм крымскотатарской прозы, творческой позиции писателя в свете изучения литературных связей [3; 4 26; 30]. Перечисляя наиболее значительные достижения, назовём здесь книги исследователя С. Нагаева «Яшлыкькъа хас дуйгьунен» («С юным задором», 1979), «Йылнамелердеки излер» («Следы в истории», 1979), «Роман ве заман» («Роман и время», 1980). Так, в работе «Яшлыкькъа хас дуйгьунен» автор, отмечая, что «в 70-е годы в крымскотатарской литературе изображению нравственных основ бытия стало уделяться значительно больше внимания, подчёркивает, что «подлинной идейной глубины многим произведениям не хватает» [26, с. 63].

Особого внимания заслуживает концепция С. Нагаева о влиянии фольклора на становление прозаических жанров. Так, в работе «Роман ве заман» С. Нагаев подчёркивает: «Меракълы ери шунда ки, халкъ агъыз яратыджылыгъындаки бир чокъ манелер, чынълар ве йырлар сонъунда эртеге ве дестанларныц догъургъан олса, язма эдебияттаки шиирлер, икяелер, повестьлер сонъунда несирнинъ буюк шекили – роман жанрынынъ инкишафына хызмет эттилер» (*Подстрочный перевод: «Интересно, что именно эпические поэмы, народные лирические песни с помощью средств эстетической выразительности, присущей национальному, в данном случае крымскотатарскому языку, отражают состояние души, мир переживаний героя. В них веками сложились средства психологизма, от которых и тянется нить преемственности к психологизму литературной прозы»*) [26, с. 9]. Отмечая обновление жанрово-стилевой природы романа, С. Нагаев пишет, что «жанровый костяк» (по М. Бахтину) крымскотатарского романа (и, думается, не только

крымскотатарского) «ещё не затвердел», «это – вечно ищущий, вечно исследующий себя самого и пересматривающий все свои сложившиеся формы жанр» [26, с. 68]. Творческое развитие Ю. Болат, Р. Мурада, Ш. Алядина связано в этот период (1970–1980-е гг.) с углублением видения мира, поисками новых тем, которые отражают становление мировоззрения писателей-романистов, созвучного советской эпохе: «Мезкюр девирнинъ эдебияты, хусусан онынъ буюк шекили омюр акъикъатыны акс эттирювни теренлештирмеге тырышты. Несирде реализм къуветлешти, халкъ ве эдебият, яzydжы ве реаль барлыкъ арасындаки алякъа пейда олды» (*Подстрочный перевод*: «Хотя крымскотатарская проза формировалась в традиционных эпических жанрах, характеризовалась стремлением к реализму, в глубине её шёл сложный процесс взаимовлияний различных жанровых и стилевых начал») [26, с. 62].

С. Нагаев указывает на присущую почти всем произведениям 1970-х годов «заданность темы»: «Етмишинджи сенелери роман жанрынынъ талапларына толу джевап бермеген эсерлер пейда олды. Къараман проблемасы раманнынъ эсас чизгиси олып къалмакъта. Романларымыздаки зыддиетлер джиддий дегиль, фикир чатышмалары зайыф. Базы ерлерде исе сюжет бирлигине риает этильмей» (*Подстрочный перевод*: «Серьёзным недостатком многих романов является мелкотемье, заданность темы. Писатели зачастую заняты конструированием псевдожизненных коллизий и подгонкой их под решение заранее поставленной проблемы. Теперь уже всем очевидна антихудожественность подобного подхода к творчеству») [26, с. 67–68]. Рассматривая взаимодействие жанров, исследователь отмечает тяготение современной повести к роману (например, повести Дж. Гафара «Азманлар» («Трутни»), Ш. Алядина «Иблисининъ зияфетине давет» («Приглашение на пир к дьяволу»), эпизацию и других жанров прозы» [26, с. 63]. Представляет интерес и раздел исследования «Жанрынъ пишкинлешюви» («Зрелость жанра»), в котором осуществлён компаративистский опыт в изучении вопроса о крымскотатарской художественной традиции в прозе Рустем Али, Черкез Али, С. Эмина, Э. Амида. С. Нагаев сравнивает развитие национальных романских форм в системе жанров во взаимосвязи и взаимодействии с другими формами прозы.

С начала 80-х годов крымскотатарская литературная критика становится более действенной и главное – профессиональной. В работах «Юксек хызмет» («Высокая служба»), «Намус ве видждан иши» («Дело чести и совести»), «Къызыл чабакъ» («Красная заря») внимание Ш. Алядина концентрируется вокруг «стилевой пестроты» творческого процесса 80-х годов, качественных изменений в новой лирике, выражающихся в бесконечном обогащении форм лирической поэзии. В статье «Къызыл чабакъ» («Красная заря», 1983) речь идёт о характере творчества поэта Э. Шемьи-заде, об особенностях психологизма, о творческой активности фольклора в поэзии Э. Шемьи-заде. По убеждению автора, отдельные поэтические тексты Э. Шемьи-заде демонстрируют обилие сравнений, перифразов. Таким представляется уподобление человеческой жизни водопаду Учан-Сув в стихотворении «Арзу», где дано философское осмысление быстротечности жизни. Неоднократно отмечается яркая художественная система поэта, открытая для диалога с другими культурами, её сильная связь с русской классикой – А. Пушкиным, С. Есениным, В. Маяковским: *«Шунынъчюн табиат ашыкъы – Пушкиндай, Аюв-Дагъ къырында джырламакъ истеймен»* (Подстрочный перевод: «Я как Пушкин, в природу влюблённый, мечтаю воспеть красоту Аюв-Дага») [35, с. 11]. В работе «Эвеля бедий къабилиет» («Прежде всего художественный талант») автор, полемизируя с требованиями “полезности” критики в толковании проблем литературы и искусства, подчёркивает, что довоенная литературная критика страдала описательством, пересказом, заменяющим анализ художественного произведения: *«Дженктен эвельки тенкъидий макъалелернинъ эксериси назарий джеэттен заиф, дженктен сонъ газетамызда сийрек-серпек пейда олгъан макъалелерде исе эсерлер сыдыргъы макътанылмакъта. Яхшы олсун, яман олсун – фаркъы ёкъ. Бизде профессиональ тенкъидчи ёкъ. Бу яхшы ал дегиль. Лякин керек олса, эр бир акъыкъий яzydжы акъыкъий тенкъидчи ола биле. О себептен, яzydжыларымыз озъ меслекдашларынынъ эсерлери хусусында озълерининъ адалетли фикирлерини язып турмакъ керек деп биллем. Бойле, амелиятнынъ профессиональ тенкъидчи хызметинден семерели экени эпимизге малюм»* – дей яzydжы (Подстрочный перевод: «Несмотря на сложившуюся фактоистическую базу, современная

литературная продукция с точки зрения критики не исследована, у нас нет профессиональных критиков. Разработка теоретических проблем облегчит процесс развития и усвоения творческого опыта виднейших писателей, критиков молодым поколением. Современная критика должна изжить тенденции оправдания слабости художественных произведений актуальностью темы и новизной жизненного материала») [4, с. 125]. Перечисляя наиболее значительные достижения, назовём здесь книгу исследователя С. Арифова «Юрек давушы» («Голос сердца», 1987), включающую как аналитические статьи, так и воспоминания о писателях их современников. Предметом детального осмысления стали художественные стратегии и приёмы в творчестве Э. Амита, Э. Умерова, Черкез-Али, Р. Фазыла и Л. Софу, А. Ислямова и др.

90-е годы ознаменовались активным изданием и переизданием художественных, литературно-критических текстов, мемуаров и т. д. Именно в это время переиздаются на крымскотатарском и русском языках книги И. Гаспринского, Б. Чобан-заде, А. С. Айвазова, А. Герайбая, А. Озенбашлы, А. Ляtif-заде, Ш. Бекторе, Э. Шемьизаде, Ш. Алядина, К. Джаманаклы и др.

Возвращаясь к публикациям, касающимся истории становления литературной критики, нельзя не отметить исследования Д. Л. Азизова. В статье «Бедий талиль принципери Назарие меселелери» («Принципы художественного анализа. Теоретические вопросы», 1990) отразились некоторые аспекты полемики 90-х годов о принципах, методике комплексного анализа художественного произведения. Важным для сегодняшней науки являются размышления автора о теоретико-методологическом аспекте исследования истории психологического романа и, в частности, такой его жанровой разновидности, как «роман-состояние», в котором происходит последовательное перемещение внимания с внешнего мира на внутренний мир, в сферу сознания и подсознания. «Этот жанр способствовал углублению психологизма, многомерности искусства изображения внутренней жизни человека в его обусловленности с социально-историческими факторами, – пишет учёный. – Уже в первых образцах психологический роман, благодаря особому положению в его структуре образа автора-повествователя – героя рассказчика, т.е.

благодаря субъективизированной повествовательной конструкции, объективно содействовал синтезу национально-фольклорных поэтических и повествовательных традиций с традициями русской и западноевропейской литератур [3, с. 122–126].

Показательно, что именно в конце 90-годов XX века стало активно осмысливаться литературно-критическое творчество И. Гаспринского, А. С. Айвазова, Б. Чобан-заде, А. Озенбашлы и др. Свидетельство тому – множество статей и монографий об этом движении. Среди них лидирующее положение занимают работы И. А. Керимова, Н. Р. Абдульвапова, Н. С. Сеитягьяева, Ш. Э. Юнусова, А. А. Джемилевой, Т. Б. Усеинова и др. Важным этапом стало появление исследований И. А. Керимова «Медений эснас: 1920–1938 сс.» («Культурное достояние», 1997), «Теренлик»: Эдебий библиографик очерк» («Глубина»: Литературно-библиографический очерк, 1988), «XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башында къырымтатар бедий сёзюнинъ эврими» («Эволюция художественного слова», 1998). Автор предлагает обширный историко-публицистический фон событий конца XIX – начала XX вв., раскрывая особенности развития крымскотатарской прозы, поэзии; в монографии также сделан акцент на гуманистическом звучании творчества А. Герайбая, У. Ипчи, А. Ильмий, Дж. Сейдамета и др. Так, автор пишет: «Введение в художественную литературу новых, ранее не встречавшихся форм или изобразительных средств считалось творческим подвигом. Кроме того, совершенствование, обновление существовавших, традиционных форм или изобразительных средств также имело огромное значение для развития литературы» [17, с. 118]. В начале XXI века крымскотатарскому читателю и исследователю становятся доступными не только архивные первоисточники, биографические и художественные материалы, но и сохранившийся до этого времени в фондах библиотек Турции, Германии, Швейцарии солидный опыт изучения литературно-критического наследия. В 2001 году в печати появляется и книга Р. Фазыла, С. Нагаева, которые на протяжении многих лет изучали творчество писателей, «Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы» («История крымскотатарской литературы», 2001). Книга традиционно представляет взору читателя краткий биографический материал, подкреплённый ограниченным в объёме

текстологическим материалом. Следует отметить, что авторы ограничили и себя, и читателя исключительно рамками фактического, событийного ряда, исключая из своей сферы интерпретацию творчества писателей.

Новое прочтение И. Гаспринского, истолкование его критических суждений сквозь призму мировой критики представляют работы И. Паши «Эпик жанр ве земане аят» («Эпический жанр и современная жизнь», 2002), Б. Мамбета «Шириет дюньясына ынтыламыз биз» («Наше стремление в мир поэзии», 2002), Ш. Селима «Къырымтатар эдебиятышынаслыгъы: шимдики вазияти ве келеджеги» («Крымскотатарское литературоведение: настоящее состояние и будущее», 2003). Так, Ш. Селим, отмечая различные проявления лженауки, порождённые сложностями развития и отсутствия идейно выверенных критериев оценки научных и художественных произведений, стремится придать содержательное значение наблюдениям И. Гаспринского о роли концепции трёх составляющих критики: научного («тенкъидат-ы ильмие»), исторического («тенкъидат-ы тарихие»), литературного («тенкъидат-ы эдебие») [30, с. 41]. Особо следует отметить, что диалогичность литературно-критической статьи Ш. Селима позволяет создать различные ситуации. Во-первых, читатель наделяется маской молчаливого собеседника – собирательного читателя, диалог с ним уподобляется монологической речи с вкраплениями стилизованных фигур («эмоциональная напряжённость, образный гиперболизм, динамизм, тяготение к контрастам, употребление разнообразных повторов» и т.д.). Присутствие читателя осуществляется введением цитат, цель которых – отразить эмотивное (М. Бахтин) состояние автора статьи. Согласно мнению М. М. Бахтина, «в статье, где приводятся чужие высказывания по данному вопросу различных авторов, одни для опровержения, другие – наоборот, для подтверждения и дополнения, перед нами случай диалогического взаимоотношения между значимыми словами в пределах одного контекста. Отношения согласия-несогласия, утверждения-дополнения, вопроса-ответа и т.п. чисто диалогические отношения, притом, конечно, не между словами, предложениями или иными элементами одного высказывания, а между целыми высказываниями» [7, с. 218]. Во-вторых, «двух лиц беседующих» как равных: «...Если вы, мой читатель, вместе со

мною внимательно просмотрите книги, учебники по истории крымскотатарской литературы, увидевшие свет в последние годы»... или «Конечно, наш брат Тимур ещё молод... » [30, с. 6–7]. Такие явления были характерны для литературной критики начала XXI в., так как выбор точки зрения моделируемого читателя был не менее значим, чем выбор текста для анализа и часто связывался с временными конфликтами и отношениями.

В настоящее время наметилась тенденция широкого изучения литературно-критического наследия в контексте европейского, о чём свидетельствуют симпозиумы, конференции, коллективные сборники. Суждения и мысли критического характера мы наблюдаем в работах исследователей И. А. Керимова, Н. Р. Абдульвапова, Ш. Э. Юнусова, А. А. Джемилевой, Н. К. Эмирусейновой, а также современных писателей: И. Абдурамана, А. Велиева, У. Эдемовой и др. Однако литературная критика с присущими ей идейно-эстетическими принципами не показывает себя действенной областью литературного творчества, активно влияющей на литературный процесс и жизнь общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье на материале критических статей о литературных явлениях эпохи представлены история становления, основные идейные направления в литературно-критической мысли. Перспективным направлением дальнейшего исследования является анализ социокультурных аспектов, а также коммуникативно-рецептивных факторов современной модели крымскотатарской литературной критики.

Список литературы

1. Абдульвапов, Н. Р. Суфизм и крымская поэзия дивана [Текст] / Н. Р. Абдульвапов // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского Том 26 (65). ч. 1 Филология. Социальные коммуникации. – 2013. – №1. – С. 231–240.
2. Айвазов, А. С. Бизде шиир техникасы [Текст] / А. С. Айвазов // Илери. – 1926. – №4. – С. 44–47.
3. Азизов, Д. Л. Бедий талиль принципери [Текст] / Д. Л. Азизов // Йылдыз. – 1990. – №2. – С. 122–126.

4. Алядин, Ш. С. Къзыл чабакъ [Текст] / Ш. С. Алядин // Ылдыз. 1986. – №1. – С. 120–26.
5. Барт, Р. Удовольствие от текста [Текст] / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 462–516.
6. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
7. Бахтин, М. М. Проблемы речевых жанров [Текст] / Бахтин М. М. – Собр. соч.: В VII т. – Т. V. – М., 1996. – С. 159–287.
8. Брюховецкий, В. С. Специфика и функции литературно-критической деятельности [Текст] / В. С. Брюховецкий, 1986.
9. Васильева, О. В. Крымскотатарские рукописные материалы в Отделе рукописей [Текст] / О. В. Васильева // Восточный сборник. 1993. – №5. – С. 42.
10. Гадамер, Х. - Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст] / Х. - Г. Гадамер. – М., 1998.
11. Гаджиев, А. А. О своеобразии восточного ренессансного движения [Текст] / А. А. Гаджиев / Фольклор, литература и история: Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, Изд-во "ФАН" Узбекской ССР. 1984. – С. 155–161.
12. Ганиева, С. Основные принципы изучения прозы Навои [Текст] / С. Ганиева // Фольклор, литература и история: Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, Изд-во "ФАН" Узбекской ССР. – 1984. – С. 98–101.
13. Гаспринский, И. Россия и Восток [Текст] / И. Гаспринский. Отв. за выпуск Р. Багаутдинов. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. – 132 с.
14. Громяк, Р. История украинской литературной критики (от начала до конца XIX ст) [Текст] / Р. Громяк. – Тернополь, 1999.
15. Елина, Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства: номинативно-коммуникативный аспект [Текст]: Монография / Е. А. Елина. – Саратов, 2002. – 256 с.
16. Изер, В. Процесс чтения, феноменологическое сближение. Антология мировой литературно-критической мысли XXст. [Текст] / В. Изер. – Львов, 2002. – С. 349–368.
17. Керимов, И. А. Теренлик [Текст] / И. А. Керимов. – Т., Изд.им. Г. Гуляма, 1988. – 144 с.
18. Кормилов, С. И. Нерешённые проблемы современного литературоведения [Текст] / С. И. Кормилов // Вестник МГУ. – 2001. – №6. – С. 349–368.
19. Крачковский, И. Ю. Отчёт о командировке в Крым летом 1924г. [Текст] / И. Ю. Крачковский // Известия АН. – 1924. – Сер.6. – Т.18. – Ч.2. – №18. – С. 662–670.
20. Крымский, А. Е. Литература крымских татар [Текст] / А. Е. Крымский. – Доля. Симферополь, 2003. – 200 с.
21. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман – М., 1970.
22. Лятиф-заде, А. Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ деври акъкъында [Текст] / А. Лятиф-заде // Илери. – 1927. – №4–5. – С. 29–44.
23. Маркова, Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл [Текст] / В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин. – Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2003. – 268 с.
24. Музаффаров, Р. И. Очерки фольклора тюрок [Текст]: Автореф. дисс. на соискание учёной ст. докт. филол. наук. / Р. И. Музаффаров. – Мелекский государственный пединститут, 1965. – 44 с.
25. Муромский, В. П. Русская советская литературная критика. Вопросы теории, истории, методологии [Текст] / В. П. Муромский. – Л., 1985. – 148 с.
26. Нагаев, С. Ыылнамелердеки излер Къырымтатар эдебияты акъкъында этюдлар [Текст] / С. Нагаев. – Ташкент: Изд.им.Г. Гуляма. – 1991. – 304 с.
27. Недим, М. Тюрк-татар тили [Текст] / М Недим // Илери. – 1927. – №2. – С. 82–86.

28. Раковская, Н. М. Структура критического текста: диалог позиций [Текст] / Н. М. Раковская // Культура народов Причерноморья. – 2006. – №92. – С. 39–42.
29. Сейтягъев, Н. С. Крымскотатарская историческая проза XV – XVIII вв. [Текст] / Н. С. Сейтягъев. – Монография Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2009. – 204 с.
30. Селим, Ш. Къырымтатар эдебиятынаслыгъы: шимдики вазияти ве келеджеги [Текст] / Ш. Селим // Ылдыз. – 2003. – №3. – С.4–29.
31. Сергунина, Н. А. Литературная критика в руинете как звено коммуникативной системы: автор – текст – аудитория (теория вопроса) [Текст]: Дисс. канд. филол. наук: 10.01.10. / Н. А. Сергунина. – Воронеж, 2006. – 172 с.
32. Фетислямов, А. Эдебий тилимизнинъ шекилленювине шаир ве языджыларымызнынъ ролю [Текст] / А. Фетислямов // Ылдыз. – 1986. – №5. – С. 126–129.
33. Хрусталёва А. В. Методы русской литературной критики первой трети XX века [Текст] : Автореферат дисс. докт. филол. наук: 10.01.01. / А. В. Хрусталёва. – Саратов, 2018. – 45 с.
34. Чобан-заде, Б. Новейший период крымскотатарской литературы [Текст] / Б. Чобан-заде. – Симферополь, 1928. – 102 с.
35. Шемъи-заде, Э. Омюр ве яратыджылыкъ [Текст] / Э. Шемъи-заде. – Изд.им.Г.Гуляма. – Ташкент, 1974. – 148 с.
36. Юнусов, Ш. Э. Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века [Текст] / Ш. Э. Юнусов. – Доля: – Симферополь, 2004. – 168 с.

References

1. Abdul'vavov N. R. *Sufizm i krymskaya poeziya divana* [Sufism and Crimean Divan Poetry]. Uchyonye zapiski TNU im. V.I. Vernadskogo, 2013, Tom 26 (65), no 1, pp. 231–240.
2. Ajvazov A. S. *Bizde shiir tekhnikasy* [The Technique of Verse in our Poetry], 1926, no 4, pp. 44–47.
3. Azizov D. L. *Bediij talil' principi* [Principles of Artistic Analysis], 1990, no 2, pp.122–126.
4. Alyadin SH. S. *K"yzyl chabak"* [Red Dawn]. Jyldyz, 1986, no 1, pp.120–126.
5. Bart R. *Udovol'stvie ot teksta* [The Pleasure of the Text]. R. Bart. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika, 1994, pp.462–516.
6. Bahtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and Critical Articles]. Hudozhestvennaya literature, 1986, 543 p.
7. Bahtin M. M. *Problemy rechevyh zhanrov* [Problems of Speech Genres]. 1996, pp. 159–287.
8. Bryuhoveckij V. S. *Specifika i funkcii literaturno-kriticheskoy deyatel'nosti* [The Specifics and Functions of Literary-Critical Activity] 1986.
9. Vasil'eva O. V. *Krymskotatarskie rukopisnye materialy v Otdel rukopisej* [Crimean Tatar Handwritten Materials in the Department of Manuscripts]. Vostochnyj sbornik, 1993, no 5, p. 42.
10. Gadamer H. – G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics], 1998.
11. Gadzhiev A. A. *O svoeobrazii vostochnogo renessansnogo dvizheniya* [About the Peculiarity of the Eastern Renaissance Movement]/A. A. Gadzhiev / *Fol'klor, literatura i istoriya: Materialy III Vsesoyuznoj tyurkologicheskoy konferencii* [Folklore, Literature and History: Materials of the III All-Union Turkological Conference]. 1984, pp. 155–161.
12. Ganieva S. *Osnovnye principy izucheniya prozy Navoi* [Basic Principles of Studying Navoi Prose] /S. Ganieva /*Fol'klor, literatura i istoriya: Materialy III Vsesoyuznoj tyurkologicheskoy konferencii*. [Folklore, Literature and History: Materials of the III All-Union Turkological Conference]. 1984, pp. 98–101.

13. Gasprinskij I. *Rossiya i Vostok* [Russia and the East]. 1993, 132 p.
14. Gromyak R. *Istoriya ukrainskoj literaturnoj kritiki (ot nachala do konca XIX st)* [The History of Ukrainian Literary Criticism (From the Beginning to the End of the XIX century)], 1999.
15. Elina E. A. *Verbal'nye interpretacii proizvedenij izobrazitel'nogo iskusstva: nominativno-kommunikativnyj aspekt* [Verbal Interpretations of Works of Fine Art: Nominative-Communicative Aspect] Monografiya. Saratov, 2002, 256 p.
16. Izer V. *Process chitaniya, fenomenologicheskoe sblizhenie // Antologiya mirovoj literaturno-kriticheskoy mysli XXst.* [The Process of Reading, Phenomenological Convergence // Anthology of World Literary and Critical Thought XXst.]. L'vov, 2002, pp. 349 – 368.
17. Kerimov I. A. *Terenlik* [Depth], 1988, 144 p.
18. Kormilov S. I. *Nereshyonnye problemy sovremennogo literaturovedeniya* [Unsolved Problems of Modern Literary Criticism]. Vestnik MGU, 2001, no 6, pp. 349–368.
19. Krachkovskij I. YU. *Otchyot o komandirovke v Krym letom 1924g.* [Report on a Business Trip to Crimea in the Summer]. Izvestiya, 1924, no 18, pp. 662–670.
20. Krymskij A. E. *Literatura krymskih tatar* [Literature of the Crimean Tatars]. Simferopol, 2003, 200 p.
21. Lotman YU. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta.* [The Structure of a Literary Text], 1970.
22. Lyatif-zade A. *Kyrymtatar edebiyatynyn son devri akkynda* [About the Literature of Modern Times]. 1927, no 4–5, pp. 29–44.
23. Markova T. N. *Sovremennaya proza: konstrukciya i smysl* [Modern Prose: Construction and Meaning] (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin): Monografiya, 2003, 268 p.
24. Muzaffarov R. I. *Ocherki fol'klora tyurkov* [Essays on Turkic Folklore]. Avtoreferat diss. na soiskanie uchyonoy stepeni dokt. filol. Nauk. 1965, 44 p.
25. Muromskij V. P. *Russkaya sovetskaya literaturnaya kritika. Voprosy teorii, istorii, metodologii* [Russian Soviet literary Criticism. Questions of Theory, History, Methodology.]. 1985, 148 p.
26. Nagaev S. *Jylnamelerdeki izler Kyrymtatar edebiyaty akkynda etyudlar* [Traces in History. Sketches about Crimean Tatar Literature]. Tashkent, 1991, 304 p.
27. Nedim M. *Tyurk-tatar tili* [The Turkic-Tatar Language]. 1927, no 2, pp. 82–86.
28. Rakovskaya N. M. *Struktura kriticheskogo teksta:* [The Structure of the Critical Text: a Dialogue of Positions]. Kul'tura narodov Prichernomor'ya, 2006, no 92, pp. 39–42.
29. Sejtyag"yaev N. S. *Krymskotatarskaya istoricheskaya proza* [Crimean Tatar Historical Prose XV - XVIII centuries]. Simferopol, 2009, 204 p.
30. Selim SH. *Kyrymtatar edebiyatshynaslygy: shimdiki vazieti ve keledzhegi* [Crimean Tatar Literary Studies: Current State and Future]. Jyldyz, 2003, no 3, pp. 4–29.
31. Sergunina N. A. *Literaturnaya kritika v rulinete kak zveno kommunikativnoj sistemy: avtor – tekst – auditoriya (teoriya voprosa)* [Literary Criticism in the Rulinet as a Link of the Communicative System: Author – Text – Audience Theory of the Question]. Voronezh, 2006.
32. Fetislyamov A. *Edebij tilimiznin shekillenyuvine shair ve yazydzhylarymyznyn rolyu* [The Role of Poets and Writers in the Formation of the Literary Language]. Jyldyz, 1986, no 5, pp. 126–129.
33. Hrustalyova A. V. *Metody russkoj literaturnoj kritiki pervoj treti XX veka* [Methods of Russian Literary Criticism of the First Third of the Twentieth Century]. Saratov, 2018.
34. CHoban-zade B. *Novejsij period krymskotatarskoj literatury* [The Newest Period of Crimean Tatar Literature], Simferopol, 1928, 102 p.
35. SHem'i-zade E. *Omyur ve yaratydzhylyk* [Life and Work]. Tashkent, 1974, p. 148.
36. YUnusov SH. E. *Krymskotatarskaya poeziya 20-h godov XX veka* [Crimean Tatar Poetry of the 20s of the Twentieth Century], Simferopol, 2004, 168 p.

THE HISTORY OF THE FORMATION OF CRIMEAN TATAR LITERARY CRITICISM

Seferova F. A.

This article examines the history of the formation of Crimean Tatar literary criticism. The first essential signs of the formation of criticism as an independent type of literary thinking, stages of development, ideological and aesthetic principles are analyzed. It is established that the specificity of Crimean Tatar literary criticism is determined, first of all, by the process of cultural development, the originality of national literature; it is characterized by mental processes, special forms of understanding the world, means of communication. It should be particularly noted that in the Turkic literature of the Middle Ages, judgments and thoughts of a critical nature in accordance with the tradition of classical literature were expressed more often in poetic genres of works of art.

An analytical reading of the works of E. Shemy-zadeh, Sh. Alyadin allows us to see in them through the rhetoric of sociological representations of the Soviet era a reflection of the further development of Crimean Tatar literary criticism. The conceptual part of the literary-critical articles of the literary critic S. Nagaev is a criticism of the theory of "conflict-free", according to which the authors were often busy constructing pseudo-life collisions and fitting them to the solution of a pre-proposed problem. Sh. Selim seeks to give meaningful meaning to the observations of I. Gasprinsky about the role of the concept of three components of criticism: theoretical ("tenk'idat-y ilmie"), historical ("tenk'idat-y tarihiye"), literary ("tenk'idat-y edebie"). Important for today's science are D. L. Azizov's reflections on the theoretical and methodological aspect of the study of the history of the novel and, in particular, such a genre variety as the novel-"state". Observations of D. Azizova on the principles of complex analysis of a special kind of psychological novel, which researchers define as a "novel-state", are waiting for further details and in-depth study.

Keywords: criticism, national specifics, methodology, analysis, novel, aesthetics, poetics.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811

ЖЕНЩИНА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ)

Зубенко Я. В.

*Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова
Костанай, Казахстан;
Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
E-mail: janaz75@rambler.ru*

В статье предпринимается попытка исследования гендерного фактора в языке представительниц женского пола. Цель работы – проанализировать произведения немецкоязычных авторов и выявить основные критерии, определяющие позицию женщины в языке. Материал исследования позволил манифестировать наличие языковых единиц, обозначающих различные сферы присутствия или деятельности женщины (межличностные отношения, профессиональная занятость, религиозная составляющая, сказочная героиня, обладательница титула (звания), владелица какого-либо имущества, уроженка определенного географического места). Образование данных категорий стало возможным в силу грамматической составляющей, а именно суффикса женского рода *-in*, присоединяемого к словам мужского рода. На семантическом уровне главным составляющим элементом стало определение женщины через спецификацию значения лица ‘женский пол’, что в большей мере нашло отражение в языковых единицах, обозначающих родственные связи. Для маркирования женского пола могут также выступать лексемы в качестве полуаффиксов: *-schwester, -frau, -dame, -mutter* и т.д. В языке существует ряд существительных, указывающих на женщину за счет своего этимологического происхождения. На лексикосемантическом уровне возможна спецификация признака пола за счет определенных слов, имеющих семантический признак ‘женский пол’ (например: *die Frau, die Dame, das Mädchen*). Женский язык имеет свои собственные специфические характеристики, ставшие возможными за счет языковых средств, помогающих женщинам сглаживать возможные конфликтные ситуации, усиливать коммуникативную эффективность с целью привлечь к себе внимание, активизировать и стимулировать коммуникацию.

Ключевые слова: гендерология, феминистская лингвистика, языковая единица, номинация, мовирование, женский язык.

ВВЕДЕНИЕ

Женщина имеет множественное и вариативное обозначение в русской языковой картине мира, однако, как показывает анализ проведенных исследований, в немецкой языковой лингвистической литературе данный вопрос рассмотрен не в полном объеме. Новизна данного исследования заключается в том, что предлагаемая

проблема рассматривается с точки зрения присутствия лингвокультурной составляющей и наличия определенного семантического поля, содержащего ряд признаков представляемого объекта и связанные с ним прагматические ассоциации, составляющие аксиологическую сторону содержания немецкой языковой картины мира в исследуемых литературных материалах.

В настоящее время в гуманитарных науках значительную роль занимают исследования в гендерной области, проблематика которых заключается в разграничении терминов «гендер» и «пол» и, соответственно, в точном определении категориального аппарата. Понятие «гендер» является междисциплинарным и рассматривается как дискурсивный, социокультурный и психолингвистический феномен. В феминистских исследованиях физический пол и гендер выступают как отдельные сущности. Одновременно гендер рассматривается как внутренняя и внешняя части идентичности. Согласно А.В. Неупокоевой, гендер представляет собой совокупность культурных и социальных норм, которые выдвигаются обществом для выполнения людям в зависимости от их биологического пола [5, с. 5]. А.А. Родионова рассматривает гендер с позиции типизированных ролей, диктуемых социальными ожиданиями [7, с. 223].

В ходе развития науки в данной области, гендерные исследования из сферы социальных наук получили статус междисциплинарного направления, что способствовало переходу гендера в значении «социокультурный пол» в область исследования языкознания. В лингвистике предыстория гендерных исследований начинается со времен античности и связана с появлением символично-семантической концепции категории рода (genus) и понятийной (семантической) категорией пола (sexus), взаимоотношение которых довольно сложно, чему свидетельствует утверждение Аристотеля относительно действия и энергии мужского рода и пассивности и терпимости женской рода [2, с. 32].

С тех пор потребовалось несколько веков, чтобы женщина, по словам французского теоретика феминистского литературоведения Элен Сиксу, вышла на свой «символический путь», сделав из него личное восприятие среды «в своих местоимениях, существительных, своей клике тем и предметов» [9]. При этом в

современной лингвистике существует целый ряд научных парадигм относительно вопроса соотношении языка и мышления [6, с. 36]. Цель статьи – определить место женщины в языковой картине мира, нашедшей отражение в категории рода, лексиконе, номинативной системе и ряде сходных объектов, а также рассмотреть различия в восприятии образа представительницы женского пола женщиной-автором и мужчиной-автором.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Гендерный аспект

С 60-х годов XX века в научном мире появляется интерес к прагматическому аспекту языкознания и изменениям в традиционном распределении ролей мужчин и женщин в обществе, что способствовало появлению регулярных гендерных исследований в лингвистике и интерпретации лингвистических фактов. Элен Сиксу утверждает, что женщины начинают возвращаться издалека, «с задворок культуры», куда они были сосланы мужчинами, приговоривших их к «вечному покою» [9]. В середине XX в. в гуманитарных науках под влиянием постмодернистской философии начинается лингвистический поворот, обозначивший проблему признания зависимости сознания людей от стереотипов их языка, которой представляется инструментом конструирования картины мира. Расширение гендерных исследований способствовало появлению новой отрасли в языкознании, которая все еще не имеет окончательно закрепившегося названия – лингвистической гендерологии или гендерной лингвистики.

Особое место в исследованиях лингвистической гендерологии занимает вопрос природного пола как семантического компонента лексических единиц, которые обозначают определенное лицо. Гендер совмещает в себе процесс и результат встраивания индивида в принятую в данном обществе и на данном историческом отрезке культурно и социально обусловленную модель мужественности или женственности [3, с. 125]. Соответственно, в настоящее время можно заметить

интерес исследователей к отражению гендера в системе языка и его характер в коммуникативном и речевом поведении представителей обоих полов.

Особую роль играет язык и отражение в нем присутствия людей разного пола через грамматику, лексику, синтаксис, а также наличие в их языковой картине мира определенных качеств и оценки, распространения и функционирования гендерных стереотипов.

Экстралингвистические и интралингвистические причины обусловили в 1960–1970-е гг. возникновение феминистской лингвистики (феминистской критики), которая предшествовала гендерной лингвистике и существует до сих пор. К первой группе относится развитие «Нового женского движения», «когнитивной эволюции у женщин» и рост популярности идей феминизма в Европе и на Западе (США) [1, с. 510].

Первой языковедческой причиной данного явления стало появление в 1950–1960-х годах в лингвистике таких научных направлений как прагматика, психолингвистика, квантитативная социоллингвистика, второй – изучение в лингвистике человеческого фактора [5, с. 10]. Вследствие происходящих событий выходит ряд трудов, посвященных проблеме языка и пола (Мэри Рич Кей „*Male/Female Language*“, 1975; Робин Лакофф „*Language and Woman's Place*“, 1975; Сента Трёмель-Плётц „*Frauensprache – Sprache der Veränderung*“, 1982; Луиза Пуш „*Das Deutsche als Männersprache*“, 1984). Поднимая вопрос об истории феминистской лингвистики, Марлис Хеллингер описывает в ней два этапа: 1) 1970-е годы – формирование лингвистами первых предположений из описания языка и своего собственного языкового опыта; 2) 1980-е годы – до настоящего времени – проведение систематических практических исследований с целью проверки и обоснования ранее выдвинутых субъективных предположений [16, с. 25].

Марлис Хеллингер называет феминистскую лингвистику «феминистской научной дискуссией о связи языка и пола» [16, с. 12]. В свою очередь, Элен Сиксу отличает термин «феминистичность» от термина «женственность», отнеся его как внешнюю атрибутику к характеристике мужчин, отличающихся мягкостью, сочувствием и чувствительностью. Для женщин и девушек больше подходит

феминистичность как социально и биологически обусловленное поведение и строй мыслей [9].

Объектом исследования феминистской лингвистики является язык женщин. Как показывают труды в области гендерологии, в феминистской лингвистике имеют место два направления: 1) монологическое – исследует дискриминацию женщины в языковой картине мира, проявляющуюся в асимметрии в системе языка [20, с. 2–4]; 2) диалогическое – выявляет обусловленные полом особенности речевого поведения мужчин и женщин. Одним из признаков является производность имен существительных женского рода от мужского посредством добавления в большинстве случаев к мужской форме суффикса женского рода -in и использовании таких слов во многих сферах деятельности женщины.

Наиболее полное лингвистическое описание языковых единиц невозможно без рассмотрения понятия номинации (от лат. *nomination*), обозначающего: 1) значимую языковую единицу, образованную в процессе называния; 2) процесс создания, закрепления и распределения наименования за разными фрагментами действительности [10, с. 336]. Наименования лиц имеют особое место в системе языка, где субъектом языковой коммуникации является человек, которого рассматривают как живое существо и как индивид. Таким образом, для всех наименований лиц слово ‘человек’ представляет собой гипероним. Категория лица включает разнообразные значения, служащие для выражения различных характеристик человека, который, помимо реального человека, может рассматриваться как мифологические, фантастическое, религиозное, сказочное, человекоподобное существо [5, с. 26].

Обращаясь к проблеме конструирования гендера, О.Ю. Черных выделяет следующие составляющие: 1) эксплицитность посредством имен существительных, в значении которых имеется сема «пол»; 2) использование определенных глагольных предикатов с агентивными именами существительными мужского и женского пола; 3) использование определенных имен прилагательных с именами существительными мужского и женского пола; 4) воспроизводство гендерных стереотипов в тексте [11, с. 564]. По утверждению А.В. Родионовой, понятие *гендер* с точки зрения гендерной

лингвистики и лингвистики нарратива оказывает существенное влияние при организации нарративного пространства художественного текста [8, с. 21].

Грамматическая и семантическая структура наименований лиц женского пола

Далее рассмотрим языковые единицы, указывающие на присутствии женщины в языковой картине мира. Материалом исследования послужили романы на немецком языке Доры Хельдт «Тетя Инга уезжает», Кристи Вольф «Медя. Голоса», Корнелии Функе «Чернильное сердце», Фолькера Кучера «Вавилон-Берлин» (книга первая «Мокрая рыба»), отрывка из романа Доры Хельдт «Отпуск с папой».

1. Языковые единицы, обозначающие межличностные отношения.

Die Freundin (подруга, приятельница): Ihre **Freundinnen** hatten sie immer um ihren großen Bruder beneidet, ... [14, S. 73]. Существительное женского рода *die Freundin* имеет значение: 1) лицо женского пола, связанное с другим человеком посредством дружеских, доверительных отношений; 2) женщина, которая кого-то особо ценит или к которой испытывают симпатию; 3) единомышленница по какой-либо общественной деятельности (например: единомышленница по партии) [22]; 4) конфиденциальная форма обращения к женщине. Слово состоит из существительного мужского рода *der Freund* ('друг, приятель') и суффикса женского рода *-in*, что позволяет определить род существительного по словообразовательной форме.

2. Языковые единицы, обозначающие профессиональную занятость женщины.

Die Vertriebsassistentin ('ассистентка по продаже / маркетингу'): Verlag für maritime und regionale Literatur sucht **Vertriebsassistentin** [14, S. 133]. Сложное существительное женского рода *die Vertriebsassistentin* обозначает лицо женского пола, помогающее другому человеку в вопросах маркетинга, коллеги, помощница [22] и состоит из существительного мужского рода *der Vertrieb* ('сбыт, отдел сбыта, продажа'), соединительной морфемы *-s*, заимствованного одушевленного существительного мужского рода *der Assistent* ('ассистент, помощник') и суффикса женского рода *-in*.

3. Языковые единицы, указывающие на принадлежность женщины к религии.

Die Opferpriesterin (‘верховная жрица’) / die Göttin (‘богиня’): *Medea als Opferpriesterin vor dem Altar einer uralten Göttin ihres Volkes*, ... [21, S. 60]. Сложное существительное *die Opferpriesterin* называет лицо женского пола, присутствующее во многих религиях, которое действует как посредник между Богом и человеком, имеет религиозные полномочия, наделено особыми божественными силами, получило ритуальное посвящение и имеет право на особые ритуальные действия [22]. Слово состоит из существительного среднего рода *das Opfer* (‘жертва, жертвование’) и существительного мужского рода *der Priester* (‘жрец, проповедник’) и суффикса женского рода *-in*.

Существительное женского рода *die Göttin* обозначает божество женского пола [22] и состоит из существительного мужского рода *der Gott* (бог, божество) и суффикса женского рода *-in*, при добавлении которого наблюдается деривация, сопровождающаяся изменением корневого гласного на умляут (о – ö).

4. Языковые единицы, номинирующие женщину как сказочную (мифическую) героиню.

Die Zauberin (‘волшебница, чародейка, колдунья’): *Er klang wie der einer Zauberin aus einem fernen, fernen Land* [13, S. 409]. Существительное женского рода *die Zauberin* имеет значение: 1) лицо женского пола, обладающее магическими способностями; 2) женщина, выполняющая магические действия [22]. Слово *die Zauberin* (‘волшебница, чародейка, колдунья’) состоит из существительного мужского рода *der Zauber* и суффикса женского рода *-in*. В свою очередь, существительное мужского рода *der Zauber* образуется при помощи суффиксации, с помощью которой происходит образование отглагольного существительного (*zaubern* (глагол) – *der Zauber* (существительное мужского рода) – *die Zauberin* (существительное женского рода)). В случае если изначально слов имело форму *der Zauberer*, то при образовании мовированной формы можно наблюдать такое явление как гаплогония, проявляющееся в результате выпадения в слове идущих друг за другом одинаковых или близких по звучанию слогов (*Zauberin*). Под мовированием

понимается эксплицитная деривация существительных другого пола от основы, называющей лицо или животное [12, с. 168].

5. Языковые единицы, которые представляют женщину как обладательницу какого-либо имущества.

Die Zimmerwirtin: Diese **Zimmerwirtin** achtete streng darauf, dass ihre Mieter zu später Stunde keine Damen empfangen [19, S. 52]. Образование сложного слова *die Zimmerwirtin* обозначает лицо женского пола, которому принадлежит комната и происходит за счет двух лексических морфем: *Zimmer* – *Wirt* и суффикса женского рода *-in*.

6. Языковые единицы, указывающие на титул или звание женщины.

Die Königin (‘королева’): Und die **Königin**? [14, S. 194]. Существительное женского рода *die Königin* имеет следующие значения: 1) обладательница высшего монархического титула в ряде монархий или второго по величине титула в государствах под управлением кайзера в качестве супруги короля; 2) властительница, владычица (возвышенно); 3) первая, лучшая в своем роде представительница женского пола [23]. Слово состоит из существительного мужского рода *der König* (‘король’) и суффикса женского рода *-in*.

7. Языковые единицы, указывающие на место жительства лица женского пола.

Die Korintherin (‘коринфянка’): ... manche sollen sie geschlagen haben, und die **Korintherinnen** verbargen sich in den Häusern ... [21, S. 197]. Существительное женского рода *die Korintherin* получило название от древнего города Коринфа, находящегося на перешейке, соединяющим остров Пелопоннес и материковую Грецию. Слово состоит из названия города *Korinth*, суффикса мужского рода *-er*, что обозначает лицо мужского пола, проживающее в городе Коринф и суффикса женского рода *-in*.

Рассмотрев данные примеры, следует подчеркнуть основные функции суффикса *-in*. На грамматическом уровне служит для изменения рода существительного (с мужского рода на женский род). На семантическом уровне служит для специфицирования значения лица ‘женского пола’, реализующегося в следующих значениях: 1) в производной основе слова указывается деятельность, которую

выполняет действующее лицо женского рода (например: *Assistentin* – *assistieren*); 2) лицо женского пола, чья этническая, национальная принадлежность выражена в производящей основе: *Korintherin* – *Korinth*.

Следующую группу существительных представляют номинации, указывающие на представительницу женского пола по ее признаку. Здесь наблюдается совпадение биологического пола обозначаемого лица с грамматическим родом.

Например, языковые единицы, обозначающие родственные связи.

Die Schwester ('сестра'): *Es war lange her, dass sie mit ihren **Schwestern** in den Zimmern und auf den Fluren Verstecken gespielt hatte* [13, с. 90]. Существительное женского рода обозначает: 1) лицо женского пола, связанное с другим лицом происхождением от тех же родителей [22]; 2) медицинский персонал женского пола среднего звена, прошедший обучение в учебном заведении и работающий в различных областях здравоохранения [23]. Существительно относится к женскому роду по половой принадлежности называемого лица.

В зависимости от отношений между компонентами сложные слова разделяют на: 1) детерминативные (первый компонент существительное); 2) копулятивные (компоненты принадлежат одной и той же части речи) композиты. Последний компонент номинации является главным, а предшествующий играет роль определяемого слова, конкретизирующего значение главного. Таким образом, морфемы, составляющие определительное сложное слово, находятся в отношении субординации, или подчинения.

Лексемы, функционирующие в языке для обозначения женского пола, могут также выступать в качестве полуаффиксов: *-frau*, *-dame*, *-schwester*, *-mutter* и т.д. Полуаффиксация как средство словообразования не может самостоятельно выполнять функцию, специализирующую признак пола, что требует рассматривать номинации с полуаффиксами, в значении которых заключены семантические признаки 'женский пол', в качестве лексикосемантического средства спецификации признака пола.

Например, языковые единицы, представляющие женщину обладательницей какого-либо имущества.

Die Cayenne-Frau: *Sie drehte sich unauffällig um, tatsächlich, das Ausparkwunder, die Cayenne-Frau* [14, S. 44]. Сложное существительное *die Cayenne-Frau* указывает на обладательницу машины марки Кайенна и имеет две словообразовательные морфемы: *Cayenne* (марка машины) и существительное женского рода *die Frau* ('женщина').

Языковые единицы, представляющие женщину по роду занятия или занятости.

Die Hausfrau ('домохозяйка'): ... *als wäre Inge die unscheinbare Dortmunder Hausfrau*... [14, S. 110]. Сложное существительное называет: 1) замужнюю женщину, ведущую домашнее хозяйство; 2) хозяйку мебелированной комнаты [22]. Слово состоит из существительного среднего рода *das Haus* (определяющее слово) и существительного женского рода *die Frau* (основное слово).

В приведенных примерах лексическая морфема *-frau* представляет собой компонент сложных слов с высокой частотностью употребления, претерпевающих в составе целого переосмысление и приближающихся к обычному словообразующему аффиксу, но в то же время не теряющих материальной, а частично и семантической связи с опорной лексемой.

Имеет место ряд существительных с отрицательными женскими качествами, которые относятся к женскому роду по своему этимологическому происхождению.

Die Furie ('фурия, ведьма'): ..., *wie Inge nach diversen Massagen und Fangorpackungen dieser Furie in die Hände gefallen war* [14, S. 31].

Существительное женского рода *die Furie* обозначает женщину, прибывающую в крайне негативном душевном состоянии. В XVIII веке слово было заимствовано из древнеримской мифологии, где обозначало богиню мести Фурию (*Furia*). Значение 'богиня мести' основано на его отождествлении с греческими богинями мести Эринниями. Изначально слово образовано от латинского прилагательного *furios* – 'яростный, безумный, возбужденный, страстный' [18, S. 237].

Образование указателя лица женского пола возможно также посредством перехода одной части речи в другую, например, субстантивированное прилагательное *die Kleine*.

Die Kleine (‘малютка, крошка, малышка’): *War es nicht nett von mir, dir deine **Kleine** schon gestern Abend bringen zu lassen?* [13, S. 177]. Слово *die Kleine* называет маленькую девочку или молодую женщину [22] и является субстантивированным прилагательным, образованным от прилагательного *klein* с сохранением парадигмы производящей основы, изменяющейся при конверсии, которая предполагает образование нового слова путем перехода основы в другую парадигму словоизменения.

Однако в некоторых случаях суффикс феминизации не распространяется на какие-либо показатели женственности, например, с фамилиями женщин сохраняется гендерная асимметрия и суффикс мужского рода *-er*: ***Frau Gebauer** hat euch im Bus gesehen* [14, S. 58].

В немецком языке наиболее продуктивным является мовирование женского рода посредством суффикса *-in*. Изначально женские наименования в семантическом плане служили для выражения значения «принадлежности», что начало проявляться уже в древненемецком языке вследствие внутриязыковых и внеязыковых причин. Суффикс феминизации *-in* является признаком морфологической спецификации признака пола в группе наименований лиц женского пола. Мовирование для обозначения лица женского пола возможно также со следующими суффиксами: *-ler*, *-ner*, *-ar*, *-at*, *-ier*, *-ateur*, *-eur*, *-ator*, *-or*, *-ling* [17, S. 75, 76, 84, 86, 118]. На лексикосемантическом уровне осуществляется спецификации признака пола за счет использования слов, в значении которых заключен семантический признак ‘женский пол’. Таким словами могут быть *Dame*, *Mädchen*, *Frau* (например: *die Hausfrau*, *die Cayenne-Frau*).

Женский язык

Женский язык является достаточно личным языком, который ищет связи, человеческой близости и принятия собеседника. В ходе разговора женщины часто позволяют показывать свои переживания, чтобы преодолеть отчужденность и дистанцированность от собеседника. Женщины позволяют участвовать в их

собственном личном пространстве и тем самым сигнализируют о том, что они открыты и способны сопереживать собеседнику.

Женщины в речи стараются избегать инвективной лексики, прозвищ, элементов панибратства, однако они чаще прибегают к гиперболизации. Здесь можно наблюдать ссылки на чье-либо или собственной мнение, большой спектр вводных слов, выражающих разную степень уверенности, а также наличие единиц аффективной лексики. Данные особенности речи обусловлены особенностями их характера, социальной роли, профессии [4, с. 106]. Феминистская лингвистика разработала, среди прочего, следующие характеристики:

1) сглаживание спорных моментов, приуменьшение проблемы, что можно заметить при использовании, например, выражений: ‘so süß’, ‘wie reizend’, ‘nett’ и др.

so süß (‘так мило’): *Die Typen, die sonst noch Schnee anbieten in der Lutherstraße, die sind nur halb so süß* [19, S. 195].

wie reizend (‘как мило’): *Renate lächelte ihn beseelt an. „Danke, wie reizend. Vielleicht ein Gläschen Schampus“* [14, S. 195].

ist das nicht nett (‘разве это не мило’): *Ich formulierte die Sätze im Kopf. „Dorothea, stell dir vor, Heinz kommt mit, ist das nicht nett?“* [15, S. 10].

Женщины используют уменьшительные формы и эвфемизмы, не прямые смягчающие выражения вместо резких высказываний, чтобы не обидеть других, сгладить неприятные моменты и, таким образом, сделать ситуацию приемлемой. С одной стороны, женщины делают свой язык эмоциональным и дружелюбным, с другой – упрощают и ослабляют силу высказывания.

2) использование языковых средств размытости: ‘irgendwo’, ‘irgendwas’, ‘etwas’, ‘oder was’, ‘weißt du?’, ‘ich glaube’, ‘ich finde’ и др.

irgendwo (‘где-нибудь, где-либо, где-то’) / etwas (‘что-нибудь, что-то’): *„Lass uns erst mal irgendwo etwas trinken. Bitte“* [14, S. 13].

irgendwas (‘что-нибудь, что-либо, что-то’): *„Da stimmt irgendwas nicht“* [14, S. 17]. / *Habe ich irgendetwas vergessen?* [15, S. 16]

oder was (‘или что’): *„Einen Hut. Wozu das denn? Ist sie jetzt vornehm, oder was?“* [14, S. 25].

weißt du ('знаешь ты'): „**Weißt du** eigentlich, was du bist?“, fragte sie plötzlich ... [19, S. 570].

glauben / finden (считать, полагать): **Ich glaube**, das war alles [15, S. 18] / Ja, ja, **ich finde** dich schon, ich bin ja nicht senil [15, S. 18]

Женщины часто используют языковые средства размытости, которые играют роль ослабляющих механизмов, влияющих на ограничения действительности высказываний.

3) языковые средства усиления коммуникативной эффективности: 'so', 'wirklich', 'ehrlich' и др.

so ('так, до такой степени'): ... wir lassen uns zurückfallen, vorbei an den Zeitaltern, die, **so** scheint es, nicht **so** deutlich zu uns sprechen ... [21, S. 9].

wirklich ('действительно, по истине'): Er kann **wirklich** nichts allein Heldt Vater [15, S. 12].

ehrlich ('честно, откровенно, правдиво'): Soll man das **ehrlich** nennen [21, S. 124].

4) использование междометий: 'oh', 'äh', 'na', 'ach so', 'na ja' и др.

Oh, Nichts. Hallo Luise [14, S. 38] / **Äh**, nein, ich möchte einen Milchkaffee und ein Wasser [14, S. 36] / **Na**, dann mal los [14, S. 8] / **Oh. Ach so. Na ja**. Christine hätte ja auch fahren können [14, S. 74].

Для женской речи характерно использование междометий, которые выполняют важную функцию в речи: являясь простейшими сигналами внимания, они активизируют и стимулируют разговор.

5) использование оттеночных частиц: 'doch', 'denn', 'mal' и др.

doch ('все-таки, все же, однако, же, ведь'): Es ist **doch** wirklich großartig, dass wir jetzt hier sind, oder? [14, S. 68]

denn ('же, разве'): Dir? Wieso das **denn**? [14, S. 66]

mal ('-ка, бы'): Ich würde einfach **mal** mit ihr reden [14, S. 62]

Оттеночные частицы встречаются в речи женщин достаточно часто и являются примерами их неуверенности в истинности того, о чем они говорят.

Женщины в речи также часто используют эмфатические наречия и языковые средства усиления и практически не вводят в свою речь пошлых выражений,

ругательств, двусмысленность и грубость, однако их речь может быть достаточно эмоциональной. Они избегают резких выражений, стараются быть предельно вежливыми, прибегают к повторениям и преувеличениям с целью привлечь внимание собеседника. Язык женщин несколько легкомыслен, открыт, он более благоприятный для общения, в нем меньше прерываний собеседника, однако насыщен большим количеством вопросов.

Для анализа языка женщин в качестве исследуемого материала использовались произведения трех авторов женщин и одного автора мужчины, что позволило выявить некоторые отличия. Так, женщина-автор описывает своих героинь с использованием более эмоциональной лексики, при этом представительницы женского пола стремятся быть наравне с мужчинами в общественной жизни, имеют свои сферы интересов, ответственны в силу своих возможностей или сложившихся обстоятельств, мужчины в их лице не всегда представители сильного пола, они требуют их заботы и опеки. Мужчина-автор хочет видеть женщину рассудительной, ответственной, требующей защиты мужчины и не стремящейся к публичности. Авторы представляют женщину так, как они ее знают (женщина-автор) или хотели бы, что она такой являлась (мужчина-автор).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На присутствие женщины в языковой картине мира указывают языковые единицы, обозначающие: межличностные отношения (*die Freundin*), профессиональную занятость (*die Vertriebsassistentin*), принадлежность к религии (*die Opferpriesterin*), сказочную (мифическую) героиню (*die Zauberin*), обладательницу какого-либо имущества (*die Zimmerwirtin*), указывающие на титул (звание) (*die Königin*) и место жительства (*die Korintherin*) лица. Данные примеры содержат суффикс женского рода *-in*, который на грамматическом уровне используется для изменения рода существительного (мужского рода на женский род), однако подобные изменения практически не касаются фамилий женщин, оканчивающихся на мужской суффикс *-er*: *Frau Gebauer*.

Следующую группу представляют номинации, в которых прослеживается указание на представительницу женского пола по ее признаку: *die Schwester*, *die Cayenne-Frau*, *die Hausfrau*. Также имеет место ряд существительных с отрицательными женскими качествами, например: *die Furie*.

Что касается женского языка, то он отличается личностной составляющей, поиском связи с собеседником, желанием ощутить человеческую близость. В ходе краткого обзора материалов исследования в речи женщин были выявлены: 1) средства сглаживания спорных моментов без прямого указания на возникшую проблему: ‘*so süß*’, ‘*wie reizend*’, ‘*nett*’ и др.; 2) средства размытости (‘*irgendwo*’, ‘*irgendwas*’, ‘*etwas*’, ‘*oder was*’, ‘*weißt du?*’, ‘*ich glaube*’, ‘*ich finde*’ и др.); 3) средства усиления коммуникативной эффективности (‘*so*’, ‘*wirklich*’, ‘*ehrlich*’ и др.); 4) использование междометий (‘*oh*’, ‘*äh*’, ‘*na*’, ‘*ach so*’, ‘*na ja*’ и др.; 5) наличие оттеночных частиц (‘*doch*’, ‘*denn*’, ‘*mal*’ и др.).

Поведение женщины в коммуникативной ситуации характеризуется следующими параметрами: 1) женщины выбирают формулировку, смягчающие их высказывания, что отражено в использовании уменьшительных форм, либо в позиции связующих элементов; 2) в своей речи представительницы женского пола меньше прибегают к использованию вульгарных выражений, хотя имеют для подобных случаев свой собственный лексический запас; 3) женщины во время коммуникации способны перебивать друг друга и имеют особенность формулировать высказывания в вопросительной форме. Однако, по своей природе, женщина может быть непредсказуемой и соответственно, вышеуказанные наблюдения могут иметь свои исключения из общепринятых правил.

Список литературы

1. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании [Текст] / Е. И. Горошко // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч.1. – С. 508–542.
2. Горошко Е. И. Говорящий пол (квантитативные исследования в лингвистической гендерологии) [Текст] / Е. И. Горошко // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым». – 2003. – № 37. – С. 32–35.
3. Кириллина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / А. В. Кириллина. – М.: РОССПЭН, 2004. – 250 с.

22.	Duden-Sprachberatung:
https://www.duden.de/rechtschreibung/Assistentin
https://www.duden.de/rechtschreibung/Freundin
https://www.duden.de/rechtschreibung/Schwester
https://www.duden.de/rechtschreibung/Priesterin
https://www.duden.de/rechtschreibung/Kleine
https://www.duden.de/rechtschreibung/Goettin
https://www.dwds.de/wb/Schwester
https://www.duden.de/rechtschreibung/Zauberin
https://www.duden.de/rechtschreibung/Hausfrau	Zugriff am	31.06.2021	unter
23.	Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS).
https://www.dwds.de/wb/Schwester	Zugriff am	31.06.2021	unter 30.06.21

1. Goroshko E. I. *Gendernaja Problematika v Jazykoznanii* [Gender Issues in Linguistics]. *Vvedenie v Gendernye Issledovanija: Uchebnoe Posobie*. Khar'kov: HCGI; St. Petersburg: Aleteija Publ., 2001, vol. 1, pp. 508–542.
2. Goroshko E. I. *Govorjashchii Pol (Kvantitativnye Issledovanija v Lingvisticheskoi Genderologii)* [Talking Gender (quantitative Research in linguistic Genderology)]. *Kul'tura Narodov Prichernomor'ja*. Simferopol': Mezhvuzovskii tsentr Krym Publ., 2003, no 37, pp. 32–35.
3. Kirillina A. V. *Gendernye Issledovanija v Lingvistike i Teorii Kommunikatsii* [Gender Studies in linguistics and communication Theory]: *Uchebnoe Posobie dlja Studentov Vuzov*. Moscow: ROSSPJeN Publ., 2004. 250 p.
4. Kovaleva E. Ju. *Sravnitel'nyi Analiz Gendernykh Modelei Rechevoi Dejatel'nosti v Angliiskom, Nemetskom i Russkom Jazykakh* [Comparative Analysis of gender Models of speech Activity in English, German and Russian]. *Filologicheskie nauki. Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* Publ., vol. 6, no 4(21), 2017, pp. 105–109.
5. Neupokoeva A. V. *Gendernyi Podkhod k Naimenovaniju Lits v Nemetskom Jazyke* [Gender Approach to the Naming of Persons in German]. *Monografija*. Khabarovsk: Izdatelstvo Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. Publ., 2018. 128 p.
6. Pitina S. A. *Kognitivnaja Lingvistika i Smezhnye Lingvisticheskie Nauki o Vzaimodejstvii Jazyka i Myshlenija* [Cognitive Linguistics and Related Linguistic Sciences about the Interaction of Language and Thinking]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no 24 (315), pp. 35–37.
7. Rodionova A. A. *Feministskie i Gendernye Issledovanija Videoigr: Sovremennye Podhody k Izucheniju* [Feminist and gender Studies of Video Games: Contemporary Approaches to Research]. *Vestnik RGGU. Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija* Publ., 2020, no 8, pp. 220–228.
8. Rodionova A. V. *Narrativno-gendernye Osobennosti Idiosilija D.I. Rubinoi* [Narrative and gender Peculiarities of D.I. Rubina]. *Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk*. Elets, 2019. 25 p.
9. Siksu Je. *Smech Meduzy* [Laughter of Medusa]. *Rezhim dostupa: <https://proza.ru/2016/07/03/901>*. – (Data obrashchenija: 2.08.21)
10. Telija V. N. *Nominatsija* [Nomination]. *Lingvisticheskii Jentsiklopedicheskii Slovar'*, vol. 2, Moscow: Bol'shaja rossijskaja jentsiklopedija, 2002. pp. 336–337.
11. Chernykh O. Ju. *Lingvisticheskoe Konstruirovanie Gendera* [Linguistic Construction of Gender]. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovanie*, no 4 (71), 2018, pp. 562–565.
12. Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache* / W. Fleischer, I. Barz, M. Schröder. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. 382 S.
13. Funke C. *Tintenherz*. – Dressler, 2013. 608 S.
14. Heldt D. *Tante Inge haut ab*. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 2010. 352 S.
15. Heldt D. *Urlaub mit Papa*. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2013. 317 S.
16. Hellinger M. *Kontrastive feministische Linguistische: Mechanismen sprachlicher Diskriminierung im Englischen und Deutschen*. – Max Hueber Verlag, 1999. 176 S.
17. Hentschel E. *Basiswissen deutsche Wortbildung*. UTB GmbH, 2020. – 200 S.
18. Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. De Gruyter, 2011. 1091 S.
19. Kutscher V. *Der nasse Fisch*. – Kiepenheuer&Witsch, 2007. 496 S.
20. Trömel-Plötz S. *Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauch* / S. Trömel-Plötz // *Linguistische Berichte*. 1981. № 71. S. 1–7.
21. Wolf Ch. *Medea. Stimmen*. – München: Luchterhand, 2010. 235 S.

-
22. Duden-Sprachberatung: Zugriff am 31.06.2021 unter
<https://www.duden.de/rechtschreibung/Assistentin>
<https://www.duden.de/rechtschreibung/Freundin>
<https://www.duden.de/rechtschreibung/Schwester>
<https://www.duden.de/rechtschreibung/Priesterin>
<https://www.duden.de/rechtschreibung/Kleine>
<https://www.duden.de/rechtschreibung/Goettin>
<https://www.dwds.de/wb/Schwester>
<https://www.duden.de/rechtschreibung/Zauberin>
<https://www.duden.de/rechtschreibung/Hausfrau>
23. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). Zugriff am 31.06.2021 unter 30.06.21
<https://www.dwds.de/wb/Schwester>

**FEMALE IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD
 (ON THE MATERIAL
 OF GERMAN-SPEAKING AUTHORS' WORKS OF FICTION)**

Zubenko Ya.V.

The article aims at studying the feminine linguistic picture of the world. The purpose of the paper is to analyze the works of German-speaking authors and identify the main criteria determining the position of a female in the language. The research material made it possible to identify linguistic units denoting various spheres of a female's existence or activity (interpersonal relations, professional characteristics, religious component, fairytale heroine, owner of a title, owner of any property, native of a certain geographical place). The formation of these categories became possible due to the grammatical component, namely the feminine suffix *-in* attached to words in the masculine gender. At the semantic level, the main constituent element was the definition of a female through the specification of the meaning of the individual of the 'feminine gender', which is mostly reflected in the linguistic units denoting family ties. To mark the feminine gender lexemes *-schwester*, *-frau*, *-dame*, *-mutter*, etc. may be used as semi-affixes. There is also a number of nouns in the language that indicate a female due to their etymological origin. At the lexical and semantic level, it is possible to specify the gender by means of certain words that have the semantic feature of 'feminine' (for example: *die Frau*, *die Dame*, *das Mädchen*). The feminine language has its own specific characteristics due to linguistic means that help women smooth out possible conflicts, enhance communicative efficiency in order to attract attention, promote and stimulate communication.

Key words: genderology, feminist linguistics, language unit, nomination, moving, feminine language.

УДК 81'23

ESSENCE AND PROPERTIES OF EUPHEMISM FROM THE PERSPECTIVE OF COGNITIVE LINGUISTICS

Logvina S. A.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: svet.logvina@mail.ru*

The article discusses the unique properties of euphemism from the perspective of cognitive linguistics, which characterise the specific activity of cognitive processes and human abilities, thereby ensuring the difference between euphemism and other forms of knowledge objectification. The authors refer to the basic properties of euphemism that determine its status: denotative amelioration, which corresponds to the basic feature of euphemism, subjective, formal “emendation” of a denotatum, enhancement of meaning. Denotative amelioration (neutralisation of pejorative signs of a denotatum) is a unique cognitive property that characterises the specific activity of cognitive processes and human abilities and objectifies the knowledge in a specific way. As a result of the analysis of empirical material, where the verbal euphemism was considered from the point of view of one of the main properties of euphemism, denotative amelioration, three key linguistic and cognitive models were identified. These models reflect the transformation of the denotative basis within the framework of a euphemistic rethinking of the picture of the world: according to the bijective, injective and counter-referential types of semantic relations.

Keywords: euphemism, properties of euphemism, cognitive linguistics, denotative basis, metaphorization, cognitive models, euphemistic rethinking.

INTRODUCTION

In modern philology, whose priorities at present shift towards communicative, discursive and cognitive linguistics, the structural, semantic and pragmatic features of euphemisms are studied in new aspects, classifications of euphemisms being developed on various grounds. The way knowledge is structured in a language, “packed” into different-format linguistic signs of different lengths, is one of the main issues of cognitive linguistics, the research core of which is “language as a general cognitive mechanism, as a cognitive tool – a system of signs that play a role in representation (coding) and in the transformation of information” [9, p. 188].

Within the scope of the article, euphemisms are considered among diverse linguistic phenomena used to name various objects of reality, which they relate not directly, but

indirectly, and are understood as signs of an indirect nomination, intended to code certain objects, phenomena, events or actions for various purposes (according to the characteristics of the signs). A feature of euphemisms is that the basis of their formation is the principle of secondary nomination. The principle of indirect nomination is understood as a deliberately allegorical designation of an object or the conscious use of such a naming, which indicates the object of the nomination not directly, but indirectly, describes it veiled. Nowadays, linguistics sees a resurgence of scientific interest in the problem of indirect (secondary) nomination. This might be explained by the fact that being an integrative discipline, cognitive linguistics has become a rightful part of the science of language, and has introduced its own theoretical and methodological means for a deeper study of indirect nomination. Linguistic phenomena falling into the circle of attention of indirect communication (sign formations) have previously been described fractionally from the point of view of indirect nomination. Cognitive linguistics, with its new research tools, expands significantly the empirical base of linguistics. Explication of the cognitive structure of the phenomenon under study makes it possible to reveal the logic and methods of encoding a denotatum of a euphemism.

That a euphemism is a means (one of the linguistic forms) of representing knowledge in the processes of categorizing and conceptualizing the world raises no doubts among the representatives of the scientific community. However, this statement cannot serve as irrefutable evidence of the unique role of euphemism in creating an array of human knowledge about reality. Thus the thesis about euphemization as a “special case of conceptual derivation” formulated by Boldyrev N.N. and Aleksikova Yu.V. [3, p. 6] outlines the essence of the primary task of the euphemistic “transition” from an unacceptable verbal form to an appropriate one ad hoc in the context of a “humanistic request”, the transformation of the dramatic (semantic) component of the systemic and structural organization of human knowledge, which cannot be performed by other means of language. In modern linguistics, the question of how to describe individual fragments of the linguistic picture of the world is being raised and actively resolved. In this case, various sets of linguistic units are used as research material, which differ from each other primarily in the volume and criteria underlying their unification.

RESULTS AND DISCUSSION**Peculiarities of interpretation of the concept of "euphemism"**

The universal scientific definition of the notion of "euphemism" remains the subject of constant debate. While conducting an analytical review of the sources reflecting the current state of the study of a euphemism as a phenomenon, we have revealed the interpretive heterogeneity of the central notion (a euphemism). Both predecessors and contemporaries have carried out many researches in order to provide a thorough description and classification of euphemisms in terms of linguistic, psychological, pragmatic, stylistic, cultural and other approaches.

This work is devoted to one of not yet fully studied issues, namely, the study of a euphemism as a mental phenomenon mediated by the internal mental activity of the human mind. The sphere of interests of cognitive linguistics as far as this phenomenon is concerned includes a euphemism as a result of the synthetic unity of individual and national mentality, as well as the dynamics of social and cultural human activity, as a way to achieve harmony, when a euphemism is synthesized intentionally to meet the needs of society (social convention), by synchronizing external and internal reality *ad hoc* (discursive convention). In general, being characterized by multipurpose motivational determinants (which is characteristic of all languages – at that every single language reflecting specific cultural and national features (linguistic and cultural universals) characteristic of a particular community or ethnos [23] the euphemism realizes an individual request within the framework of the discursive convention. The scenario of euphemistic realization reflects the dialectics of the public and the private, of the universal and the particular, of the common and the unique, of the possible and the indeed. Semiotic euphemistic representation of each individual concept is carried out through a powerful verbal resource, “one of the semiotically most universal ways of conceptualization” [28, p. 9] offered by the language system and speech practice. The semiotic euphemistic substrate of the concept chosen by the Speaker appeals to a number of synonyms, lexical and semantic fields, metaphorical images, precedent names, symbols, works of art, rituals, objects of material and spiritual culture. Despite the fact that there is no exhaustive description capable of expressing the entire content of the concept,

the scale of the semiotic euphemistic environment is directly related to the significance of this concept for the linguocultural community, to the axiological or theoretical value of that extra-linguistic phenomenon that is embodied in all its cognitive-semantic volume, as well as to the scale of assessments and measures which the individual uses to evaluate the events and conditions of their own life. Under the cognitive research priority of euphemisms is the metaphor which acts as the main cognitive mechanism for the formation of euphemisms. The conceptual metaphor has also proved to be one of the most productive ways to form euphemistic nominations [1, p. 127], since it avoids the use of direct nomination by referring to the means of representing another concept [1, pp. 127–130]. According to Yu.V. Aleksikova, in order to ensure that the interlocutor understands the euphemistic name, the euphemism should contain significant components of the content of the original concept.

Euphemism as a phenomenon of the psycho-linguistic-cultural order takes its conceptual origin from perceptual-figurative associations, integrates organically into cultural schemes and finds its material embodiment in symbolic forms. There is no uniformity between the ideal essence of euphemism and its material and semiotic embodiment, since the linguistic implementation of a certain concept is not tied to a certain word. The concept is a heterogeneous mental formation: having a wide variability among linguistic signs, it can be expressed by a number of verbal and non-verbal means and arise as a code-variable phenomenon, which retains the conceptual essence in each communicative act, but changes the form of expression depending on the type of conventional relationship.

The implementation of the euphemistic function testifies to the symbiosis of the process and the result: a euphemism, as a result of the cognition process, as a result of the forecasting process, as a result of the process of linguistic association, demonstrates the transition from linguistic and cultural potency to contextual implementation.

Most of the existing definitions reflect *a substitutional approach* to euphemisms, according to which a euphemism is a substitute for any undesirable word in a given situation (Yu.S. Baskova, L.V. Grekhneva, G.A. Makarova, A.A. Nefedova). Providing the definition of this phenomenon, some scientists build it on the basis of such an identifier as

“an indirect substitute for the names of the terrible, shameful or odious” [12, p. 5]. R. Dilts writes about the phenomenon of re-identification as the replacement of one of the elements of approval by a new word or phrase that means approximately the same thing, but entailing different consequences. “One way to explore the <...> pattern of redefining is by making “one-word reframes” of other words. This is done by taking a word expressing a particular idea or concept and finding another word for that idea or concept that puts either a more positive or negative slant on the initial term. As the philosopher Bertrand Russell humorously pointed out, “I am firm; you are obstinate; he is a pigheaded fool” [33, p. 37].

As a result of *the nominative variation*, the euphemism is attributed to the secondary nomination on the basis of additional, redesigned signs of the denotatum [12; 27]. In a broad sense, euphemisms are “another name, renaming (Yu.S. Maslov, L.I. Osipova) of an object or a phenomenon based on a plurality of ways to describe the same situation using different linguistic means” [cited in: 19, p. 24]. Yu.V. Shcherbinina considers euphemisms in the aspect of renomination as a redefinition, circumlocution of an already signified linguistic sign, an object or a phenomenon [31, p. 352]. In her scientific arguments, L.N. Vavilova relies on the term “euphemistic isosemy” as “semantic identity or proximity of utterances that differ in the ways of naming reality” and suggests the idea of “semantic equality or semantic similarity” [5, p. 41].

Krysin sees in the euphemism “a way of indirect, peripheral and at the same time softening designation of an object, property or action” [16, p. 388]. A. M. Katsev understands euphemisms as “contributing to the effect of softening indirect substitutes for the names of the terrible, shameful or odious, brought to life by moral or religious motives” [13, p. 5].

M. L. Kovshova, considering a euphemism as a speech act, defines it as “a fact language oriented to speech communication; speech turnover, semantics which is made up of the relationship between a sign, a meaning and a speaker; a turnover that is used for a very specific action - softening speech” [14, p. 29]; euphemisms are described in further researches of the author as “permitted words and expressions that used instead of those that are prohibited or restricted in use etiquette, ethical, legal, ideological norms and customs, accepted in this cultural and linguistic community” [15, p. 36].

Euphemisms have been considered within the framework of the structural-semantic approach as well; the main linguistic methods of the formation of euphemisms have been determined and the communicative conditions for their functioning have been outlined (A. M. Katsev, L. P. Krysin). Thus, euphemism can be taken as a linguistic mechanism, affiliated with intrasystemic relations:

- between units of language (such as synonymy, syntactic parallelism, hyperhyponymy, antonymy, etc.); there are such definitions of euphemisms as "... a kind of synonyms brought about by social reasons" [6; 7; 21].

- between speech constructions to give speech stylistic significance, imagery, expressiveness and emotionality, where, in a narrower sense, the euphemism is "substitution of a lower word with a more decent one" [8], interpreted as a special case of paraphrase. The understanding of euphemism as a kind of trope is also reflected in the scientific literature [2, p. 284]. In the dictionary of linguistic terms, euphemism is defined as follows: "Euphemism (antiphrasis) <...>. A trope consisting of an indirect, covered, polite, softening designation of an object or a phenomenon" [2, p. 521]. G.G. Kuzhim reduces euphemisms to melioratives that are "used for humorous purposes" [17, p. 13]. Thus, we are to state that it is the variety of ways of meaning transformation that plays an important role in the analysis of the semantic component of euphemism.

The wide range in the interpretation of this phenomenon contributed to the lack of uniformity in the selection of criteria for identifying a euphemism. There is also an opinion that it is generally impossible to single out clear criteria for "identifying a linguistic unit as a euphemism" [26, p. 74], and only highlighting the features of the phenomenon under study can be considered legitimate.

Solodilova I.A. and Sokolova T.Yu. conducted a retrospective comparative analysis of existing points of view and approaches to the study of euphemism [26] and, as a result, identified a number of essential features that define a euphemism. In other words, in order for a lexical unit to be considered a euphemism, it must have all of the following features, namely: the stigma of the denotatum, the presence of positive connotation, the preservation of the truth of the statement, semantic uncertainty and the formal nature of improving the denotatum [26]. Despite the objectivity and high quality of the presented consolidation, we

feel it indispensable to make a number of clarifications. The signs indicated above do reflect the categorical features of the euphemism; however, in our opinion, they describe similar characteristics of the phenomenon under study, thereby duplicating the content components of each other, such as semantic ambiguity and indirection of the name. It is also important to add that the fulfillment of all conditions or, in our case, compliance with all the necessary features at the same time makes the implementation of the selection of clear criteria impossible. To solve these problems, we suggest to turn to the foundations of mathematical logic, namely, to the concept of necessary and sufficient conditions as types of conditions that ensure the implementation of a euphemism. According to V. G. Boltyanskiy, “a necessary condition is a sign, and a sufficient condition is a property” [4]. That is, the entire list of signs necessary for a lexical unit to be a euphemism can be narrowed down to a sufficient number of conditions to be considered as such. In contrast to the necessary conditions, sufficient conditions (properties) may contain significantly fewer "requirements" necessary for a lexical unit to be considered a euphemism. Despite the epistemological pessimism regarding the objectively unambiguous interpretation of the notion of “property” [37], in our work, it is the philosophical potential of the notion PROPERTY that is able to provide a logical explanation of the system-structural organization of the euphemism (through a set of essential features, characteristics and properties that give it definiteness). Properties characterize the features of the cognitive sphere of an object, thereby determining the difference between some objects from others, without leading to a paradox.

Basic properties of euphemisms

Taking into account the above-mentioned characteristics, we suppose that in order for a lexical unit to have the status of a euphemism, it is necessary to implement three sufficient conditions for a minimum, i.e., a lexical unit must have certain properties, namely: *denotative amelioration*, which corresponds to the basic property of euphemism of a subjective, formal "emendation" of denotatum, improvement of meaning; *semantic contensivity* (strategy of morpho-syntactic coding with a transition from meaning to form), which corresponds to the basic property of veiling, “expression with a hint”, semantic

ambiguity, semantic reduction; and *information traduction* (a property of a transferred characteristic), which reflects such a basic property of a euphemism as reliability, preservation of the truth and information content of the original concept. The basic properties of a euphemism can be explicated through various elements that represent lexemes, words, phrases, which in various conditions and in their own contexts can form complex figurative structures, such as a paraphrase, antithesis, metaphor.

Denotative amelioration

Denotative amelioration, a property that directly relates to the conceptsphere, the nuclear component of which is the denotatum, while the peripheral layer is represented by a connotative diversity and concerns everything “that we know about the object” [27, p. 40]. In our opinion, it is in the conceptsphere, a mental basis for designating the totality of knowledge and ideas about a specific extra-linguistic phenomenon in the human mind where the individual’s ideas about the facts of reality are formed and verbalized; these depend on the individual’s education (collective knowledge) and experience (individual knowledge), i.e., on the individual’s knowledge, images, and associations that are evoked in consciousness in connection with a particular concept.

Analyzing the patterns and sequence of transformations of denotative information necessary to create a euphemism, we base our assumptions on the scientific views and ideas of V.N. Telia, more precisely, on her reflections on the ways of categorizing and conceptualizing knowledge in language [27; 28]; on the ideas about the synonymous subjectivation of concepts in different cultures, which causes different denotative descriptors [24]; on the analysis of the features of the semantic-cognitive concept of language through the correlation of semantic processes with cognitive ones [22]; as well as on the views of modern authors who develop the idea that “the increment of new meanings is associated with the complication of the semantic structure of the linguistic unit” [20] due to the enhancement of imagery (metaphor, metonymy), the basis of which is “a mental image transmitted into the recipient’s mind network” [10, p. 87], which also depends on the main mythologemes of a particular linguistic culture and models of their explication,

reflecting value orientations. So, these are the theoretical foundations, on which we build our hypothesis of the organization of the cognitive space of the euphemism.

According to the scientists, in order for a linguistic unit to become a euphemism, one requires the so-called “formal improvement of the denotatum” [25], i.e., transformation of a number of conceptual features (focus shift [23] included in the denotative basis, in other words, the display of the elements of the denotative basis (in whole or in part) in the derived invariant (euphemism); moreover, the quality level of the euphemistic potential of the linguistic unit “depends on the location of the negative component in archiseme, hyposeme, or on the periphery of meaning” [30, p. 454] and on the degree of realization (explication) of the basic properties of an intellectual object, euphemism [18].

The transformation of the denotative basis within the framework of euphemistic reconsideration, in our opinion, consists in the degree of preservation of the connection between the euphemism and the primary denotatum, while the secondary meaning (euphemism is a unit of secondary nomination), in the terms of M. Heidegger, is rooted in the primary pre-understanding [34]. Endowing the referent (which is undesirable to be called directly) a secondary meaning, the individual independently determines and chooses the degree of reflection (pre-understanding) of the primary meaning in the new (secondary) meaning, or its absence. As an example, we suggest to consider the concept of TRAMP, where the elements of the set of the conceptual environment will have a conventional sequence, namely: nuclear components, components of the near and far periphery. Having analyzed the content of etymological, encyclopedic and explanatory dictionary entries [36; 38; 39], we have identified the following nuclear components that form the denotative basis of the concept of TRAMP: no home, no money, no work; aimless movement on foot, acts of begging and crime (prostitution, drug addiction, etc.). This set is not constant and potentially infinite.

Bijjective type of denotative amelioration

The first model we have outlined is based on combining the maximum number of focal components of the denotatum, activated by the meanings of the euphemistic unit. Such a model of denotative transformations found in the theory of euphemia is bijjective in nature,

demonstrating a one-to-one correspondence of the elements of the original denotatum and the derived form. The features of this model can be considered using the following examples: *Who's gonna believe what a little tramp writes to herself? He lives in the mountains now, like a vagabond. He eats like a vagrant and dresses like a barber.* As can be seen from the definitions, all the components of the denotative basis of the concept of TRAMP coincide: **tramp**, *a person with no home or job who travels from place to place, usually asking people in the street for food or money* [38];

vagabond, *who wanders from place to place and has no home or job* [32];

vagrant, *a person with no home or job who travels from place to place, usually asking people in the street for food or money* [38].

Being coreferent, the objects of such a euphemistic renaming belong to the same denotative class, but the type of such semantic relations can be presented rather as synonymous than euphemistic, since we are not talking about a sign transformation (a kind of “improvement”), which contradicts one of the main features of a euphemism, namely, “formal improvement of the denotatum” [19; 20; 25; 26]. An analysis of the model we have considered allows us to conclude that such a model is equivalent to the simplest and most easily deduced form of euphemism, since it demonstrates the greatest degree of similarity between denotative and derived (euphemistic) meanings. The more coincidences are found among the focal components of the denotatum and the components representing those meanings of the lexical unit that are realized in the euphemism, the less denotative transformations are detected when decoding the meaning of the euphemism, which, in turn, indicates the actual absence of the ameliorative effect.

As the complexity increases, the models demonstrate more significant denotative transformations (for example, the transformation affects the structure of the focal components involved in the formation of a euphemism), which contributes to a more radical pre-reformatting and a change in the euphemistic meaning. A special place in such transformations is occupied by the cognitive operations of analogy and polarization, generalization, de-perspectivization, etc., which an individual resorts to purposefully (implementing pragmatic strategies) when transforming one of the focal components of the denotatum. Such cognitive operations are based on imagery and metaphorization, which

allows this imagery to be presented as part of the emerging meaning of a euphemism and then to be verbalized in one of the figures of speech classified as a trope by the language system.

Injective type of the denotative amelioration

The second model of denotative transformations, within the framework of the euphemistic rethinking of the picture of the world, can be called *injective*, when at least one component of the denotative basis is “reflected” in the euphemism; this is a type of relationship which highlights non-obvious features of the object-oriented paradigm, but at the same time a visible connection with the denotative core is preserved.

For example, one of the nuclear components of the concept of TRAMP, ‘no home’ can be taken into consideration. From the point of view of psychological research, a dwelling is a space of special significance, and an individual matches everything that happens inside this space up and seeks to control it by themselves. And, despite the rather neutral wording in the dictionary entry, *the place where one lives permanently, especially as a member of a family or household* [38], the denotatum of this concept evokes mainly positive emotions. Accordingly, within the framework of the euphemistic transformation, any reference to the concept of HOUSE will “improve” the denotatum of the concept of TRAMP and have a positive meaning.

(1): *Prolonged periods of **rough sleeping** have a significant impact on someone's mental and physical health. The longer someone experiences rough sleeping for, the more likely it is they will develop additional mental and physical health needs* [41].

The expression *rough sleepers* appeals to the idea of home comfort associated with sleep, but *rough* – *hard*, *coarse* – indicates its absence.

(2): *Precise numbers for the homeless youth population are not known because young people are highly mobile and many **couch-surf** among relatives and friends, stay out on the streets or return home*[35]. Expression ‘couch surf’ [38] contains the idea of a free overnight stay in an impromptu home-like place.

(3): We see people '*experiencing homelessness*', and use the phrase '*moving through homelessness*' and '*experiencing homelessness*' as much as possible, as it's more accurate [40].

(4): Homeless and **vulnerably housed** individuals often have worse health outcomes because they have less access to health and social services compared to those in stable housing conditions. [English online. URL: <https://english-grammar.biz>]. Expressions such as 'experiencing homelessness' and 'moving through homelessness' focus on the temporal course of events, as they carry a time limit in their semantic meaning that has a positive connotative meaning of relative heroism and endurance. So, if someone is experiencing difficulties now, then it probably has a deadline and deserves credit for being resilient in difficult situations. The softening of the initial denotatum occurs due to the metonymic transfer.

The model under consideration takes into account structural changes in the focal features of the primary denotatum (for example, the undesirable feature of absence of a home is neutralized by a feature expressed by the description of problems associated with housekeeping), which contributes to the creation of a new, more complex, euphemistic meaning, the reproduction and understanding of which is a creative task and may require additional cognitive effort, as well as cause difficulties for the interpreter.

Counter-referential type of denotative amelioration

The conditions for the formation of a euphemism, when the logically deducible connection between the primary denotative meaning and the derived euphemistic invariant, the so-called *counter-referential type* of relations, has been lost, are equated with antonymic ones and serve as an example of the third model of denotative transformations within the framework of euphemistic transformations. The third model we have identified assumes that, when combined in one context, focal features go back to different denotata, which leads to the emergence of a new, third meaning, and the generation of new knowledge based on existing concepts <...> can be considered as processes of "conceptual derivation" [29, p. 39]. Accordingly, with the interaction of focal features by the type of conceptual

integration, a new meaning is formed, which incorporates the features of the often opposite initial denotata. This statement can be clarified with the following example.

(5): *It all started with a discussion on what 'home' really means, says Clara Pinsky, senior program manager for **Skywatchers** – a growing arts nonprofit that aims to help Tenderloin residents find and project their voices on personal, local and national issues through regular group discussions and artistic performances [40].* The meaning of the lexical unit 'Skywatcher' or 'stargazer' refers to the profession of an astronomer, whose direct occupation is observing the sky. Also, this definition can be used in relation to those people who, in a romantic setting, spend the night in the open, watching the stars. As can be seen from the example, the substitution of the notion of 'stargazers' for the notion of 'homeless' is ironic, if not derogatory, since the reasons that prompted them to look at the stars at night are different. Covering up the social problem by appealing to romantic acts cannot be humane, which violates the basic philosophical principle of euphemia.

(6): *Let the blow fall soon or late,*

Let what will be o'er me;

Give the face of earth around,

And the road before me.

Wealth I ask not, hope, nor love,

Nor a friend to know me.

All I ask, the heaven above

And the road below me. (R.L. Stevenson. The Vagabond)

The expression 'Give the face of earth around' performs a metaphorical transfer based on the socio-communicative characteristics associated with the notion of a vagrant, namely, this is a person who does not need to communicate with people; instead, he feels himself sufficiently supported by the road on which he is going, and by the 'face of the earth'. This image, in close proximity to the discussion of friendship, gives a glimpse of the Earth as a living being with personality and soul that looks like a tramp's friend. In this example, the cognitive potential of the euphemism is enhanced by the highly imaginative metaphor, which might make interpretation difficult. "As a result, the abstractness and generality inherent in the language system acquire a single concreteness, characteristic and relevant

for its speech functioning. At the same time, we propose to consider cognitive structures as intermediate predication, providing the semantic variability of the sign in the language field” [11, p. 26].

As can be seen from the above model, the result of the interaction of focal features set by different denotata is the formation of a new mental space that integrates the characteristics of the original concept and its connotative components, as a result of which this model demonstrates a relatively high degree of imagery and, as a consequence, context dependence, which can lead to certain difficulties in decoding a euphemism with such parameters and may require additional (political, historical, economic, etc.) knowledge. It is important to consider that within the semantic space such units can be distinguished and grouped, the values of which fix separate sides of the same natural object, information about which is fixed in the meaning of the set units in the form of a certain denotative component

CONCLUSION

Based on the foregoing, we can conclude that a euphemism, being a means of categorizing the world, allows not only to systematize ideas about the surrounding reality, but also to characterize the object itself, expressing the author's attitude while choosing a feature/features (general and deviant) and the structural complexity of its transformation, to which the focus of attention will be shifted in the process of euphemistic reconsideration of the world. The selection of semantic zones or semantic fields can be carried out by combining several denotative classes, if the name assigned to each of them objectively contains a feature that indicates their commonality.

Such a property of a euphemism as denotative amelioration (neutralization of pejorative signs of a denotatum) is a unique cognitive property that characterizes the specific activity of cognitive processes and human abilities, thereby ensuring the difference between euphemism and other forms of knowledge objectification. We also see the prospect of a linguo-cognitive study of euphemism in an in-depth analysis of the other basic properties of euphemism that we have singled out: semantic contensivity (strategy of morphosyntactic coding with a basic transition from meaning to form), which corresponds to the basic features of veiling, ‘expression with a hint’ semantic indeterminacy, semantic reduction and

information traduction (a property of a transferred feature), which corresponds to such a basic feature of euphemism as reliability, preservation of the truth and informativity of the original concept.

By the totality of its characteristics, euphemism can be considered a mental unit, since, being a nominative means, albeit of the second order, it participates in the processes of reflection and interpretation of reality, purposefully and uniquely objectifying the concept. Further study of the essence and properties of euphemism from the standpoint of cognitive linguistics will allow to determine the role and place of euphemism in the processes of conceptualization and categorization of the world.

References

1. Aleksikova Yu. V. *Kognitivnye Osnovy Formirovaniya Evfemizmov v Sovremennom Angliiskom Yazyke* [Cognitive Bases of Euphemism Formation in the Modern English Language]. *Voprosy Kognitivnoi Lingvistiki*, 2010, no. 3 (24), pp. 126–132.
2. Akhmanova O. S. *Slovar' Lingvisticheskikh Terminov* [A Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 256 p.
3. Boldyrev N. N., Aleksikova Yu. V. *Kognitivnyi Aspekt Evfemizatsii* [Cognitive Aspect of Euphemisation in the English Language]. *Voprosy Kognitivnoi Lingvistiki*, 2010, no. 2 (23), pp. 5–11.
4. Boltyanskii V. G., Sidorov Yu. V., Shabunin M. I. *Leksii i Zadachi po Elementarnoi Matematike* [Lectures and Problems on Elementary Mathematics]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 592 p.
5. Vavilova L. N. *K Voprosu ob Evfemizatsii Sovremennoi Russkoi Rechi* [On the Euphemization of Modern Russian Speech]. *Russkaya i Sopostavitel'naya Filologiya. Sistemno-Funktsional'nyi Aspekt*. Kazan: Kazan University Publ., 2003, pp. 40–44.
6. Widlak S. *Problema Evfemizma na Fone Teorii Yazykovogo Polya* [The Problem of Euphemism against the Background of the Theory of the Language Field]. *Etimologiya*. 1965. Moscow: Nauka Publ., 1967, pp. 267–285.
7. Gal'perin I. R. *Ocherki po Stilistike Angliiskogo Yazyka* [Essays on Stylistics of the English Language]. Moscow: Izdatel'stvo Literatury na Inostrannykh Yazykakh Publ., 1958. 459 p.
8. Gasparov M. L. *Perifraz* [Periphrasis]. *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya*. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/119760/> (accessed 23 August 2021).
9. Dem'yankov V. Z. *Freim* [Frame]. *Kratkii Slovar' Kognitivnykh Terminov* (ed. by E. S. Kubryakova). Moscow: Filologicheskii fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova Publ., 1996, pp. 187–189.
10. Zubkova O. S. *Spetsifika Funktsionirovaniya Meditsinskoi Metafor i Meditsinskoi Metafor-Termina v Individual'nom Leksikone* [The Specificity of Functioning of Medical Metaphor and Medical Metaphor-Term in Individual Lexicon]. *Voprosy Kognitivnoi Lingvistiki*, 2006, no. 3 (8), pp. 84–89.
11. Zubkova O. S. *Funktsionalnaia Relevantnost Kontekstualnoi, Sotsialnoi, Institutsionalnoi i Ideologicheskoi Oznachivaiushchikh Praktik (Popytka Rasshireniia Poniatiiinogo Apparata)* [Functional Relevance of Contextual, Social, Institutional and Ideological Signifying Practices]

- (An Attempt to Expand the Conceptual Apparatus)]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2013, no. 2 (14), pp. 23–33.
12. Katsev A. M. *Evfemizmy v Sovremennom Angliiskom Yazyke: Opyt Sotsiolingvisticheskogo Opisaniya*: Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Euphemisms in Modern English: An Experience of Sociolinguistic Description. Thesis]. Leningrad, 1977.
 13. Katsev A. M. *Yazykovoe Tabu i Evfemiya* [Language Taboo and Euphemia]. Leningrad, LGPI Publ., 1988. 80 p.
 14. Kovshova M. L. *Semantika i Pragmatika Evfemizmov. Kratkii Tematicheskii Slovar'* [Semantics and Pragmatics of Euphemisms. Brief Thematic Vocabulary]. Moscow: Gnozis Publ., 2007. 318 p.
 15. Kovshova M. L. *Evfemizmy i Frazelogizmy: Ustoichivye Struktury v Aspekte Evfemizatsii* [Euphemisms and Phraseological Units: Frozen Structures from the Standpoint of Euphemisation]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya: Russkaya Filologiya*, 2019, no. 4, pp. 35–48. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-35-48.
 16. Krysin L. P. *Evfemizmy v Sovremennoi Russkoi Rechi* [Euphemisms in Modern Russian Speech]. *Russkii Yazyk Kontsa XX Stoletiya (1985-1995)* (ed. by E.A. Zemskaya). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1996, pp. 384–408.
 17. Kuzhim G. G. *Universal'nyi Lingvisticheskii Zakon Triady. Melioratsiya i Deterioratsiya v Sovremennom Angliiskom i Russkom Yazykakh. Yavlenie Evfemii v Svete Zakona Triady*: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk [The Universal Linguistic Law of the Triad. Amelioration and Deterioration in the Modern English and Russian Languages. The Phenomenon of Euphemia in the Light of the Law of the Triad. Abstract of Thesis]. Krasnodar, 2003.
 18. Logvina S. A. *Realizatsiya Evfemisticheskogo Potentsiala Leksicheskoi Edinitsy v Ramkakh Relyatsionnoi Modeli* [Manifestation of the Euphemistic Potential of a Lexic Unit in the Framework of a Relational Model]. *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya*, 2020, no. 4 (67), pp. 31–43. DOI: 10.26456/vtfilol/2020.4.031.
 19. Nikitina A. M. *Evfemizmy v Rechi Uchitelya Kak Sredstvo Garmonizatsii Pedagogicheskogo Diskursa*: Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Euphemisms in the Teacher's Speech as a Means of Harmonizing Pedagogical Discourse. Thesis]. Moscow, 2015.
 20. Nikitina V. V. *Problema Razgranicheniya: Znachenie vs Smysl vs Ponyatie vs Kontseptkak Metayazyk Opisaniya Semanticheskoi Struktury Yazykovogo Znaka* [Problem of Differentiation: Meaning vs Idea vs Notion vs Concept as Meta-Language to Describe Semantic Structure of Linguistic Sign]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, no. 13 (6), pp. 238–242.
 21. Norman B. Yu. *Evfemizmy v Istorii i v Sovremennom Obshchestve* [Euphemisms in History and in the Modern Society]. *Russkii yazyk*, 2011, no. 9 (608), pp. 4–5.
 22. Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-Kognitivnyi Analiz Yazyka* [Semantic-Cognitive Analysis of Language]. Voronezh: Istoki Publ., 2007. 250 p.
 23. Porokhnitskaya L. V. *Kontseptual'nye osnovaniya evfemii v yazyke*: Avtoref. Dis. ... Doktora Filol. Nauk [Conceptual Foundations of Euphemia in Language. Abstract of Thesis]. Moscow, 2014.
 24. Prikhod'ko A. N. *Kontsepty i Kontseptosistemy* [Concepts and Concept Systems]. Dnepropetrovsk: Belaya Publ., 2013. 307 p.
 25. Senichkina E. P. *Evfemizmy v Prizme Tekstovoi Real'nosti* [Euphemisms in the Light of Textual Reality]. Available at: <http://www.rusinst.uni.lodz.pl/pliki/Konferencja/Sieniczkina%20E.pdf>. (accessed 23 August 2021).
 26. Solodilova I. A., Sokolova T. Yu. *Kriterii Identifikatsii Evfemizmov* [Euphemism Identification Criteria]. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2017, no. 11 (211), pp. 73–78.

27. Teliya V. N. *Vtorichnaya Nominatsiya i Ee Vidy* [Secondary Nomination and Its Types]. *Yazykovaya Nominatsiya (Vidy Naimenovaniya)*. Moscow: Nauka Publ., 1997, pp. 129–221.
28. Teliya V. N. *O Fenomene Vosproizvodimosti Yazykovykh Vyrashenii* [On the Phenomenon of the Reproducibility of Linguistic Expressions]. *Yazyk, Soznanie, Kommunikatsiya*. Moscow: MAKSPress Publ., 2005, pp. 4–42.
29. Teliya V. N. *Konnotativnyi Aspekt Semantiki Nominativnykh Edinit* [The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 141 p.
30. Uvarova E. A. *Semanticheskii Mekhanizm Evfemizatsii* [Semantic Mechanisms of Euphemisms]. *Izvestiya Tul'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*, 2010, no. 2, pp. 452–460.
31. Shcherbinina Yu. V. *Verbal'naya Agressiya* [Verbal Aggression]. Moscow: KomKniga Publ., 2006. 355 p.
32. Collins Online Dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com>. (accessed 19 August 2021).
33. Dilts R. *Sleight of Mouth: The Magic of Conversational Belief Change*. Capitola: Meta Publications, 1999. 350 p.
34. Heidegger M. *Being and Time*. Translated by J. Macquarrie & E. Robinson. Oxford: Blackwell, 2001. Available at: https://kupdf.net/download/heidegger-being-and-time_58e7e4e9dc0d607b48da97e1_pdf. (accessed 19 August 2021).
35. Navarro M. *Housing Homeless Youth Poses Challenge for Mayor de Blasio*. The New York Times. March 27, 2015. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/03/28/nyregion/housing-homeless-youth-poses-challenge-for-mayor-de-blasio.html?module=inline>. (accessed 19 August 2021).
36. Online Etymology Dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com>. (accessed 21 August 2021).
37. Orilia F., Paoletti M. P. Properties. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/properties/>. (accessed 21 August 2021).
38. Oxford English Dictionary. Available at: <https://www.oed.com/>. (accessed 21 August 2021).
39. Oxford Learners' Dictionary. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. (accessed 21 August 2021).
40. Park J. Is 'Homeless' the Right Word for Those Living on the Street? Available at: <https://hoodline.com/2016/12/is-homeless-the-right-word-for-those-living-on-the-street/>. (accessed 21 August 2021).
41. Rough Sleepers and Complex Needs. Available at: <https://www.crisis.org.uk/ending-homelessness/rough-sleeping/rough-sleepers-and-complex-needs/>. (accessed 21 August 2021).
42. Supportive Housing Helps Vulnerable People Live and Thrive in the Community. . Available at: <https://www.cbpp.org/research/housing/supportive-housing-helps-vulnerable-people-live-and-thrive-in-the-community/>. (accessed 21 August 2021).

Список литературы

1. Алексикова, Ю. В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке [Текст] / Ю. В. Алексикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 3(24). – С. 126–132.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 256 с.

3. Болдырев, Н. Н. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) [Текст] / Н. Н. Болдырев, Ю. В. Алексикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2(23). – С. 5–11.
4. Болтянский, В. Г. Лекции и задачи по элементарной математике [Текст] / В. Г. Болтянский, Ю. В. Сидоров, М. И. Шабунин. – Москва: Наука, 1971. – 592 с.
5. Вавилова, Л. Н. К вопросу об эвфемизации современной русской речи [Текст] / Л. Н. Вавилова // Русская и сопоставительная филология: Системно-функциональный аспект. – Казань, 2003. – С. 40–44.
6. Видлак, С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля [Текст] / С. Видлак // Этимология. 1965. – М.: Наука, 1967. – С. 267–285.
7. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
8. Гаспаров, М. Л. Перифраз [Текст] / М. Л. Гаспаров // Большая Советская энциклопедия. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/119760/>. – (Дата обращения: 23.08.2021).
9. Демьянков, В. З. Фрейм [Текст] / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – Москва: Издательство Московского государственного университета, 1996. – С. 187–189.
10. Зубкова, О. С. Специфика функционирования медицинской метафоры и медицинской метафоры-термина в индивидуальном лексиконе [Текст] / О. С. Зубкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №3 (8). – С.84–89.
11. Зубкова, О. С. Функциональная релевантность контекстуальной, социальной, институциональной и идеологической означающих практик (попытка расширения понятийного аппарата) [Текст] / О. С. Зубкова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2 (14). – С. 23–33.
12. Кацев, А. М. Эвфемизмы в современном английском языке (Опыт социолингвистического описания.) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. М. Кацев. – Ленинград, 1977. – 190 с.
13. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия [Текст] / А. М. Кацев. – Ленинград: ЛГПИ, 1988. – 80 с.
14. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов [Текст] / М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 318 с.
15. Ковшова, М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации [Текст] / М. Л. Ковшова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 4. – С. 35–48. – DOI 10.18384/2310-7278-2019-4-35-48.
16. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / ответственный редактор Е.А. Земская. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 384–408.
17. Кужим, Г. Г. Универсальный лингвистический закон триады. Мелиорация и детериорация в современном английском и русском языках. Явление эвфемии в свете закона триады [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Г. Г. Кужим. – Краснодар, 2003. – 28 с.
18. Логвина, С. А. Реализация эвфемистического потенциала лексической единицы в рамках реляционной модели [Текст] / С. А. Логвина // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2020. – № 4 (67). – С. 31–43.
19. Никитина, А. М. Эвфемизмы в речи учителя как средство гармонизации педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 13.00.02 / Никитина А. М. – Москва, 2015. – 214 с.
20. Никитина, В. В. Проблема разграничения: значение vs смысл vs понятие vs концепт как метаязык описания семантической структуры языкового знака [Текст] / В. В. Никитина //

- Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 238–242. – DOI 10.30853/filnauki.2020.6.45.
21. Норман, Б. Ю. Эвфемизмы в истории и в современном обществе [Текст] / Б. Ю. Норман // Русский язык. – 2011. – № 9 (608). – С. 4–5.
22. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Воронеж: Издательство Истоки, 2007. – 250 с.
23. Порохницкая, Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст]: 10.02.19, 10.02.20 / Л. В. Порохницкая. М., 2014. – 45 с.
24. Приходько, А. Н. Концепты и концептосистемы [Текст] / А. Н. Приходько. – Днепропетровск: Белая Е.А., 2013. – 307 с.
25. Сеничкина, Е. П. Эвфемизмы в призме текстовой реальности [Электронный ресурс] / Е. П. Сеничкина. – Режим доступа: <http://www.rusinst.uni.lodz.pl/pliki/Konferencja/Sieniczka%20E.pdf>. – (Дата обращения: 23.08.2021).
26. Солодилова, И. А. Критерии идентификации эвфемизмов / И. А. Солодилова, Т. Ю. Соколова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 11(211). – С. 73–78.
27. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды [Текст] / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.
28. Телия, В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений [Текст] / В. Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация. – М.: ООО «МАКС Пресс», 2005. – С. 4–42.
29. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
30. Уварова, Е. А. Семантический механизм эвфемизации [Текст] / Е. А. Уварова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 452–460.
31. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия [Текст] / Ю. В. Щербинина. – М.: URSS, 2006. – 355 с.
32. Collins Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com>. – (Дата обращения: 19.08.2021).
33. Diltz, R. Sleight of Mouth: The Magic of Conversational Belief Change [Текст]. – Capitola: Meta Publications, 1999. – 350 p.
34. Heidegger, Martin. 2001. Being and Time [Электронный ресурс] / Translated by J. Macquarrie & E. Robinson. – Oxford: Blackwell. – Режим доступа: https://kupdf.net/download/heidegger-being-and-time_58e7e4e9dc0d607b48da97e1_pdf. – (Дата обращения: 19.08.2021).
35. Navarro M. Housing Homeless Youth Poses Challenge for Mayor de Blasio [Электронный ресурс] // The New York Times. – March 27, 2015. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2015/03/28/nyregion/housing-homeless-youth-poses-challenge-for-mayor-de-blasio.html>. – (Дата обращения: 19.08.2021).
36. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com>. – (Дата обращения: 21.08.2021).
37. Orilia, F., Paoletti, M. P. Properties [Электронный ресурс] // TheStanfordEncyclopediaofPhilosophy. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/properties/#:~:text=Properties%20are%20those%20entities%20that,characteristics%20types>. – (Дата обращения: 21.08.2021).
38. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oed.com/>. – (Дата обращения: 21.08.2021).
39. Oxford Learners' Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – (Дата обращения: 21.08.2021).

40. Park J. Is 'Homeless' the Right Word for Those Living on the Street? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hoodline.com/2016/12/is-homeless-the-right-word-for-those-living-on-the-street/>. – (Дата обращения: 21.08.2021).
41. Rough Sleepers and Complex Needs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crisis.org.uk/ending-homelessness/rough-sleeping/rough-sleepers-and-complex-needs/>. – (Дата обращения: 21.08.2021).
42. Supportive Housing Helps Vulnerable People Live and Thrive in the Community. . Available at: [https://www https://www.cbpp.org/research/housing/supportive-housing-helps-vulnerable-people-live-and-thrive-in-the-community/](https://www.cbpp.org/research/housing/supportive-housing-helps-vulnerable-people-live-and-thrive-in-the-community/). (accessed 21 August 2021).

СУЩНОСТЬ И СВОЙСТВА ЭВФЕМИЗМА С ПОЗИЦИИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Логвина С. А.

В статье рассматриваются уникальные свойства эвфемизма с позиции когнитивной лингвистики, которые характеризуют специфическую деятельность познавательных процессов и способностей человека, тем самым обеспечивая отличие эвфемизма от других форм объективации знаний. Актуальность риторики в данной работе соответствует предположению о том, что для того, чтобы лексическая единица имела статус эвфемизма необходима реализация трех минимально достаточных условий, т.е. лексическая единица должна обладать определенными свойствами, а именно: денотативной амелиорации, семантической контенсивности (стратегия морфосинтаксического кодирования с базовым переходом от значения к форме) и информационной традукции (свойство переносимого признака). В частности, в рамках статьи автор рассматривает одно из базовых свойств эвфемизма, определяющим его статус, а именно денотативную амелиорацию, что соответствует базовому признаку эвфемизма – субъективное, формальное «улучшение» денотата, улучшение значения. Денотативная амелиорация (нейтрализация пейоративных признаков денотата), является уникальным когнитивным свойством, характеризующим специфическую деятельность познавательных процессов и способностей человека, особым образом объективировать знания. В результате проведенного анализа эмпирического материала, где способы вербализации эвфемизма была рассмотрена с точки зрения одного из основных свойств эвфемизма – денотативной амелиорации, были выделены три ключевые лингвокогнитивные модели, отображающие преобразование денотативной основы в рамках эвфемистического переосмысления картины мира: по биективному типу, инъективному и контрреферентному типу семантических отношений.

Ключевые слова: эвфемизм, свойства эвфемизма, когнитивная лингвистика, денотативная основа, метафоризация, когнитивные модели, эвфемистическое переосмысление.

УДК 81'373.47

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТАНГО»:
МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ТАНЦА В МЕДИАДИСКУРСЕ 2011–2021 гг.¹**

Сегал Н. А., Мищенко А. Н.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: anutik-anutik18@mail.ru*

В статье исследуется метафорический образ танца на примере конструкции «политическое танго» в медиатекстах 2011–2021 гг. Цель работы – определить семантико-прагматический потенциал метафоры танца, активно функционирующей в текстах русскоязычных СМИ за период 2011–2021 гг. Анализ медиатекстов позволяет сделать вывод о том, что одним из ярких примеров употребления метафоры танца в массмедийных текстах является конструкция «политическое танго». Полнота восприятия и интерпретации танцевальной метафоры подтверждается тем, что в медиапространстве реализуется не только сочетание «политическое танго», но и другие единицы, создающие метафорический образ танца. Анализ корпуса контекстов позволил сделать вывод, что при реализации в медиатекстах наиболее значимыми является синтагма «в ритме танго», фразеологический оборот «для танго нужны двое», прецедентная метафора «танго втроем». Наиболее активными при реализации в текстах СМИ метафоры «танго» являются интегральные семы 'сомнение', 'взаимодействие', связанные с распределением ролей в политической борьбе. Представленные конструкции обладают широким трансформационным потенциалом и транслируются на корпус массмедийных политических текстов, отражая особенности современной социально-политической реальности. Таким образом, при моделировании политических событий метафора танца является важной составляющей современной медиареальности и ценным источником манипуляции.

Ключевые слова: метафора, политическая метафора, танцевальная метафора, политическое танго, медиадискурс

ВВЕДЕНИЕ

Танец неразрывно связан с музыкой, эмоционально-образное содержание которой находит свое воплощение в его хореографической композиции, движениях, фигурах. Употребление метафоры танца «танго» в политическом дискурсе носит достаточно экспрессивный характер. Танго является аргентинским народным танцем, весьма эмоциональным и страстным.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31072.

Цель работы – определить семантико-прагматический потенциал метафоры танца, активно функционирующей в текстах русскоязычных СМИ за период 2011–2021 гг.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В текстах масс-медиа метафора танца «танго» употребляется для описания характера протекания какого-либо важного государственного события: *Политическое танго: куда поведёт Аргентину Маурисио Макри?* (Око планеты, 30.11.2015); *Политическое танго: неожиданный поворот аргентинских выборов* (Новое время, 16.11.2015); *Политическое танго. Чем грозит России смена власти в Аргентине?* (Агентство бизнес-новостей, 27.10.2015). В приведенных примерах актуализируется сема 'сомнение'. Мы видим, что метафора танца **танго** меняет первичное восприятие политических событий, подчеркивая характер непредсказуемости, так как **танго** по своей структуре – танец свободной композиции.

Употребление синтагмы «**в ритме танго**» обозначает быструю смену событий или ускоренную реакцию: *«Грузинская мечта» и оппозиция разошлись в ритме танго* (Эхо Кавказа, 04.03.2021); *Латиноамериканский вояж Обамы: перезагрузка в ритме танго* (Риа Новости, 24.03.2016); *Интеграция в ритме танго. Новое политическое руководство Аргентины видит Россию в качестве ключевого партнера для развития взаимовыгодной интеграции на мировой арене* (Журнал «Международная жизнь», 13.04.2016); *Латиноамериканский вояж Обамы: перезагрузка в ритме танго* (РИА Новости, 25.03.2016); *Выборы в ритме танго* (Наша Нева, 11.10.2015). Интересным является появление в метафорической конструкции танцев других стран, например, Кубы и Испании, что свидетельствует о повышении экспрессивности текстовой информации и усилении этого значения: *Российское оружие двинется в ритме танго и мамбо* (Mignews, 21.11.2008); *В ритме танго, или Изнурительное движение к демократии. Знатки страстных танцев знают, перед тем как танцевать пасадобль, лучше овладеть танго (пасадобль более быстрый танец, чем танго). И пока «сверху» делают неудачные па*

«ленинского» **танго**, «снизу» вот-вот начнут танцевать **пасодобль** (Газета «День», 08.02.2010). В последнем контексте отображается высокая степень сложности перехода к демократическому строю, через расширение метафорической конструкции, в которой наблюдается сравнение двух видов танца, где танго уступает по сложности другому. В текстах масс-медиа расширение метафорической конструкции наполняет информацию дополнительными имплицитными смыслами.

Приведем отрывок интервью из статьи: «*Российский дипломат: **танго нужно танцевать вместе***» (DELTA, 13.03.2008). Российский дипломат сравнивает отношения между двумя странами-соседями с **танго** – парным танцем, требующий синхронности движений, гибкости, импровизации и взаимопонимания. Метафора танца как нельзя лучше передает все те качества, которые необходимы для идеальных дипломатических отношений. Рассмотрим выражение-кальку из английского языка «it takes two to tango» – «*Для танго нужны двое*», под которым понимается «делить ответственность на двоих» либо «для достижения цели необходимо взаимодействие между всеми участниками». Данное значение фразеологизма фиксируется в американском словаре American Heritage Dictionary of Idioms Кристины Аммера (by Christine Ammer, 1992), где отмечается, что выражение вошло в английский язык в 1920-х годах, когда латиноамериканское танго стало популярным в США. Фразеологизм обрел значительную популярность после выхода в 1952 году песни с одноименным названием, которую исполнила популярная джазовая певица Перл Бэйли. Сейчас эта композиция стала классикой, ввиду чего активно используется в текстах СМИ с интегральной семой «взаимодействие»: *Для танго нужны двое: Лавров о саммите Россия-США* (Вести, 09.06.2021); «*Для танго нужны двое*». Как ЕС хочет решать проблемы мигрантов (<https://www.bbc.com>, 26.11.2020); *Новый премьер Польши рассказал о своих планах по Украине: для танго нужны двое* (Главред, 13.12.2017); *Для танго нужны двое: в РФ заявили о готовности к диалогу с НАТО* (<https://ren.tv>, 31.05.2018); «*Для танго нужны двое*» – глава Европарламента заявил об отсутствии энтузиазма Лондона в переговорах с Брюсселем (Око планеты, 26.06.2020).

Лучшим местом для исполнения любого танца, в том числе и *танго*, представляется сцена, которая служит дополнительным инструментом передачи чувств и динамики: *«Танго» на европейской сцене: как России и Европе стать лучшими партнерами? Эксперты рассмотрели перспективы сотрудничества в рамках концепции единого европейского пространства, а также инструменты для преодоления разногласий в контексте текущей геополитической ситуации* (<https://www.ganepa.ru>, 15.01.2020).

Известно, что изначально *танго* исполнялось только мужчинами, а шаги и движения быстро видоизменялись из-за широкой популярности танца, так и в текстах политических СМИ медленное решение вопроса в отношении Северного потока президентом США Джо Байденом получило название *«байденовское танго»*: *«Шаг вперёд – полшага назад» или «байденовское танго» – так можно охарактеризовать недавний манёвр администрации Джо Байдена в вопросе Nord Stream II, являющимся флагманским геополитическим и энергетическим проектом Кремля* (<https://www.polskieradio.pl>, 21.05.2021). Следует подчеркнуть, что согласно этикету *танго* партнеры не могут отступать назад, это правило касается и политики, где нельзя отменить уже принятые решения: *Прибалтийское танго с НАТО. Хоть для всех и стало очевидно, что Россия планов по захвату могучей Польши не вынашивает, а тем более, не собирается высаживать свой десант в Латвии или Литве, чьи «природные богатства» России крайне необходимы. Но шаг на паркет уже сделан. Танец начался. Правило танго вступило в силу – ни шагу назад* (<https://tele-center.ru>, 19.08.2018).

Танго стало популярным танцем благодаря своему ритму и простоте движений, которые мог постигнуть любой желающий, однако в текстах СМИ политики усложняют свой «танец» (сотрудничество) разногласиями и заочными переговорами, что весьма ярко отражено в следующем метафорическом сценарии: *Путин и Трамп танцуют танго сложной хореографии [...]. То, что в данном случае танго танцуется по телефону, ничего не меняет: партнёры показывают сложные па в весьма синхронном исполнении. Всё вместе это наводит на мысль о какой-то*

согласованной или же интуитивно хорошо взаимоулавливаемой **хореографии** (<https://tsargrad.tv>, 13.12.2017).

Танго является парным танцем, который основан на импровизации и «ведении». Этот танец характеризуется четким разделением ролей между партнерами. Один партнёр (как правило, мужчина) является ведущим, другой – ведомым. В масс-медийных текстах сохраняется композиция танца, что свидетельствует о сплоченности и единой целевой установки «партнеров»: *Чем объясняется нынешнее американко-российское «танго» вокруг Сирии. США и Россия придают большое значение масштабному совместному плану, касающемуся сирийского конфликта* (BBC, 25.07.2016); *«Планомерное танго на двоих». Россия и Аргентина* (Политикус, 24.04.2015); *Танго с Россией. Куда ведут антиамериканские комплексы Кремля* (NUCLEARNO, 02.04.2015).

Интересным представляется тот факт, что не всегда в танце, как и в политических отношениях, прослеживается четкое распределение ролей, где преобладает один партнер, а, наоборот, один мешает танцевать второму: *«Как говорят американцы, танго – это танец двоих, но как можно танцевать, если тебя постоянно носят под мышкой?»*, – сказал Борисов, прокомментировав сотрудничество Болгарии и США (<https://teknoblog.ru>, 18.10.2015).

Часто в медиатекстах участниками **танго** становятся политические субъекты, где партнер рассматривается как опора, соратник, на которого можно положиться: *Танго Зеленского с Тимошенко. Будет ли в Раде новая коалиция, а в стране новый премьер. Офис президента пытается обрести еще одну опору в Верховной Раде в лице фракции «Батькивщины»* (Укррудпром, 29.01.2021). В некоторых контекстах **танго** используется как синоним дружбе в политических отношениях, так как оба понятия не могут осуществляться без поддержки: *Дружба – это танго. Танцевать и дружить в одиночку невозможно. К сожалению, этого не понял президент Украины Петр Порошенко, который не нашел времени для участия в церемонии открытия первых в истории Европейских игр в Баку* (<https://haqqin.az>, 13.06.2015). Однако партнер может проявлять неучтивость и лишиться дружбы: *Азербайджан не станет танцевать танго с невоспитанным Порошенко. Петр Порошенко*

неоднократно проявлял неучтивость по отношению к Азербайджану, пишет *Naqin.az*. В довершение всего он проигнорировал церемонию открытия Европейских игр в Баку в отличие от Владимира Путина, который лично на ней присутствовал. Из этого Азербайджану стоит сделать выводы, с кем ему стоит дружить, а с кем – нет, говорится в статье (Телеграф, 14.06.2015).

Употребление прецедентной метафоры **«танго втроем»** апеллирует к известному американскому фильму, в котором сюжетная линия построена на любовных отношениях между тремя молодыми людьми. Расширение участников метафорического танца расширяет ее манипулятивные особенности: **Танго втроем: агрессор Россия, Латвийский бюджет и ВВС** (Экономика сегодня, 01.03.16). Порой, данная метафора обозначает противоборство между партнерами: **Танго втроем: в США Клинтон выиграла праймериз, но Сандерс и Трамп не уступают** (Вести.ру, 08.06.2016); **«Танго втроем»: Трамп, Клинтон и Путин** (Политическое обозрение, 09.09.2016); Ющенко, Тимошенко, Янукович. **Украинское танго втроем** (Телезвезда, 23.08.2018); Постоянные упоминания России и президента РФ Владимира Путина, звучащие со стороны Хиллари Клинтон и Дональда Трампа, делают избирательную кампанию в США похожей на **«танго втроем»**, заявила сегодня официальный представитель МИД РФ Мария Захарова (ФАН, 08.09.2021). Иногда упомянутая метафора используется с адъективом-конкретизатором политического вопроса: **Украинский интерес. Газовое танго втроем, заокеанский Яценюк и гоблинизация Крыма** (Униан, 27.09.2014); **Обама, Путин и Порошенко – телефонное танго втроем** (Вести, 19.04.2016).

В текстах политических СМИ используются и другие сочетания исследуемой единицы **танго** с числительными, обозначающими единство интересов ряда государств в определённом вопросе: **Танго вчетвером. Южнокавказский визит Ангелы Меркель. В первой половине 2018 г. отмечено динамичное развитие торговых отношений Германии с Грузией, Арменией и Азербайджаном** (<http://www.diplomat.am>, 25.08.2018); **По просьбе «Аравота» Ферхет Боратав коснулся армяно-турецких отношений и причин срыва подписания протоколов. Он еще раз повторил озвученную недавно на пресс-конференции в Ереване позицию,**

согласно которой в вопросе армяно-турецких протоколов они **«танцуют танго» не вдвоем, а четвером или даже пятером** (<https://www.aravot-ru.am>, 23.04.2011).

Следует отметить, что **танго** – это танец свободной композиции, для него характерны различные позы и движения, что находит отражение и в политических переговорах, где, как и в **танго**, для гармоничного исполнения требуется понимания потребностей партнера / оппонента: *Итоги переговоров Путина и Лукашенко: танго и cash. Желание денег, любви и поддержки, судя по всему, заставило Александра Лукашенко принимать перед Владимиром Путиным в Сочи самые причудливые позы* (<https://www.dw.com>, 15.09.2020).

Широкий спектр адъективов указывает на характер протекания государственных событий, которые прогнозируют дальнейшее будущее государства или стран-партнеров: *Смертельное танго Москвы и Китая. Союз России с Китаем несет куда более серьезную угрозу Кремлю, чем Западу* (Новое время, 16.07.2015); *Олигархическое танго: как монополии душат Украину. Украинская экономика остается чрезвычайно монополизированной* (Лига .нет, 21.05.2015); *Экономическое танго – Россия и Аргентина заключили соглашения на миллиарды* (Первый канал, 23.04.2015); *Боевое украинское танго* (Полит.ру, 21.02.2018); *Энергетическое «танго» Болгарии трещит по швам* (<https://teknoblog.ru>, 18.10.2015).

В некоторых адъективных сочетаниях подчеркивается парность **танго**, с ироническим оттенком указывается на необходимость партнера: *Премьерское танго: тонуть – так вдвоем. Арсению Яценюку в ближайшее время грозят отставка и временное политическое забвение* (РБК Украина, 30.10.2015).

Употребление пространственных предлогов в метафорической конструкции указывает на образ-локатив, характеризующий политический «дуэт»: *Танго над пропастью: что будет, если Яценюк «кинет» Россию?* (ГенПлан, 31.08.2015).

С когнитивной точки зрения предлоги с пространственным значением служат выражению архетипических символов – сущностей, «которые несут одно и то же или очень сходные значения для большей части, если не для всего человечества», и способны актуализировать в сознании носителей определенные представления об характере пространственных отношений. Кроме вербализации пространственных

отношений, метафорические модели с предложениями пространственной семантики регулярно используются для выражения других метафорических представлений, к которым относится, например, ассоциация времени с пространством.

Объектные предлоги в метафорической модели направлены на объект-цель, который является конкретизатором политической экспансии: *Танго на костях*. Экс-генералу Пукачу же весь этот классический «предвыборный спектакль» тоже предоставляет кое-какие призрачные шансы на «happrend». Возможно, ему удастся тихонько пересидеть информационную бурю в теплой и хорошо охраняемой камере, став на время полновесной «звездой» телевизионного разоблачительного фарса (РИА Новости, 29.09.2009).

Употребление адъективов со значением национальности определяет будущее другого государства: *Русское танго*, или *Европа будет свободной* (Однако, 15.09.2015); *Аргентинское танго* для России закончилось. Новым президентом латиноамериканской страны стал консерватор (Dsnews, 24.11.2015).

Малоактивными в текстах СМИ являются контексты с негативной коннотацией, в которых партнеры используют друг друга во время *танго* (политического сотрудничества): *Танго Путина – Лукашенко*. Протесты в Беларуси вывели отношения Лукашенко и Путина на новый уровень – они все еще пытаются использовать друг друга, вот только теперь Кремль за свои услуги может получить гораздо больше (<http://svop.ru>, 15.09.2020).

Интересными для наблюдения становятся контексты, номинирующие различные виды танцев, включая *танго*, определяющие формат дальнейшего сотрудничества с определенной партией либо политическим лидером: *Вальс, танго или сальса*: у Зеленского еще думают, как танцевать с Тимошенко в Раде. Это ведь не просто ми танцуем вальс с другой партией. Нужно определиться, что мы танцуем: вальс, танго, сальсу или контемпорари и чему это будет посвящено. Чтобы не оказалось, что один партнер танцует танго, а второй вообще на пробежке, – сказал Корниенко [перевод с украинского наш – А. М., Н. С.] (Цензор.нет, 02.02.2021). Таким образом, по мнению автора статьи, формат политического сотрудничества должен быть определен заблаговременно и иметь общую цель без разногласий.

В политических медиатекстах весьма активно используется отрицательная частица НЕ, которая означает отрицание, убеждающее в том, что для достижения взаимопонимания между государствами необходимо участие обеих сторон: *Танго не брейк-данс, нужны двое: Лавров высказался о саммите РФ – США* (Труд, 09.06.2021); *Говорят, для танго нужны двое. Пока ЕС и Украина не на одной танцевальной площадке, оба должны знать шаги друг друга* (<https://m.day.kyiv.ua>, 23.05.2011).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, широкий семантико-прагматический потенциал танцевальной метафоры, в частности метафоры «*политическое танго*» свидетельствует о ее узнаваемости и воспроизводимости в медиатекстах и является ценным источником манипуляции. Освещая проблемы взаимопонимания между лидерами государств, сотрудничества, единства интересов и взглядов на определенный вопрос или решение проблем, элементы метафоры танца реализуются в современных медиатекстах как в исходном, так и в трансформированном виде. Как показал анализ, наиболее активными при реализации в текстах СМИ метафоры *танго* являются интегральные семы 'сомнение', 'взаимодействие', связанные с распределением ролей в политической борьбе. При реализации метафоры танго характерно использование синтагмы «*в ритме танго*» для демонстрации ускоренной реакции на определённые политические события; фразеологического оборота «*для танго нужны двое*», указывающего на взаимодействие между участниками политических событий; прецедентной метафоры «*танго втроем*», построенной на расширении количества участников политических событий. Использование элементов танца (ритм, темп, движение, сцена, партнер, шаги, па) позволяет проследить, как формируется и репрезентируется политическая реальность в медиатекстах посредством танцевальной метафоры.

Список литературы

1. Анисимова А.А. Роль метафоры в структуре политического дискурса [Текст] / А. А. Анисимова // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т. 1. – С. 42–44.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5–32.
3. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. [Текст] / Л. В. Балашова. – М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. – 632 с.
4. Кобозева, И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры [Текст] / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. – Серия 9. – Филология. – № 6. – 2001. – С. 54–60.
5. Сегал Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование [Текст] / Н. А. Сегал. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 248 с.

References

1. Anisimova A.A. *Rol' Metafor v Strukture Politicheskogo Diskursa* [The Role of Metaphor in the Structure of Political Discourse] // *III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: I. A. Boduen de Kurtene i sovremennye problemy teoreticheskogo iprikladnogo yazykoznaniya: trudy i materialy. Kazan': Kazan University Publ., 2006, vol.1, pp.42–44.*
2. Arutyunova N.D. *Metafora i Diskurs* [Metaphor and Discourse] // *Teoriya metafory.* – Moscow, 1990, pp. 5–32.
3. Balashova L.V. *Russkaya Metaforicheskaya Sistema v Razvitii: XI –XXI vv.* [Russian Metaphorical System in Development: XI–XXI Centuries]. Moscow, *Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi: Sign*, 2014. 632 p.
4. Kobozeva I.M. *Semanticheskie Problemy Analiza Politicheskoi Metafori* [Semantic Problems of Political Metaphor Analysis]. *Moscow State University Bulletin*, 2001, vol. 9: Filology, no 6, pp. 54–60.
5. Segal N.A. *Politicheskii Tekst: Metaforicheskoe Modelirovanie* [Political Text: Metaphorical Modeling]. Moscow: Flint Science, 2017. 248 p.

"POLITICAL TANGO":

METAPHORICAL IMAGE OF DANCE IN MEDIA DISCOURSE 2011–2021¹

Segal N.A., Mishchenko A.N.

The article examines the metaphorical image of dance on the example of the construction "political tango" in media texts of 2011–2021. The purpose of the work is to determine the semantic and pragmatic potential of the dance metaphor, which is actively functioning in the texts of the Russian-language media for the period 2011–2021. The analysis of media texts allows us to conclude that one of the striking examples of the use of the metaphor of dance in mass media texts is the

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31072.

construction of "political tango". The completeness of perception and interpretation of the dance metaphor is confirmed by the fact that not only the combination of "political tango" is realized in the media space, but also other units that create a metaphorical image of the dance. The analysis of the corpus of contexts made it possible to conclude that the syntagma "in the rhythm of tango", the phraseological phrase "it takes two to tango", the precedent metaphor "three of tango" are the most significant when implemented in media texts. The most active in the implementation of the metaphor of "tango" in media texts are the integral semes "doubt", "interaction" associated with the distribution of roles in the political struggle. The presented constructions have a wide transformational potential and are transmitted to the corpus of mass media political texts, reflecting the peculiarities of modern socio-political reality. Thus, when modeling political events, the metaphor of dance is an important component of modern media reality and a valuable source of manipulation.

Keywords: metaphor, political metaphor, dance metaphor, political tango, media discourse.

3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 332.146.2:316.4](477.75)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПРОЕКТОВ НА ПРОДВИЖЕНИЕ ИМИДЖА РЕГИОНА

Егорова Л. Г.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: legora @list.ru*

В статье проанализированы особенности конструирования имиджа проекта инициативного бюджетирования как фактора формирования социального имиджа региона. Гражданское общество является залогом успешного государственного развития и формируется в том случае, когда люди мобилизованы для выражения активной жизненной позиции по значимым социальным вопросам и интересам. Одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся инструментов вовлечения общественности в управленческие процессы на сегодняшний день оказывается инициативное бюджетирование, при реализации программ которого местные жители рассматриваются не только как потребители государственных услуг, но и как полноправные участники их производства, способные влиять на решение проблем своих муниципальных образований – от выявления социально-значимой проблемы до ее решения и контроля за качеством исполнения проекта. Коммуникация между гражданами, общественными институтами и властью сегодня в значительной степени выстраивается в пространстве, формируемом средствами массовой информации. В реализации данной задачи особую роль играет организация коммуникативного процесса, призванного способствовать не только повышению гражданской активности целевой аудитории, но и приращению имиджа региона.

Ключевые слова: имиджевая коммуникация, имидж региона, социальный имидж, имиджевый медиатекст, региональные СМИ, инициативное бюджетирование, Республика Крым.

ВВЕДЕНИЕ

Активное развитие информационных и коммуникативных технологий, появление средств мгновенной коммуникации приводит к интенсификации социальных отношений. В этих условиях региональный имидж рассматривается исследователями как интегрированный результат коммуникаций между субъектами, реализуемых с помощью разных каналов [2]. Актуализация внимания к проблеме формирования, трансляции, корректировки регионального имиджа как значимого социального конструкта связана с тем, что этот феномен воспринимается в качестве

нематериального актива, способствующего привлечению внимания к территории, ее более эффективному экономическому и социальному развитию, повышению конкурентоспособности, улучшению качества жизни населения. Он в значительной мере определяет и особенности социальной идентификации жителей с местом их проживания. Такая территориальная региональная идентичность является основой для коммуникации между субъектами регионального сообщества.

Различные аспекты формирования имиджа региона рассматриваются разными отраслями знаний. В рамках таких исследований сформированы научные представления о специфике регионального имиджа, его структуре, описаны имиджеобразующие стратегии, механизмы и технологии конструирования имиджа, принципы территориального маркетинга. *Цель данного исследования* – проанализировать особенности конструирования имиджа проекта инициативного бюджетирования (ИБ) как фактора формирования социального имиджа региона. Материалом исследования послужили медиатексты о программе ИБ, опубликованные в крымских СМИ в 2021 г.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Согласно определению, предложенному В. М. Шепелем, имидж – это индивидуальный облик, который создается СМИ, социальной группой или непосредственно объектом в целях привлечения внимания [14]. О. С. Виханский и А. И. Наумов указывают на то, что имидж связан с устойчивыми представлениями о характеристиках, особенностях, качествах объекта [4]. Е. А. Петрова отмечает: имидж представляет собой особый феномен индивидуального или массового сознания и функционирует как образ-представление, основанный на сочетании внешних и внутренних характеристик объекта [11].

Дискуссионным остается вопрос о соотношении и разграничении понятий «имидж» и «образ». Так, многие исследователи указывают на то, что имидж является результатом искусственного и целенаправленного формирования у целевой аудитории представлений об объекте, в то время как образ – результат активности психики отдельных индивидов, входящих в целевую аудиторию [12]. Представлена в

научной литературе точка зрения, согласно которой «образ» и «имидж» могут рассматриваться как тождественные. Д. П. Гавра и Ю. В. Таранова указывают на недостаточную обоснованность такой позиции, поскольку хотя имидж и представляет собой некий образ объекта, но далеко не каждый образ может трактоваться как имидж. По мнению ученых, имидж является оценочной реакцией психики субъекта (индивида или социальной группы) на значимое для субъекта явление окружающей действительности. Именно категория значимости объекта имиджа, его соответствие ценностям, потребностям, интересам субъекта рассматривается исследователями как ключевая: «если явление внешнего для субъекта мира не воспринимается им как значимое, имидж этого явления для данного субъекта возникнуть не может» [5, с. 32]. Исходя из категории значимости, Д. П. Гаврой и Ю. В. Тарановой предлагается и разграничение понятий *образ* и *имидж*, поскольку независимо от того, формируется имидж в результате целенаправленной деятельности или спонтанно, он основан на взаимодействии субъекта и объекта на уровне потребностей и интересов. Так, образ связан с отражением в психике индивида внешних и внутренних характеристик объекта, а имидж – с социальной оценкой образа, формируемой в результате осмысления и оценки образа [5].

Помимо значимости важным условием для формирования имиджа является публичность объекта, определяемая его информационной доступностью для восприятия субъектом. Информационно-коммуникативная природа имиджа связана с тем, что он выстраивается на основе той информации об объекте, которую субъект получает в процессе коммуникации, что позволяет исследователям использовать понятие «имиджеформирующая информация», транслируемая в различных коммуникативных ситуациях и по разным каналам коммуникации, на основе которой и формируется имидж объекта.

Значительную роль в создании и трансляции имиджа в современном обществе играют средства массовой информации. СМИ как инструмент массового распространения сообщений наполняют информационную среду образами и смыслами, конструируют представления массовой аудитории о социальной

действительности в информационном пространстве [7], в связи с чем актуализируются понятия «медиаимидж» и «имиджевый медиатекст».

Под медиаимиджем понимается имидж объекта, который транслируется целевой аудитории посредством медатекстов. Имиджевый медиатекст представляет собой особую разновидность медийного текста, реализующую установку на создание положительного образа объекта «с помощью комплекса внутритекстовых коммуникативных действий интерактивного характера, структур влияния и убеждения, направленных на адресата», а также на формирование интереса и желаемого поведения адресата сообщения. Имиджевый медиатекст реализует ценностно-целевую функцию (донесения до целевой аудитории идей и способов их реализации как ценности объекта), стратегическую функцию (позиционирования объекта в информационном пространстве), социальную и психологическую функции, которые связаны с формированием мотивации и потребностей субъекта [6, с. 359–360].

В последние годы исследовательское внимание привлекает проблема создания и управления имиджем региона. Формирование последнего основано на использовании комплексной системы коммуникаций с разными группами целевой аудитории (местные жители, внешние партнеры, инвесторы, туристы и т. д.), направлено на внедрение желаемого образа территории и закрепления такого ее восприятия, которое будет способствовать достижению целей регионального развития, а также социально-экономической и культурной капитализации региона.

Так, И. С. Важенина и С. Г. Важенин рассматривают имидж территории как важный фактор в практике территориального управления и характеризуют его как систему убеждений и ощущений, возникающих в отношении природных, историко-этнографических, политических, социальных, экономических и прочих особенностей территории [3]. Е. Н. Королева и М. В. Курникова отмечают: основой регионального имиджа является территориальная индивидуальность, отражающая конкурентные преимущества региона, его ресурсы и возможности, а также потенциал и траекторию развития [9].

Имидж региона представляет собой сложную многокомпонентную структуру. В связи с этим М. Л. Бачерикова и И. М. Романова выделяют четыре группы факторов его формирования. Группу базовых факторов, по мнению исследователей, составляют характеристики территории, которые определяют потребительские оценки политического, экономического, социального развития региона в целом; группа инфраструктурных факторов включает уровень развития инфраструктуры, обеспечивающей функционирование местной социально-экономической системы; группа институциональных факторов определяется показателями развития институтов управления сферами социальных и экономических отношений; группу маркетинговых факторов составляют показатели, определяющие позицию региона в общенациональных рейтингах, имидж представителей власти и пр. [1].

Д. П. Гавра и А. С. Савицкая представляют структуру имиджа территориального образования в виде кристаллической модели, в качестве компонентов которой выделяются региональный характер, лидер региона, местные бренды и проекты, работа институтов власти; внешние характеристики территории (географический и архитектурные особенности; комфортность жизни; комфортность ведения бизнеса и инвестирования в регион [5]. А. В. Чепкасов содержательное многообразие регионального имиджа описывает через систему субимиджей, выделяя политический, экономический, социальный, культурный, исторический, туристический, научно-образовательный, экологический, спортивный субимиджи [13]. При этом каждый субимидж формируется на основе сочетания различных характеристик, ценностных ориентиров, имиджевых моделей.

Отметим, что социальный имидж региона определяется не только системой социальных ценностей, закрепленных в сознании местных жителей, но и социальными аспектами качества жизни. Таким образом, социальный имидж связан с восприятием территории целевой аудиторией по целому ряду параметров, как-то: уровень комфортности жизненной среды (для местных жителей и приезжих), уровень благосостояния жителей, комфортность быденной коммуникации, в том числе развитие ЖКХ и транспортной системы, качество медицинского обслуживания, внимание к социальным проблемам и степень эффективности их решения и т. д.

Социальный имидж региона также тесно связан с восприятием жителями местных проектов и программ [7]. В связи с этим, полагаем, особую актуальность приобретают имиджевые коммуникации, направленные на формирование у аудитории позитивного отношения к институту местного самоуправления и инструментам вовлечения общественности в управленческие процессы. Развитие механизмов местного самоуправления является важным условием формирования гражданского общества. Одним из таких перспективных и динамично развивающихся инструментов развития практик местного самоуправления в России сегодня является инициативное бюджетирование, при реализации программ которого местные жители получают возможность не только выступать потребителями государственных услуг, но и принимать участие в их производстве, влиять на решение проблем своих муниципальных образований на всех стадиях: от определения социально-значимой проблемы до ее решения и контроля за качеством выполнения проекта.

В реализации данной задачи особую роль играет организация коммуникативного процесса в региональных СМИ, призванного способствовать повышению гражданской активности целевой аудитории, вовлечению ее в обсуждение и решение проблем региона. Информация, транслируемая местными масс-медиа, является важным фактором формирования не только имиджа региона, но и картины мира индивида. Результат отбора информации журналистами, ее упорядочения и осмысления в значительной степени определяет восприятие образа объекта, способствует его закреплению в сознании массовой аудитории.

В Республике Крым программа ИБ реализуется с 2021 года и может, на наш взгляд, рассматриваться как значимый фактор конструирования социального имиджа полуострова. Имиджевые медиатексты, посвященные инициативным проектам, призваны обеспечить эффективную коммуникацию с основными группами целевой аудитории, стимулировать повышение лояльности местных жителей и вовлечение субъектов в реализацию проектов ИБ.

Прагматическая установка имиджевых медиатекстов связана с воздействием на целевую аудиторию, при этом оно «осуществляется посредством реализации конкретных практических задач (воздействие через информирование, воздействие

через убеждение, воздействие через побуждение). Информирование как целевая установка связано с попыткой адресанта передать некоторые сведения адресату, сделать эти данные частью картины мира последнего» [8]. Стратегия влияния через информирование активно используется в имиджевых медиатекстах, посвященных программе ИБ. В текстах содержится информация о сути программы, правилах участия, объемах финансирования, возможностях использования инициативных проектов для решения местных проблем, событиях, связанных с ИБ. Приведем несколько показательных примеров: *Инициативное бюджетирование – программа регионального Министерства финансов. В Крыму она реализуется впервые. Работает это так. В селе или городе люди хотят благоустроить общественные зоны. Собирается инициативная группа, жители и предприниматели, проводится опрос граждан – каждый голосует. Проекты отправляют на конкурс. Из бюджета республики в этом году на реализацию гражданских инициатив выделено 46 млн рублей («В Крыму выберут победителей конкурса по благоустройству», Вести Крым, 28.07.2021); Средства выделяются на конкурсной основе. Победивший проект финансируют за счет республиканского и муниципального бюджетов. Также вкладывают свои деньги и местные жители – не менее 3% от общей суммы («Инициативное бюджетирование набирает обороты в Симферопольском районе», Миллет, 19.06.2021); Согласно программе ИБ, нужно создать инициативную группу из 10 человек. В Лужках она уже есть. Председателем избрали Аркадия Овсянникова. Затем в несколько этапов проходят социальные опросы среди жителей, сходы жителей, подается заявка на рассмотрение проекта. В случае победы из бюджета РК выделяется субсидия в размере 1 млн рублей. В свою очередь жители с. Лужки и администрация Акимовского сельского поселения подтверждают свою готовность софинансирования» («Инициативное бюджетирование. Лужки», Нижегородь, № 50 (10646) от 15.06.2021).*

Выбор информации и ее представление аудитории в таких медиатекстах основывается на целенаправленном привлечении внимания адресата к конкретным аспектам функционирования объекта имиджевой коммуникации. Установка на информирование реализуется за счет высокоинформативных языковых единиц, в том

числе имен собственных, специализированной лексики, числовых величин, обращений к статистической информации, например: *«Проекты на “пилотный” конкурс представили сельские поселения всех 14 муниципальных районов республики. Больше всего объектов по итогам конкурса будет реализовано в Симферопольском районе (10 проектов), Красногвардейском и Советском районах (по 8 поддержанных проектов) и Джанкойском районе (7 объектов). Общая стоимость реализации проектов составляет 56 млн рублей. Количество благополучателей превышает 59 тысяч человек»* («Инициативы граждан меняют Крым», Судацкие вести, 26.10.2021). Для имиджевых медиатекстов ИБ характерна также прагматическая ориентация на воздействие через побуждение, поскольку важной задачей является формирование у целевой аудитории новых поведенческих моделей на основе мотивации к активным действиям и участию в обсуждении и подготовке проектов. В медиатекстах активно используется коммуникативная стратегия «создание круга своих» [10], которая реализуется посредством тактики солидаризации. Адресант прибегает к коммуникативным ходам объединения, консолидации, например: *Так, совместными усилиями, мы создадим интересные и уникальные территории в любом районе, воплотим идеи, которые качественно изменят жизнь нашего региона... У нас маленькое село, у каждого своя финансовая ситуация, и мы не строили иллюзий, что идею инициативного бюджетирования поддержат все, – делится сотрудник администрации Акимовского сельского поселения Татьяна Сысун. – Но неожиданно проект нашел отклик у всех. ... Мы собрали подписи, что люди готовы поддержать проект деньгами. То, что делается своими руками и за свои деньги, ценится сильнее, чем просто помощь от государства»* («Инициатива поощряема», Московский комсомолец в Крыму, №32 от 4.08.2021). На лексическом уровне такая стратегия проявляется в использовании местоимений *мы, нас, всех*, словосочетаний *совместными усилиями*, *нашел отклик у всех*.

Реализации указанных задач способствует тактика создания доверия и вербализация идеи совместной работы власти и населения, позволяющей менять качество жизни в регионе: *Инициативное бюджетирование – это прямой диалог между властью и обществом* («Инициативное бюджетирование набирает обороты в

Симферопольском районе», Миллет, 19.06.2021); Благодаря инициативе местных жителей и работе местных администрации будет обустроена детская площадка в Мазанке, в Трудовом отремонтируют пешеходную дорогу, а в Донском появится концертная площадка местного дома культуры. В Денисовке благоустроят сразу две площадки – детскую и спортивную. Ещё одна спортивная площадка будет установлена в селе Харитоновка («В Симферопольском районе реализуются проекты инициативного бюджетирования», Сельский труженик Крыма, № 41 (10124) от 30.10.2021).

Результатом имиджевой медиакоммуникации должно стать упрочение доверия целевой аудитории к практике инициативного бюджетирования, восприятие ее в качестве значимого, эффективного и доступного способа решения насущных вопросов: *Инициативные проекты крымчан отражают основные проблемы благоустройства полуострова. Благодаря программе в селах будут установлены и обустроены детские площадки, проведен монтаж и ремонт наружного освещения, установлены спортивные площадки и уличные тренажеры, благоустроены парки, скверы, общественные и придомовые территории. Программа инициативного бюджетирования позволяет успешно решать текущие проблемы социальной инфраструктуры сельских поселений* («Инициативы граждан меняют Крым», Судакские вести, 26.10.2021); *Конечная цель, которую преследует программа, – сформировать причастность жителей к распределению и использованию бюджетных средств, дать им возможность почувствовать себя бережливым хозяином по отношению к объектам, приобретенным в рамках реализованного ими же проекта* («Инициатива поощряема», Московский комсомолец в Крыму, №32 от 4.08.2021).

Таким образом, транслируемая в СМИ информация способствует формированию имиджа как социальной программы, так и региона в целом и закреплению его в сознании массовой аудитории. Активное и полное информирование о программе ИБ имеет большое значение, поскольку, по справедливому замечанию Е. В. Шмелевой, при недостатке информации массовое сознание самостоятельно наполняет содержанием недостающий элемент имиджа,

формируя определенные установки и отношение к объекту имиджевой коммуникации [15]. Поскольку имидж региона может рассматриваться как «совокупность эмоционально окрашенных рациональных представлений, убеждений и ощущений людей, которые складываются в основном на основе собственного опыта проживания на данной территории и соответствующих впечатлений» [9, с. 297], такие социальные проекты, как программа ИБ, становятся значимым имиджеформирующим фактором. Инициативные проекты, предусматривающие возможность населения непосредственно влиять на качество жизни и развитие инфраструктуры населенного пункта, способствуют укреплению его территориальной самоидентификации.

ВЫВОДЫ

Имидж региона – сложное многоаспектное представление о специфике территории, сформировавшееся в общественном сознании. Он оказывает значительное влияние на формирование региональной идентичности как самоотнесения индивида с территориальным сообществом, характеризующимся исторической, культурной, политической, социальной целостностью. Важным элементом структуры регионального имиджа является социальный имидж, представляющий собой синтез социальных ценностей и аспектов качества жизни и связанный с восприятием населением региональных проектов и программ, отношением к институту местного самоуправления. Реализуемая в Крыму программа инициативного бюджетирования способна стать именно таким значимым элементом социального имиджа Республики Крым. В воплощении этой задачи одна из главных ролей отведена региональным СМИ, способным влиять на восприятие местным сообществом объектов действительности и на формирование отношения к ним.

Имиджевые медиатексты о программе ИБ призваны воздействовать на целевую аудиторию, стимулировать выработку новых поведенческих моделей на основе идеи повышения гражданской активности населения. Для реализации данной прагматической установки используются стратегии воздействия через информирование, побуждения к активным действиям – участию в подготовке

инициативных проектов, а также коммуникативная стратегия «создания круга своих» и тактика создания доверия и трансляции идеи совместной работы власти и населения в целях повышения качества жизни в регионе. Результатом имиджевой коммуникации в медиа должно стать формирование доверия к практике ИБ и восприятие его как эффективного способа решения насущных вопросов.

Список литературы

1. Бачерикова, М. Л. Факторы формирования имиджа приморского края [Текст] / М. Л. Бачерикова, И. М. Романова // Практический маркетинг. – 2018. – № 3 (253). – С. 29–40.
2. Бонадренко, Е. В. Имидж региона как категория социологии культуры [Текст] / Е. В. Бонадренко // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 69. – С. 39–45
3. Важенина, И. С. Имидж и репутация как стратегические составляющие нематериальных активов территории [Текст] / И. С. Важенина, С. Г. Важенин // Экономика региона. – 2010. – № 3. – С. 95–103.
4. Виханский, О. С. Менеджмент: учебник [Текст] / О. С. Виханский, А. И. Наумов. – 4-е изд. – М.: Экономист, 2006. – 670 с.
5. Гавра, Д. П. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве: учеб. пособие [Текст] / Д. П. Гавра, Ю. В. Таранова. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – 155 с.
6. Егорова, Л. Г. Медиатекст – имиджевый текст: специфика функционирования в пространстве массовых коммуникаций [Текст] / Л. Г. Егорова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2013. – Том 26 (65). – № 1. – С. 356–363.
7. Золина, Г. Д. Социальный имидж региона [Текст] / Г. Д. Золина // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 4 (33). – С. 25–29.
8. Клинк, Е. И. Средства формирования целевой установки информирования в текстах имиджевых статей [Текст] / Е. И. Клинк // Филология и человек. – 2016. – № 2. – С. 79–88.
9. Королева, Е. Н. Факторы имиджа территории в стратегическом управлении развитием сельских муниципальных районов [Текст] / Е. Н. Королева, М. В. Курникова // ARS ADMINISTRANDI. – 2018. – № 2. – С. 294–318.
10. Мельник, Н. В. Стратегии формирования имиджа региона (контент-анализ официальной страницы С. Е. Цивилева в социальной сети «ВКонтакте») [Текст] / Н. В. Мельник, Д. М. Герасимчук // Филология и человек. – 2020. – № 3. – С. 45–59.
11. Петрова, Е. А. Имиджелогия: проблемное поле и направления исследования [Текст] / Е. А. Петрова // PR в образовании. – 2004. – № 1. – С. 36–38
12. Реклама и связи с общественностью: учеб. пособие для студентов отд. журналистики [Текст] / отв. ред. А. Д. Кривоносов, М. А. Шишкина. – СПб. : Санкт-Петерб. гос. ун-т, Ф-т журн., 2004. – 225 с.
13. Чепкасов, А. В. Образ – имидж – стереотип региона (к определению понятий) [Текст] / А. В. Чепкасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 6. – С. 83–92.
14. Шепель, В. М. Имиджелогия: учебное пособие [Текст] / В. М. Шепель. – М.: Народное образование, 2002. – 254 с.

15. Шмелева, Е. В. Социальный имидж России в мире: предмет исследования [Текст] / Е. В. Шмелева // Имидж государства / региона: современные подходы. Новые идеи в теории и практике коммуникации. – СПб., 2009. – С. 182–197.

References

1. Bacherikova M. L. *Faktory formirovaniya imidzha primorskogo kraja* [Primorsky Krai image forming factors] *Prakticheskij marketing*, 2018, No 3 (253), pp. 29–40.
2. Bonadrenko E. V. *Imidzh regiona kak kategorija sociologii kul'tury* [The regional image as category of cultural sociology] *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, No 69, pp. 39–45
3. Vazhenina I. S., Vazhenin S. G. *Imidzh i reputacija kak strategicheskie sostavljajushhie nematerial'nyh aktivov territorii* [Image and reputation as strategic components of intangible assets of the territory] *Jekonomika regiona*, 2010, No 3, pp 95–103.
4. Vihanskij O. S., Naumov A. I. *Menedzhment* [Management]. Moscow: Economist, 2006. 670 p.
5. Gavra D. P., Taranova Ju. V. *Imidzh territorial'nyh sub'ektov v sovremennom informacionnom prostranstve* [The territorial entity image in modern inrirmational space]. Saint-Petersburg, 2013. 155 p.
6. Egorova L. G. Mediatekst – imidzhevyy tekst: specifika funkcionirovaniya v prostranstve massovyh kommunikacij [Media text - image text: the peculiarities of its functioning] *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija «Filologija. Social'nye kommunikacii»*, 2013. Vol. 26 (65). No 1, pp. 356–363.
7. Zolina G. D. *Social'nyj imidzh regiona* [Social image of the region] *Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii*, 2009, No 4 (33), pp. 25–29.
8. Klink E. I. *Sredstva formirovaniya celevoj ustanovki informirovaniya v tekstah imidzhevyyh statej* [Means of creating the informing aim in the texts of image articles] *Filologija i chelovek*, 2016, No 2, pp. 79–88.
9. Koroleva E. N. *Faktory imidzha territorii v strategicheskom upravlenii razvitiem sel'skih municipal'nyh rajonov* [Place image factors in the strategic management of rural municipal areas development] *ARS ADMINISTRANDI*, 2018, No 2, pp. 294–318.
10. Mel'nik N. V., Gerasimchuk D. M. *Strategii formirovaniya imidzha regiona (kontent-analiz oficial'noj stranicy S. E. Civileva v social'noj seti «vkontakte»)* [Strategies of forming the image of the region (content analysis of the official page of S. Y. Tsivilev in the social network «VKontakte»)] *Filologija i chelovek*, 2020, No 3, pp. 45–59.
11. Petrova E. A. *Imidzhelogija: problemnoe pole i napravlenija issledovaniya* [Imagology: problem field and directions of research] *PR v obrazovanii*, 2004, No 1, pp. 36-38
12. *Reklama i svjazi s obshhestvennost'ju* [Advertisement and public relations] / ed. A. D. Krivonosov, M. A. Shishkina. Saint-Petersburg, 2004. 225 p.
13. Chepkasov A. V. *Obraz – imidzh – stereotip regiona (k opredeleniju ponjatij)* [Pattern – image – the stereotype of the region (the definition of the concept)] *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija*, 2016, vol. 15, No 6, pp. 83–92.
14. Shepel V. M. *Imidzhelogija* [Imagology]. Moscow : Narodnoe obrazovanie, 2002. 254 p.
15. Shmeleva E. V. *Social'nyj imidzh Rossii v mire: predmet issledovaniya* [Social image of Russia in the world: the research subject] *Imidzh gosudarstva / regiona: sovremennye podhody. Novye idei v teorii i praktike kommunikacii*. Saint-Petersburg, 2009, p. 182–197.

THE COMMUNITY FOCUSED PROJECTS EFFECT ON PROMOTING REGION IMAGE

Yegorova L. G.

The article analyzes the features of the image of a participatory budgeting project constructing as a factor in the social image of the region management. Civil society is the key to successful state development and is formed when people are mobilized to express an active life position on significant social issues. One of the most advanced and dynamically developing tools for involving the public in management processes today is participatory budgeting, in the implementation of programs of which local residents are considered not only as consumers of public services, but also as full participants in their production, capable of influencing the solution of the problems of their municipalities – from identifying a socially significant problem to solving it and monitoring the quality of the project. Communication between citizens, public institutions and government today is largely built in the media space. A special role in the implementation of this task is played by the organization of the communication process designed to contribute an increase of target audience civic activity and to increment the image of the region.

Keywords: branding communication, image of the region, social image, image media text, regional media, participatory budgeting, The Republic of Crimea.

УДК 070.41

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЙНОГО НАРРАТИВА ЖУРНАЛА «THE NEW YORKER» (1939–1946)

Лучинский Ю. В., Татаринов А. В., Татаринова Л. Н.

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Краснодар, Краснодарский край, Российская Федерация
E-mail: luv22@mail.ru; tatarinov1967@yandex.ru; tatarinova.lyuda@yandex.ru*

В статье рассматривается жанровая специфика литературно-медийного нарратива, используемого журналом «The New Yorker» в период Второй мировой войны. Особое место данного журнала в сложившемся к тому времени медиаландшафте США определяло как формат подачи материала, так и стратегию предложенных журналистских практик. С одной стороны, свою роль сыграл масштаб развернувшихся событий, с другой стороны – влияние на медийный дискурс новых, не встречавшихся в девятнадцатом столетии, явлений, к которым можно отнести кинематограф и радио. Элементы кино-нарратива и радио-нарратива не могли не сказаться на языке материалов журнала «The New Yorker», оказавшего влияние на всю военную журналистику США. Проведен сравнительный анализ прецедентных текстов ведущих авторов журнала этого периода, ставших знаковыми в истории американской журналистики и литературы, так как журнал определял литературные и журналистские вкусы читательской аудитории, а также формировал и политическую повестку дня. Так, например, очерк «Выживший» Джона Херси предопределил президентскую карьеру Джона Фицджеральда Кеннеди, а очерк «Хиросима» того же автора стал одним из наиболее ярких явлений в американском литературно-журналистском пространстве в послевоенные годы.

Ключевые слова: литературно-медийный нарратив, журнал «The New Yorker», жанровая специфика, медиаландшафт, Джон Херси, Молли Пэнтер-Даунз, Дженет Флэннер, очерковый жанр, эпистолярный жанр, репортаж.

ВВЕДЕНИЕ

Литературно-медийный нарратив можно определить как сложившийся тип повествования, обусловленный смыслами культурного пространства той или иной эпохи, а также спецификой его идентификации с семиотическими кодами предыдущих эпох и возможной интерпретацией в эпохах последующих.

В современной нарратологии только в области сюжетосложения насчитывается минимум двадцать классификационных признаков, не говоря уже о стилистике, где таких квалификаторов уже двадцать шесть [8, pp. 237–238]. Но нарратив не является константой, так как подвержен влияниям и изменениям, что отчетливо показали первые десятилетия двадцатого века, когда традиция, по словам Ханнеса Мейера, швейцарского архитектора, теоретика культуры и второго директора Баухаса,

воспринималась как «наследственный враг», а модернизм воспринимался в качестве «неверного друга».

В эссе «Die neue Welt» (1926) Мейер в качестве примеров «механизации» нарратива всей нашей планеты приводил основные события 1926 года – переход через Атлантику роторного корабля «Бурнау» (переименованного в «Баден-Баден»), немецкого изобретателя Антона Флеттнера, открытие «Планетария» Цейса в Иене и перелет дирижабля «Норвегия» под командованием Руаля Амундсена.

Говоря о культурологических трансформациях нарратива новой эпохи, автор подчеркивал:

«“Сегодня” вытесняет “вчера” в материи и форме, в орудии и волеии.

Вместо пластического подражания движению в “скульптуре” – само оформление движения. Вместо изображения света и его рефлексов в “живописи” – сам оформленный свет в виде светового органа, световой рекламы, кино.

Вместо окрашенной материи – материализованная краска.

Вместо цветного оттенка – люкс-краска.

Вместо карикатуры – фотопластика.

Вместо фресок – уличный плакат.

Вместо романа – сжатые рассказы.

Вместо оперы – музыкальное обозрение.

Вместо драмы – скетч.

Вместо мольберта – рисовальная машина.

Вместо тушевого угля – отточенный графит.

Вместо дразнящего английского рожка – возбуждающий саксофон» [6, с. 162].

С одной стороны – механизация, с другой стороны – новая эстетика, в развитии которой прослеживалась определенная логика. Так Иоанн Вассакопулос, перебравшись с родителями из Румынии вначале в Турцию, а затем – в США, сменил фамилию, став Джоном Вассосом, и поменял карьеру успешного книжного графика, великолепно проиллюстрировавшего в 1927 году «Саломею» Оскара Уайлда, на не менее успешную карьеру промышленного дизайнера, разрабатывая рекламную кампанию для автомобильной корпорации «Packard» и модельный ряд для «Radio Corporation of America». Движение и коммуникация становятся основными компонентами меняющегося нарратива, в том числе и в медийном формате.

В русском издании эссе Мейера, появившемся в майском выпуске журнала «Современная архитектура» за 1928 года, волей переводчика в приведенный автором ряд примеров были добавлены еще два – аэрофон Льва Термена и знаменитый трансатлантический перелет Чарльза Линдберга на одномоторном моноплане «Дух Сент-Луиса».

Расширение списка, тем не менее, не нарушило повествовательную ткань эссе, так как все пять примеров включили в себя активное присутствие радио-нарратива – в первых трех случаях это присутствие было отражено в коммуницирующем аспекте (обнаружение объекта в координатах нахождения), а в двух последних добавленных – в трансформационном. Лев Термен в 1922 году давал радиоконцерты на терменвоксе (так журналисты переименовали его аэрофон), а полет Чарльза Линдберга лег в основу радиопьесы Бертольда Брехта «Перелет через океан», представленной на Музыкальном фестивале в Баден-Бадене в 1929 году.

Брехт первоначально крайне скептически относился к радиовещанию, но затем пересмотрел свою позицию, увидев новые жанровые возможности медийного нарратива:

«“Перелет через океан” должен не просто использоваться современным радиовещанием, но он должен его менять. Механические средства становятся все более концентрированными, образование – все более специальным; эти процессы, которые надлежит ускорить, требуют своего рода восстания слушателя, возвращения ему активной роли производителя» [2, с. 30].

Сам Линдберг сразу же после перелета из Нью-Йорка в Париж, состоявшегося 20–21 мая, написал автобиографическую книгу «Мы» («We»), которая вышла 27 июля 1927 года в нью-йоркском издательстве «G.P. Putnam's Sons». Корреспондент журнала «The New Yorker» сумел заранее ознакомиться с рукописью и анонсировал ее за 25 дней до появления на книжном рынке. «Так мы вплотную подошли к идее дискурса, которую сформулировал Мишель Фуко. Фуко очень убедительно доказывал, что мы должны изучать тексты не как документы о чем-то, а как дискурс, который является частью сети взаимосвязей между властью и идентичностью. Тексты не следует интерпретировать, ломать над ними голову, как над кроссвордами

или отрывками из Библии, в которых скрыт какой-то глубокий смысл. Его необходимо изучать как часть непрерывного угнетения, предвзятости, борьбы за получение власти с помощью знания в обществе. То есть как часть всех тех процессов, в которых люди задействованы через эти тексты» [5, с. 24].

Цель статьи – проанализировать жанровую специфику меняющегося нарратива журнала «The New Yorker» в период Второй мировой войны, которая, несомненно, ускорила данный процесс.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Театр боевых действий во время Второй мировой войны оказался для США крайне разнообразным, что также меняло формат подачи журналистских и журналистско-литературных материалов.

Журнал «The New Yorker» отразил в своей редакционной политике жанровую специфику менявшегося литературно-медийного нарратива – в начале войны за счет публикаций своих европейских корреспондентов. Затем – путем расширения сети своих специальных военных корреспондентов, которые уже по-иному воспринимали сложившуюся ситуацию.

Несколько слов об истории самого журнала, судьба которого на момент создания была весьма туманна, так как журналистский опыт его создателя пока еще не имел серьезной редакторской базы. За плечами Гарольда Росса (Harold Ross, 1892–1951) было всего лишь четыре месяца работы редактором юмористического нью-йоркского еженедельника «Judge» – с 5 апреля по 2 августа 1924 года. Руководство армейской газетой «Stars and Strips» в период Первой мировой войны отличалось совершенно иной спецификой.

Но Росс очень хотел начать собственный издательский проект, который не имел бы аналогов в американском медиаландшафте. Он хотел видеть журнал, адресованный элитарному читателю, ориентированному на серьезную литературу и критику и, вместе с тем, ценящему образцы тонкого юмора. Постоянная и преданная аудитория, на которую он рассчитывал, должна была компенсировать уход от массового читателя.

В конце 1924 года он изложил свой план Раулю Фляйшману (Raoul Fleischmann, 1886–1968) и убедил того вложить деньги в новое издание.

С первого номера, который вышел 21 февраля 1925 года, еженедельник «The New Yorker» сделал шаг к тому, что называется «фирменным стилем»: он получил свой собственную гарнитуру для обложки и обрел персонаж-талисман в образе денди с моноклем с именем Юстас Тилли. Этот талисман создал художественный редактор журнала Ри Ирвин (Rea Irvin, 1881–1972), которого только что уволили из юмористического еженедельника «Life».

Созданный Ри Ирвином образ запечатлел обобщенного жителя Нью-Йорка: «Изысканный завитый щеголь в облачении прошлого века, в цилиндре, с высоченным воротником через монокль разглядывает бабочку. Конечно, он больше похож на лондонского денди начала XIX столетия, или на персонажа старого Нью-Йорка из сочинений Вашингтона Ирвинга, чем на горожанина 20-х гг. XX в. Исследователи давно нашли прототип этого символического персонажа – им оказался портрет художника-любителя и щеголя графа Альфреда Гийома д'Орсе из Британской энциклопедии 1834 гда. С легкой руки юмориста Кори Форда у денди на обложке появилось даже имя – Юстас Тилли, а впоследствии он стал героем нескольких очерков в «Нью-Йоркере» летом 1925 года. Шрифт для журнала, названный именем лондонского художника XVIII в. Уильяма Каслона, предложил Элмер Дэвис, репортер и редактор, а также историк газеты «Нью-Йорк Таймс», который некогда учился в британском Оксфорде. Все эти детали указывали на эстетические и стилистические ориентиры нового журнала – они в эпохе, что называется «викторианской» и в Британии, и в США, хотя королева Виктория правила лишь в первой из них» [1, с. 281–282].

Новая стилистика привлекла внимание читательской аудитории, и уже на следующий год журнал стал приносить прибыль. В первые годы своего существования журналу «The New Yorker» (благодаря привлечению к сотрудничеству опытных редакторов для ежедневной работы с рукописями) удалось собрать сильный по литературному уровню круг авторов (Джеймс Тербер, Огден Нэш, Ринг Ларднер) и завоевать широкую читательскую аудиторию, создав особый

орган «утонченного городского юмора» и новую эстетику качественного иронического журнализма.

Журнал смог на долгие годы сохранить верность избранному курсу и стать своеобразным стандартом хорошего вкуса. В американском литературоведении даже появился термин «проза журнала «The New Yorker», являющийся синонимом качественной прозы уровня Дэвида Джерома Сэлинджера или Трумэна Капоте.

В 1929 году (в разгар «Великой депрессии») «The New Yorker» не просто выжил, но и объявил об издании двух версий журнала – одной для Нью-Йорка, другой – для остальной страны. В 1930-е годы (так называемое «красное десятилетие») попасть на страницы журнала становилось синонимом журналистского и литературного признания, а постоянные авторы «The New Yorker», по словам многолетнего редактора журнала Уильяма Шона (William Shawn, 1907–1992), «гордились тем, что находились вне политики, оставаясь при этом социально ориентированными» [11, р. 8].

«Серьезным испытанием и поворотным этапом в развитии журнала стала Вторая мировая война. Согласно подсчетам в редакции, 12 из 25-ти ключевых сотрудников-мужчин после Перл-Харбора были призваны на военную службу и до февраля 1944 г. оставались в армии. Некогда «юмористический журнал» стал много и серьезно писать о войне: 90% статей в рубрике «Репортер на свободе» между октябрём 1941 и февралём 1944 были посвящены военным событиям. «Нью-Йоркер» включился в кампанию поддержки американской армии и с 1943 г. выпускал бесплатную версию журнала, сокращенную за счет рекламы, специально для тех, кто служил за пределами страны. Эту идею осуществила бывшая жена Росса Джейн Грант, которая по-прежнему оставалась одним из акционеров еженедельника. Сокращенное издание пользовалось популярностью – его тираж достиг 150 тысяч экземпляров к концу 1944 года. По мнению исследователей, это был один из самых удачных маркетинговых шагов в истории американской журналистики. Распространение полной версии журнала также увеличилось в годы войны, в период с декабря 1941 до середины 1945 года – со 172 до 227 тыс. экземпляров» [1, с. 291].

Великобритания и Франция объявили войну Германии 3 сентября 1939 года в связи с ее нападением на Польшу. С этой даты начался отсчет военных материалов в «The New Yorker». Первым из них стала публикация Молли Пэнтер-Даунз (Mary Patricia «Mollie» Panter-Downes, 1906–1997) под названием «Письмо из Лондона» («Letter from London») и датированная именно третьим сентября.

Родилась Молли Пэнтер-Даунз в Лондоне, рано начала свой путь в литературе, написав в шестнадцать лет бестселлер под названием «Безбрежное море» («The Shoreless Sea»), выдержавший в 1923 и 1924 годах восемь переизданий. В 1925 году вышел ее новый роман «Погоня» («The Chase»), в 1931 – «Мой муж Саймон» («My Husband Simon»), написанный в духе Дэвида Герберта Лоуренса. Писательское мастерство Пэнтер-Даунз привлекло внимание Гарольда Росса, и в 1938 году она получила предложение стать английским корреспондентом журнала «The New Yorker».

Сотрудничество с американским еженедельником Молли Пэнтер-Даунз начала с серии коротких рассказов, закрепивших ее репутацию за океаном, а сентябрьское «Письмо из Лондона» 1939 года изменило как ее литературную судьбу, так и жанровую специфику медийного нарратива журнала «The New Yorker» военного периода.

Дело в том, что «Письмо из Лондона» сразу же после его публикации было преобразовано в самостоятельную колонку, ставшую для Молли Пэнтер-Даунз постоянной, и которую она продолжала вести вплоть до 1984 года. Сама по себе колонка «Писем» имела определенную жанровую традицию и не являлась инновацией, но создаваемый для нее контент в форме эпистолярного репортажа с места происходящих событий в военный период изменил специфику медийного нарратива.

3 сентября 1939 года она писала:

«Целую неделю все в Лондоне только и говорили о том, что если война не начнется завтра, то ее вообще не будет. Вчера же все говорили, что если войны не начнется сегодня, то это будет чудовищным позором. И вот наступила война, и медлительный англичанин тут же на два круга обошел официальную военную

машину, замершую в ожидании чьей-то отмашки. <...> Толпы в Лондоне стали суровыми – суровее, чем в 1914 году – несмотря на грозную погоду, мешавшую учениям по защите от воздушных рейдов в эти дождливые дни» [13, р. 3].

Стоит отметить, что в течение всей войны публикация метеосводок была запрещена в английских газетах, чтобы не сообщать подобные сведения врагу, но читатели «The New Yorker» на неделю позже, узнавали о лондонской погоде в колонках Молли Пэнтер-Даунз.

Молли Пэнтер-Даунз честно говорила о настроениях англичан, о трудностях военного времени, об ожиданиях и сомнениях. Она часто повторяла, что, по сути, она репортер и не умеет придумывать факты. Но подбираемые ею факты настолько точно отражали суть времени, а подмеченные (небольшие на первый взгляд) детали визуализировали происходящее таким образом, что у читателя журнала возникало ощущение непосредственного присутствия на месте описываемых событий.

Несколько иная ситуация сложилась в журнале «The New Yorker» с колонкой «Письмо из Парижа» («Letter from Paris»), которую с октября 1925 года вела американская журналистка и писательница Дженет Флэннер (Janet Flanner, 1892–1978), проработавшая в столице Франции с перерывами на время оккупации до 1975 года.

Росс, по ее словам, «хотел получать от нее забавные анекдоты и случаи, представлявшие интерес для американцев <...>, из мира искусства, немного из мира моды <...>. Флэннер начала писать, став конфидентом для полумиллиона читателей. Ее корреспонденции были заполнены меткими наблюдениями за жизнью города. С самого начала ее проза отличалась естественностью. В ней проглядывала личность автора, отличавшегося неиссякаемым остроумием» [9, р. 2].

Принадлежа к так называемым экспатриантам, Флэннер быстро вошла в богемные круги Парижа (куда она переехала в 1922 году в надежде посвятить себя литературному творчеству), прекрасно разбираясь в новейших течениях литературы и искусства, о чем и писала в своей колонке под псевдонимом «Жене» (Genet). Была хорошо знакома с Пикассо, Матиссом, Кокто, Хемингуэем, Фицджеральдом и другими деятелями литературно-художественного авангарда.

Дженет Флэннер была одной из тех, кто создавал стиль журнала «The New Yorker» – ироничный, парадоксальный, слегка отстраненный, а периодичность ее «Писем из Парижа» составляла два раза в месяц. В мае 1927 года она поддержала скептический тон журнала по отношению трансатлантического перелета Чарльза Линдберга, которого за глаза называли «летающим дураком», и подчеркнула, что французские газеты стараются не писать о неудачных полетах, не раз приводивших к гибели авиаторов.

В 1930-е годы тональность и тематика «Писем из Парижа» стали меняться. Флэннер поняла, что развлекательность и легкость отходят на второй план при угрозе трансформации политического кризиса в Европе – нейтральная позиция становилась невозможной. На нее сильно повлияло печально знаменитое дело Александра Ставиского. Масштабная финансовая афера привела к всплеску антисемитизма, событиям 6 февраля 1934 года с попыткой ультраправого переворота и к смене правительства Эдуарда Даладье.

Флэннер убедила Гарольда Росса в необходимости писать о политической ситуации в Европе и, по сути, стала международным корреспондентом журнала. В начале 1936 года она написала и опубликовала в «The New Yorker» серию из трех полемических очерков об Адольфе Гитлера, представив его читателю как опасного глупца, сочетавшего в себе черты клоуна и психопата. Очерки шли в рубрике «Профили», назывались просто – «Фюрер I» (29 февраля), «Фюрер II» (7 марта) и «Фюрер III» (14 марта) – и сопровождались карикатурным рядом.

После агрессии Германии против Польши 1 сентября 1939 года Флэннер вернулась в Нью-Йорк и продолжила вести свою колонку «Письмо из Парижа», анализируя радиопередачи и публикации в прессе, касавшиеся положения дел во Франции. Получались своеобразные «нью-йоркские письма из Парижа», продолжавшиеся до 1944 г., когда журналистка смогла вернуться в освобожденный город.

В «Письме из Парижа», написанном 10 сентября 1939 года и опубликованном в «The New Yorker» неделю спустя, Флэннер сделала акцент на моральном состоянии парижан и отсутствии оперативной достоверной информации о происходящем:

«После того, как это все началось неделю назад, над Парижем трижды пролетали вражеские самолеты, но не бомбили. Большинство магазинов, за исключением продовольственных лавок, не работают, ставни плотно закрыты, а за этими ставнями все еще живут семьи. Нельзя сказать, что Париж опустел. Это не запрещено, и, если не принимать во внимание, что на улице нельзя появляться без сумки с противогазом, брошенной через плечо, то в это воскресенье было замечательное бабье лето <...>».

В прошлой войне газеты играли значительную роль. В этой войне они чрезвычайно медлительны. Только радио может реагировать быстро. Прежде чем утренние французские газеты появились в продаже первого сентября, немецкое радио в семь утра сообщило, что герр Гитлер объявил о своей атаке на Польшу. С первого по третье сентября обладатели коротковолновых передатчиков во Франции могли получать исчерпывающую информацию из Нью-Йорка о европейских событиях. Французские и британские радиостанции почти ничего об этом не сообщали» [13, pp. 6–7].

После того как Дженет Флэннер покинула Париж, ее место на определенное время занял Эббот Либлинг (Abbott Joseph Liebling, 1904–1963), подписывавший свои статьи A.J. Liebling. В 1926–1927 годах он учился в Париже, затем работал в ряде нью-йоркских изданий, а в 1935 году стал постоянным корреспондентом журнала «The New Yorker», в котором он оставался вплоть до своей смерти.

В октябре 1939 года он приехал в Париж и в первом же «Письме из Париже» от 28 октября с удивлением констатировал особенности «странной войны» – были открыты театры, в Комеди Франсез шло по несколько спектаклей в неделю, а в бистро по вечерам никто не спешил погасить свет. На вопрос корреспондента «А если на свет прилетят бомбы месье Гитлера?» хозяин бистро спокойно ответил «Тогда и погашу свет. Надо всего лишь нажать кнопку» [13. p. 10].

Либлинг оставался в Париже до 10 июня 1940 года, когда он был вынужден вернуться в Нью-Йорк, так как через четыре дня немецкие войска вошли во французскую столицу. В Нью-Йорке он подвел черту под своими «Письмами из Парижа», опубликовав в августе два объемных очерка «Париж. Постскриптум I» («Paris Postscript I») и «Париж. Постскриптум II» («Paris Postscript II») и подчеркнув,

что «Франция все еще пребывала в гипнозе своих побед образца 1918 года» [13, р. 39].

Капитуляция Франции произвела удручающее впечатление в Англии. Молли Пэнтер-Даунз писала в своей колонке «Письмо из Лондона» (22 июня 1940):

«В понедельник, 17 июня – трагический день, когда Британия потеряла союзника, вместе с которым она намеревалась сражаться до самого горького конца, – Лондон притих словно деревня. Можно было слышать, как булавка падает в этой странной и настороженной тишине. В местах, обычно наполненных шумом входящих и выходящих, на тех же больших железнодорожных станциях, царила такая же необычная тишина. Люди стояли, читая газеты; закончивший чтение передавал газету тому, кто не успел ее приобрести, и брел восвояси.

Жизнерадостные лондонские кокни внезапно просто исчезли. Мальчик, продающий зловещую газету, делает это молча, кондуктор в автобусе молча пробивает билет. Кажется, что публика реагирует на ошеломляющие новости как человек во сне, беззвучно скользя мимо мрачных видений. О случившемся почти не говорят, настолько оно ужасно. Пламя объело соседний дом, и огонь подступает все ближе, и нет времени спорить о том, кто или что стали тому причиной и можно ли вынести из пожарища какие-нибудь ценные вещи» [13, р. 36].

В тот же день состоялось радиовыступление Уинстона Черчилля, в котором тот произнес следующие слова:

«Новости из Франции неутешительны, и мне искренне жаль доблестный французский народ, оказавшийся в ужасной беде. Однако никакие новости не могут повлиять на наше дружественное отношение к этой нации и ослабить нашу веру в то, что вскоре Франция наверняка воспрянет духом. Решение руководства этой страны никак не отразится на нашей деятельности и наших задачах. Теперь вся надежда на нас – только мы можем с оружием в руках отстоять дело мира! Мы должны сделать всё возможное, чтобы доказать, что достойны этой высокой чести! Мы будем защищать свой родной остров и совместно с другими частями нашей империи продолжим сражаться с несгибаемым упорством до тех пор, пока человечество не будет избавлено от проклятия нацизма. В конце концов, мы обязательно добьемся своего» [7, с. 302].

На следующий день, 18 июня, «желая переубедить особенно многочисленных зарубежных скептиков и вообще всех тех, кто считал, что в скором времени Британия, подобно Франции, может капитулировать, Черчилль произнес <...> ставшую бессмертной речь в переполненном зале палаты общин» [7, с. 303].

Речь, получившая впоследствии название «Это был их звездный час» («This was their finest hour»), перемежала четкую аргументацию цитатами (он цитировал строки стихотворения английского поэта-метафизика Эндрю Марвелла) и собственными афоризмами.

Закончил свое выступление Черчилль мощным ораторским аккордом:

«Вот и закончилось страшное противостояние, которое генерал Вейган назвал “битвой за Францию”. Полагаю, скоро начнется “битва за Британию”. От исхода этой битвы будет зависеть, уцелеет ли христианская цивилизация. От исхода этой битвы будет зависеть, выживут ли британцы, удастся ли нам сохранить наши общественные институты и нашу империю. Очень скоро враг обрушится на нас со всей своей яростью и мощностью. Гитлер знает, что выиграть войну он может лишь одним способом – сломив наше сопротивление и захватив этот остров. Если мы сдержим его напор, Европа сможет обрести свободу, а у человечества появится надежда на светлое будущее. Но если мы проиграем, тогда весь мир, включая Соединенные Штаты, и вообще все, что нам мило и дорого, погрузится во тьму нового средневековья, только на этот раз оно будет куда более мрачным благодаря извращенной нацистской науке и, возможно, гораздо более продолжительным. Так давайте же засучим рукава и примемся за работу для того, чтобы, даже если Британская империя и Содружество просуществуют еще тысячу лет, люди все равно продолжали помнить нас и говорить об этом времени: “То был их звездный час!”» [7, с. 315].

Молли Пэнтер-Даунз не могла не упомянуть о воздействии этих речей Черчилля на рядовых англичан:

«Полудюжина фраз, которые рявкнул премьер-министр в микрофон в понедельник вечером, в гораздо больше успокоили людей, нежели долгая и подготовленная речь. Выступление мистера Черчилля на следующий день было менее взволнованным и более взвешенным – разумным подсчет шансов в пользу британской победы точно соответствовал мрачно-отрезвленному настроению англичан» [13, р. 36].

В декабре 1940 года Дженет Флэннер опубликовала в «The New Yorker» пронизанный трагической интонацией очерк (вне своей привычной колонки) «Париж, Германия» («Paris, Germany») с описанием жизни оккупированной французской столицы и положения французской прессы:

«До немецкой оккупации Париж был крупнейшим мировым центром, в котором создавались и потреблялись новости, с восемнадцатью основными ежедневными газетами, одна из которых, «Paris-Soir», имела крупнейший на континенте дневной тираж – два с половиной миллиона. Из этих газет осталась жалкая горстка, и все они функционируют под германским присмотром, подавая искаженную информацию, хотя во французских газетах пишут французские журналисты, что поделать – работа есть работа» [13, p. 77].

В 1941 году Вторая мировая война распространилась на новые страны и континенты – в нее оказались вовлечены СССР и США.

В журнале «The New Yorker» стали появляться новые жанровые образования, которые строились на базовой модели репортажа, но с определенного рода инновациями. Их можно условно назвать «письмами с фронта собственного корреспондента», которым оказался призванный в армию Эли Жак Кан-младший (Ely Jacques Kahn Jr., 1916–1994). Он пришел в журнал в 1937 году, а с 1941 по 1945 год служил в американской армии, отправляя в «The New Yorker» свои материалы в рубрику «Армейская жизнь» («Army Life») из самых разных мест – от Новой Гвинеи до Папуа.

В это время Либлинг работал военным корреспондентом в Африке, освещая боевые действия на тунисском фронте в 1943 году, чтобы потом снова вернуться во Францию. Он участвовал в так называемом «D-Day» (высадке войск союзников в Нормандии) в июне 1944 года и возобновил свою французскую колонку – вначале (в июле и августе) как «Письмо из Франции» («Letter from France»), а начиная с сентября как «Письмо из Парижа» («Letter from Paris»).

В 1944 году в Париж вернулась и Дженет Флэннер, но она будет не только писать о новой жизни в городе, но и поедет освещать работу Нюрнбергского трибунала. А за свои заслуги в области культуры в 1948 году получит орден Почетного Легиона.

Несколько необычной для военного периода журнала «The New Yorker» оказалась фигура Джона Херси (John Richard Hersey, 1914–1993), получившего Пулитцеровскую премию не за журналистские материалы, а за роман «Колокол для Адано» («A Bell for Adano», 1944).

Херси родился в Китае в семье протестантских миссионеров и хорошо знал китайский язык, что в дальнейшем повлияло на географию его журналистских маршрутов.

«Свою жизнь с родителями в Китае, а также деятельность американских миссионеров Херси описал в романе «Зов» («The Call», 1985). В возрасте десяти лет Херси вместе с семьей вернулся в США, а затем поступил в Йельский университет, где неплохо учился, почти профессионально играл в американский футбол и стал членом тайного общества «Череп и Кости». Как известно, членами этого общества становятся только представители элиты, выходцы из самых богатых, влиятельных и знатных семей США. Они занимали и занимают важнейшие посты в политике, масс-медиа, финансовой, научной и образовательной сферах, продолжая поддерживать связь друг с другом, что видно по карьере Херси в области журналистики (Генри Люс, основатель журналов «Time» и «Life», для которых писал Херси, был также членом общества «Череп и Кости» и не раз оказывал ему помощь).

Как стипендиат фонда Эндрю Меллона Херси поступил в аспирантуру Кембриджского университета. По ее окончании в 1937 году он (по протекции Генри Люса) стал на короткое время литсекретарем Синклера Льюиса, первого американского лауреата Нобелевской премии в области литературы» [4, с. 10].

После работы у Льюиса Херси стал работать в журнале «Time», был специальным корреспондентом журнала в Китае, а во время войны – военным корреспондентом в Азии и Европе и Азии, аккредитованным сразу двумя еженедельниками – «Time» и «Life».

С журналом «The New Yorker» Джон Херси начал сотрудничать в 1944 году, когда ему был заказан большой материал о событиях, имевших место 2 августа 1943 года. Торпедный катер PT-109 под командованием лейтенанта военно-морских сил США Джона Фицджеральда Кеннеди потерпел крушение в результате ночного

столкновения с японским эсминцем. Несмотря на травму спины, Кеннеди смог сам доплыть до острова и помочь доплыть одному из раненных моряков.

Херси решил начать повествование с отсылкой на адресанта:

«Нашим людям на Тихом океане приходится сражаться с природой с еще большей яростью, нежели в схватке с обычным врагом. Лейтенант Джон Ф. Кеннеди, сын бывшего посла, а затем капитан торпедного катера, несшего боевое дежурство у Соломоновых островов, на днях побывал в нашем городе и рассказал мне историю о своем спасении в южной части Тихого океана» [13, р. 292].

Очерк «Выживший» («Survival») отличался от репортажного тем, что был написан почти год спустя, с Кеннеди журналист встретился через несколько месяцев, то есть имелась значительная временная дистанция. Автора обвиняли в определенной мифологизации всей этой истории, в приписывании главному герою слов, которые тот просто не мог произнести. Тем не менее, «Выживший», опубликованный в журнале «The New Yorker» 17 июня 1944 года, оказался резонансным.

Тема «выживших» была продолжена в журнале год спустя после окончания Второй мировой войны, когда «The New Yorker» решил обратиться к описанию судеб тех, кто остался в живых после ядерных бомбардировок в Японии.

Идея очерка, как вспоминал Джон Херси, обсуждалась зимой 1945 года:

«До своего отъезда за обедом с Уильямом Шоном, в те годы вторым лицом в “The New Yorker” после Гарольда Росса, мы обсуждали возможные темы для публикаций. Хиросима была одним из предметов обсуждения. В то время абсолютно все писали о масштабе разрушений и мощности бомбы» [12].

Шон был «потрясен тем, что в миллионах слов, написанных о бомбе, – как и почему было принято решение, как она была сконструирована, нужно ли вообще было ее сбрасывать – ничего не говорилось о том, что действительно произошло в Хиросиме» [12].

В марте 1946 года Херси отправился на три недели в Японию. Там он побывал в Хиросиме, взял целый ряд интервью, из которых решил отобрать шесть наиболее характерных. Вернувшись в США, он за несколько недель написал очерк «Хиросима»

(«Hiroshima»), считающийся одним из лучших в истории американской журналистики.

Очерк оказался очень объемным и был рассчитан на публикацию в четырех номерах, но в итоге было принято решение изменить правила форматирования журнала и опубликовать его полностью в одном номере.

31 августа 1946 года очередной номер «The New Yorker» вышел со следующим редакционным обращением:

«Нашим читателям,

На этой неделе «The New Yorker» отдает всю свою площадь для публикации материала о почти полном уничтожении города одной атомной бомбой и о том, что случилось с людьми этого города. Мы исходим из убеждения, что еще немногие из нас способны осмыслить произошедшее, понять невероятную разрушительную силу этого оружия, и потребуется еще немало времени, чтобы осознать страшные последствия его использования» [14, p.15].

Первая глава «Хиросимы» под названием «Бесшумная вспышка» («A Noiseless Flash») была похожа на сценарный план документального фильма:

«Ровно в восемь часов пятнадцать минут утра по японскому времени 6 августа 1945 года, в миг, когда атомная бомба была сброшена на Хиросиму, госпожа Тошико Сасаки, сотрудник отдела кадров “Ист Эйша Тин Уоркс”, сидела за своим рабочим столом и повернулась, чтобы поговорить с девушкой, сидевшей за соседним столом. В тот же момент доктор Масакадзу Фуджи читал, заложив ногу за ногу, газету “Асахи” на крыльце своей частной больницы, здание которой нависало над одной из семи речушек, разделяющих Хиросиму; госпожа Накамура Хатсуо, вдова портного, стояла у окна своей кухни, наблюдая за тем как сосед разбирает дом, мешавший пожарному проезду; преподобный Вильгельм Клайнзорге, священник из Общества Иисуса, разделся и прилег на раскладушку на третьем этаже миссионерского приюта, чтобы почитать журнал иезуитов “Stimmen der Zeit”; доктор Теруфуми Сасаки [однофамилец Тошико Сасаки], молодой хирург, работавший в большой современной больнице Красного Креста, шел по одному из коридоров, держа в руках пробу крови для реакции Вассермана; и преподобный Киеси Танимото, священник Хиросимской методистской церкви, остановился у двери богатого дома в районе Кои, восточном пригороде, и приготовился разгружать

тележку, наполненную вещами, которые он вывез из города, опасаясь очередных массированных налетов бомбардировщиков В-29. Сто тысяч людей погибло от атомной бомбы, а эти шестеро остались в живых» [13, р. 507].

У каждого из шести выживших «свой опыт пережитого, даже при описании вспышки. Танимото видит «огромную вспышку света», как «лист солнца». Для Накамура все мигает, как огромный белый свет. Доктор Фуджи видит вспышку блестящего желтого света, а отец Клейнзорге – страшную вспышку словно метеор перед взрывом. Доктор Сасаки наблюдает «гигантскую фотографическую вспышку», а Сасаки «парализована страхом» от «ослепительного света».

Этот свет является началом долгой череды событий, которые объединят шесть оставшихся в живых. К тому же, свет, который, как правило, связан с духовной чистотой и добротой в западной традиции, оказывается разрушителем сущего.

Далее Херси показывает, как эта вспышка изменила жизнь каждого из выживших, добавляя в свой нарратив иронию и приемы почти кинематографического саспенса, который реализуется в предыстории каждого персонажа и в ожидании дальнейшей развязки. Ирония, хотя и несколько черная, заключена в сигнале «отбой» за пятнадцать минут до взрыва, а также в книгах, упавших на Сасаки. Херси использует универсальный символ (книга как символ знания), который меняет собственное значение (книга становится оружием разрушения)» [4, с.16].

«Хиросима» Джона Херси подвела черту под журналистским контентом военного периода «The New Yorker», показав его огромный потенциал.

ВЫВОДЫ

Литературно-медийный нарратив журнала «The New Yorker» периода Второй мировой войны неизбежно расширялся, предлагая новые жанровые формы – эпистолярный репортаж, письма с фронта от собственного корреспондента, очерковая аналитика, использование элементов радио-нарратива и кино-нарратива.

Многие из приемов, использованных в журнале «The New Yorker», найдут свое развитие в «новом журнализме», когда литературно-медийные практики инкорпорируются в структуру нон-фикшн, то есть документального повествования:

«Традиционные рамки журналистики расширялись, и дело было не только в приемах письма. Сама репортерская работа будила новые амбиции. Она стала более интенсивной, дотошной, поглощающей все время без остатка, сильно отличаясь от той, к которой привыкли газетные и журнальные репортеры, включая репортеров-исследователей. Теперь они взяли за правило проводить с персонажами своих будущих очерков вместе дни, а то и недели. Они собирали по крохам весь материал, которым раньше пренебрегали, – и шли на место событий. Крайне важным считалось видеть собственными глазами все происходящее, жесты, выражения лиц, слышать диалоги, познакомиться со всей окружающей обстановкой. Идея состояла в том, чтобы дать правдивое описание плюс еще то, что обычно читатели находят в романах и рассказах, а именно – показать личную или духовную жизнь персонажей» [3].

Стоит также отметить, что почти все рассматриваемые в статье авторы после войны издавали документальные книги о пережитом опыте. Либлинг начал эту традицию еще в военный период, написав книгу «Дорога обратно в Париж» («The Road Back to Paris», 1944), Кан – «Сражающиеся дивизии» («Fighting Divisions, 1945»), Дженет Флэннер – «Парижский дневник, 1944–1955» («Paris Journal, 1944–1955», 1965), Молли Пэнтер-Даунз – «Лондонские военные записки» («London War Notes», 1972).

Список литературы

1. Балдицын П. В. «Нью-Йоркер» – публицистический и литературно-художественный еженедельник для интеллектуалов / П. В. Балдицын // Зарубежные еженедельники: история и современность. Коллективная монография / под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2018. – С. 274–318.
2. Брехт Б. Теория радио, 1927–1932 / Б. Брехт. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 64 с.
3. Вулф Т. Новая журналистика и антология новой журналистики / Т. Вулф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/vulf_tom/novaya_gurnalistika_i_antologiya_novoy_gurnalistiki.htm (дата обращения 12.11.2021)
4. Лучинский Ю. В. «Хиросима»: военная документалистика Джона Херси / Ю. В. Лучинский // Медийные стратегии современного мира. Материалы Девятой Международной научно-практической конференции. – Краснодар: КубГУ, 2016. – С.10–17.
5. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / Д. Матисон. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2013. – 264 с.
6. Мейер Г. Новый мир / Г. Мейер // Современная архитектура, 1928. – №5. – С.160–162.

7. Черчилль У. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Уинстона Черчилля / У. Черчилль. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 320 с.
8. Abercrombie N., Longhurst. Dictionary of Media Studies / N. Abercrombie, Longhurst. N. Y.: Penguin Reference Library, 2007. 384 p.
9. Campbell J. Genet does Paris / J. Campbell // The Guardian, 2003 (Nov. 29, Sat.).
10. Gay B.J. Assignment to Hell: The War Against Nazi Germany with Correspondents Walter Cronkite, Andy Rooney, A.J. Liebling, Homer Bart, and Hal Boyle / B.J. Gay. N.Y. NAL Caliber, 2012. 544 p.
11. Metha V. Remembering Mr. Shawn's New Yorker: The Invisible Art of Editing / V. Metha. N.Y.: The Overlook Press, 1999. 414 p.
12. Rothman S. The Publication of «Hiroshima» in «The New Yorker» / S. Rothman // Science and Society in the 20th Century. January, 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.herseyhiroshima.com/hiro.php (дата обращения 12.11.2021)
13. The New Yorker Book of War Pieces. N.Y.: The Campbell Press, 1947. 562 p.
14. To our readers // The New Yorker, 31 August, 1946.

References

1. Balditsyn P.V. New Yorker» – publizisticheskiy i literaturno-khudozhestveniy ezenedelnik dlia intellektualov [«The New Yorker» – publicistic and literary-artistic weekly] Zarubejnyiy ezenedelniki: istoriya i sovremennost. Kollektivnaya monografiya. Moscow, 2018, pp. 274–318.
2. Brecht B. Teoria radio, 1927–1932 [The theory of radio, 1927–1932]. Moscow: Marginem Press, 2014. 64 p.
3. Wolf T. Novaya zurnalisika i antologiya novoi zurnalisiki [New journalism and antology of New journalism] Available at: http://royallib.com/book/vulf_tom/novaya_gurnalistika... (accessed 5 December 2021)
4. Luchinsky Yu.V. «Hiroshima»: voyennaya dokumentalisika Johna Hersey [«Hiroshima»: military documentary by John Hersey] Mediinya strategii sovremennogo mira. Materiali IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoi konferenzii. Krasnodar: KubGU, 2016, pp.10–17.
2. Matison D. Media-diskurs. Analiz media-tekstov [Media discourse. Media texts analysis]. Kharkov: Humanitarian Center, 2013. 264 p.
3. Meyer H. Novyi mir [New World] Sovremenaya arhitektura, 1928, No 5, pp.160–162.
4. Churchill W. Nikogda ne sdavatsya! Luchye rechi Winstona Chuchilla [Never give up! Best speeches by Winston Churchill]. Moscow: Alpina non-fiction, 2014. 320 p.
5. Abercrombie N., Longhurst. Dictionary of Media Studies. New York: Penguin Reference Library, 2007. 384 p.
6. Campbell J. Genet does Paris The Guardian, Nov. 29, 2003
7. Gay B.J. Assignment to Hell: The War Against Nazi Germany with Correspondents Walter Cronkite, Andy Rooney, A.J. Liebling, Homer Bart, and Hal Boyle. New York: NAL Caliber, 2012. 544 p.
8. Metha V. Remembering Mr. Shawn's New Yorker: The Invisible Art of Editing. New York: The Overlook Press, 1999. 414 p.
9. Rothman S. The Publication of «Hiroshima» in «The New Yorker». Science and Society in the 20th Century. January, 1997. Available at: www.herseyhiroshima.com/hiro.php (accessed 5 December 2021)
10. The New Yorker Book of War Pieces. New York: The Campbell Press, 1947. 562 p.
11. To our readers. The New Yorker, August 31, 1946.
12. Rothman S. The Publication of «Hiroshima» in «The New Yorker». Science and Society in the 20th Century. January, 1997. Available at: www.herseyhiroshima.com/hiro.php (accessed 5 December 2021)

13. The New Yorker Book of War Pieces. New York: The Campbell Press, 1947. 562 p.
14. To our readers. The New Yorker, August 31, 1946.

GENRE SPECIFICITY OF LITERARY MEDIA NARRATIVE OF THE NEW YORKER MAGAZINE (1939–1946)

Yu. V. Luchinsky, A. V. Tatarinov, L. N. Tatarinova

The article examines the genre specificity of the literary and media narrative used by *The New Yorker* during the Second World War. The special place of this magazine in the media landscape of the United States by that time determined both the format of the presentation of the material and the strategy of the proposed journalistic practices. On the one hand, the scale of the unfolding events played a role, on the other hand, the influence on the media discourse of new, not met in the nineteenth century, phenomena, which include cinema and radio. Elements of cinema narrative and radio narrative could not but affect the language of the materials of *The New Yorker*, which influenced all of US military journalism. A comparative analysis of the precedent texts of the leading authors of the journal of this period, which became significant in the history of American journalism and literature, was carried out, since the journal determined the literary and journalistic tastes of the readership, and also formed the political agenda. For example, the essay «The Survivor» by John Hersey predetermined the presidential career of John Fitzgerald Kennedy, and the essay «Hiroshima» by the same author became one of the most striking phenomena in the American literary and journalistic space in the postwar years.

Keywords: literary and media narrative, The New Yorker magazine, genre specificity, media landscape, John Hersey, Molly Panther-Downes, Janet Flanner, essay genre, epistolary genre, reportage.

УДК 070(091):355.01"1853/1856"(292.471)

ОТ «СОЛДАТСКОГО ВЕСТНИКА» – К «ВОЕННОМУ ЛИСТКУ»: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ ИЗДАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1854 г.)

Орехова Л. А., Первых Д. К.

*Институт филологии, Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: la.orehova@gmail.com, dianavasileva@yandex.ua*

В задачи статьи входило контекстовое осмысление кишиневского замысла Л. Н. Толстого и его товарищей-офицеров о периодическом издании для солдат «Солдатский вестник» и практических возможностей такого издания в условиях военного времени. Сохранившийся в рукописях Л. Н. Толстого «Проект журнала» содержит ряд подробностей, восстанавливающих реальные исторические и личностные обстоятельства и позволяющих проследить логику изменений в планах издания, переименования журнала в «Военный листок» с перспективой ежедневного выхода. Новый формат периодического издания, по сути дела, принимал форму оперативного. Высочайшего разрешения журнал не получил. Но дальнейшие публикации авторов неразрешенного журнала свидетельствуют о последовательной их приверженности нравственно-идеологическим и эстетическим идеям «Солдатского вестника» и «Военного листка», по замыслу издателей, доступных *«всем сословиям военного общества»*.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Солдатский вестник», «Военный листок», А. Д. Столыпин, О. И. Константинов, военная журналистика, Крымская война.

ВВЕДЕНИЕ

В период воинской службы на Кавказе и на Дунае у Л. Н. Толстого последовательно формировалось мировоззренческое представление о простом человеке, солдате, что ощутимо в черновых набросках «Кзаков», где равно значимы для автора и предельно правдивое бытописание, и выявление «свойственной славянскому племени своеобразности» («Терская линия», 1853). Постигание нравственного состояния русского солдата на войне, понимание «народной» оценки военных и политических событий – важнейшее условие познания народа. Особенно актуальным это оказалось в начале Крымской (Восточной) войны, когда сложное переплетение политических устремлений привело к военным действиям с большими жертвами. Тогда и родилась в среде офицеров русской Южной (Дунайской) армии в

Кишиневе, где с марта 1854 г. служил приехавший с Кавказа Л. Н. Толстой, идея периодического издания для простых солдат «Солдатский вестник».

В **задачи** статьи входит контекстовое осмысление 1) кишиневского замысла Л. Н. Толстого и его товарищей – офицеров Южной армии – о периодическом издании для солдат и 2) практических возможностей такого издания в условиях военного времени.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Южная армия, сформированная в мае 1853 г. под командованием генерал-адъютанта кн. М. Д. Горчакова, после разрыва русско-турецких отношений и последовавшего 14 июня 1853 г. Высочайшего манифеста о занятии Россией Придунайских княжеств выступила в Бухарест; православное население города приветствовало русские войска. Но дальнейшие события и дипломатические решения (Венская нота 31 июля 1853 г.) к осени определили расположение русских войск в Молдавии и Валахии по берегу Дуная. «Восточный кризис» планомерно перерастал в полномасштабную войну трех империй – Британской, Французской, Османской – против «северного колосса», Российской империи [7, с. 5–12].

В Кишинев, куда была переведена из Бухареста главная квартира армии, Толстой приехал 9 сентября 1854 г. Положение становилось все тревожнее. Эпицентр военных действий сдвигался к Крыму. 2 сентября 1854 г. произошла высадка англо-французско-турецких войск под Евпаторией. Именно тогда, в сентябре 1854 г., Л. Толстой и шестеро его друзей-офицеров, «выдающихся людей», как потом писал Толстой Т. А. Ергольской [15, т. 59, с. 294], задумали Общество для содействия просвещению и образованию среди войск. Но от этого замысла (думается, как по особенностям задач Общества, предусматривающих регулярные занятия, беседы с солдатами, так и по настороженному отношению к любым «обществам» в николаевской России, и даже по отсутствию времени в условиях войны) скоро отказались и перешли к «плану журнала» (выражение Л. Н. Толстого). Необходимо заметить, что от идеи создания Общества Толстой отказался с трудом. Так, 17 сентября 1854 г. в дневнике он писал, что его «сильно занимает» «план составления

общества», а 23 сентября – 5 октября отмечено: «<...> План общества перешел в план журнала – для большей части из 7-ых, но не для меня и для Фриде. По случаю журнала я не еду и журнал подвигается слабо... Мне необходимо написать статью в пробный листок» [15, т. 59, с. 285]. 6–11 октября Толстой записывает: «Журнал подвигается медленно» [15, т. 59, с. 285]. Эти записи свидетельствуют, что на протяжении нескольких дней (с 17 сентября до начала октября) у Толстого и его товарищей шли споры о перспективах их будущей деятельности, это вполне объяснимо. Однако и Толстой вскоре пришел к убеждению о преимуществах издания журнала; журнал решили назвать «Солдатский вестник».

Между тем сообщения с мест военных действий становились все тревожнее. 17–18 октября 1854 г. Толстой писал Т. А. Ергольской из Кишинева: «Не знаю, с таким ли горячим интересом у вас относятся к происходящему в Крыму; здесь же приезд курьера из Севастополя составляет эпоху в жизни, и когда вести печальные – то всеобщее горе» [15, т. 59, с. 279]. Далее он намеками сообщает «дорогой тетушке», что «занят одним начинанием» (имея в виду проект журнала) и работает над ним «с большим удовольствием, потому что вещь полезная» [15, т. 59, с. 279].

В ноябре Толстой приехал в Крым. В письме к брату С. Н. Толстому от 29 ноября 1854 г. он делится впечатлениями, подробно пересказывает разговоры встреченных в Севастополе солдат, священников. Почти неожиданно сообщает: «Далее я расскажу тебе, каким образом ты в печати будешь от меня же узнавать о подвигах этих вшивых и сморщенных героев» [15, т. 59, с. 282]. Толстой посвящает брата в обстоятельства задуманного дела (здесь и далее сохраняем орфографические особенности подлинника. – Л. О., Д. П.): «В нашем артиллерийском штабе (в Кишиневе. – Л. О., Д. П.), состоящем <...> из людей очень хороших и порядочных (курсив наш. – Л. О., Д. П.), родилась мысль издавать военный журнал, с целью поддерживать хороший дух в войске, журнал дешевый (по 3 р.) и популярный, чтобы его читали солдаты. Мы написали проэкт журнала и представили его Князю (М. Д. Горчакову. – Л. О., Д. П.)» [15, т. 59, с. 282].

Теперь идея периодического издания вдохновляла Толстого; ему даже казалось, как видим, что журнал непременно будут читать в столице и провинции. На этом

вдохновении в Кишиневе он составил «Проект журнала “Солдатский вестник”», который был одобрен командующим М. Д. Горчаковым и из которого мы узнаем многие подробности, восстанавливающие реальные обстоятельства и объясняющие логику изменений в замыслах Толстого и его друзей.

По проекту, среди пунктов, определяющих цель издания («распространение <...> правил военных добродетелей», «сведений о военных событиях», «познаний о специальных предметах военного искусства», «сведений о достоинстве военных сочинений»), два направления работы (в частности, п. 5 и п. 6) – собственно «литературные»:

«5. Доставка занимательного, доступного и полезного чтения всем чинам Армии.

6. Улучшение поэзии солдата, составляющей его единственную литературу, помещением в Журнал пес<ен>, писан<ных> языком чистым и звучным, внушающ<их> солдату правильные понятия о вещах <...>» [15, т. 4, с. 281].

Очевидно, что задача очень нелегкая и потребовала бы не только напряженной и регулярной работы авторов будущего журнала (между прочим, боевых офицеров), но и необычных жанрово-стилевых поисков и решений. Что касается выбора названия журнала, то использование слова «вестник», предполагающего *оповещение*, вполне мотивировано официальной частью издания. Посмотрим:

- « – Реляции с различных театров войны.
- Приказы о наградах за заслуги, выходящие из общего разряда отличий.
- Сентенции военного суда за противозаконные и постыдные поступки.
- И приказы, которым угодно будет Господину Командующему Войсками дать особую публичность» [15, т. 4, с. 281–282].

Кроме того, слово «вестник» с конкретизирующим определением стало уже традиционным в названиях журналов XVIII–XIX вв. Такие названия указывали, например, на регион издания («Северный вестник», «Московский вестник», «Санкт-Петербургский вестник», «Украинский вестник», «Сибирский вестник», «Закавказский вестник», «Казанский вестник», «Одесский вестник» и др.), реже – на тематическую направленность («Сатирический вестник», «Драматический вестник»)

или особенность литературно-политической программы («Вестник Европы»). В этом смысле выбранное Толстым и его товарищами название указывало на целевую аудиторию – простых солдат, а отсюда вытекает, что журнал должен был соединить воинскую тематику с возможностями подачи такого рода материалов едва грамотному или неграмотному выходцу из крестьян, пришедшему в армию по рекрутской повинности. Это требовало особой, причем «практической», языковой базы, осмысления уже имеющихся литературных опытов в отношении «просторечия», вызывавших подчас иронические читательские замечания.

Надо сказать, что к этому времени в Петербурге, по «Высочайшему соизволению», в качестве неофициального органа военного министерства уже издавался журнал «Чтение для солдат» (с 1847 г., выходил 6 раз в году; редактор – участник Кавказских походов 1830-х гг. И. Г. Чекмарев, впоследствии генерал). Как оценивали материалы этого журнала Толстой и его будущие со-издатели – нам не известно. Но понятно, что, задумав именно «вестник», они видели собственное издание оперативным, информативным и, безусловно, нужным, интересным солдату. Будущие издатели «Солдатского вестника» хорошо понимали все сложности задуманного дела, но, кажется, тем более тверды были в своих планах. Им понятна и близка была просветительская мысль Н. Г. Курганова (автора известного в русской истории «Письмовника»), написавшего во фрагменте «Геройский дух русского солдата»: «Истинное образование возвышает душу; оно нам влагает великодушие, первую отрасль всего лучшего из качеств добродетели. <...> Но тот, который одною природою руководим и подвигами своими извлекает слезы у имеющих душу, по моему мнению, выше получившего воспитание (курсив наш. – Л. О., Д. П.)» [4, с. 217].

Неграмотность народа болезненно переживалась просвещенной частью русского общества. Потребность в «простонародной» литературе была ощутима. С такой мыслью издавалось в 1843–1848 гг. в Петербурге рассчитанное на крестьянина-земледельца «Сельское чтение» В. Ф. Одоевского и А. П. Заблочки-Десятовского (с ними сотрудничали В. И. Даль, М. Н. Загоскин, А. Ф. Вельтман, В. А. Соллогуб). В. Г. Белинский в подобных книгах видел «могущественное средство» для распространения народного («популярного») образования. В 1843 г. выходят

сборники «Солдатские досуги», а в 1853 г. – «Матросские досуги» В. И. Даля [16, с. 167–170].

В 1855 г., в разгар Крымской войны, подобное целевое решение воплотилось в рассчитанной на «господ унтер-офицеров, ефрейторов, рядовых и прочих кавалеров» книге А. Ф. Погосского «Солдатские заметки» (цензурное разрешение 1 марта 1855 г., цензор В. Н. Бекетов), где не было «ни Бовы-королевича, ни прекрасной Вахромеевны», а был «наш брат солдат с своими портянками да тавлинками» [12, с. 88]. В это же время собирал в Одессе (а позднее опубликовал в «Современнике») «солдатские рассказы» Н. П. Сокальский [9, с. 364–402]. К читателю из народа «приноравливались» не только сюжеты и образы; для него «прописывались» особенности устной простонародной речи (по оценке современного исследователя, – «стиль с любовью к народному слову» [13, с. 27]. Отметим также, что «простонародное» содержание и «простонародная» форма в публикациях периода Крымской войны, как правило, воплощались в жанрах лубочного искусства, характеризовавшихся как «яркостью гиперболизированных изображений», так и «нехитрой тематикой, «простодушными» сюжетами» [10, с. 92].

Сложность состояла и в организации «армейского» издания. Военные издания существовали в России. В Санкт-Петербурге в типографии Артиллерийского Департамента шесть раз в году выходил «Артиллерийский Журнал». Широкой популярностью пользовалась газета «Русский инвалид», история которой убеждала, что даже частная инициатива может иметь успешное продолжение. Созданная в 1813 г. чиновником-масоном П. П. Пезаровиусом (1776–1847) по благотворительным побуждениям (помощь инвалидам 1812 года, вдовам, сиротам), газета приносила доход, а с 1816 г. выходила ежедневно; в годы Крымской войны фактически обрела «официальный» характер (с 1862 г. – официальная газета Военного Министерства; с 1869 г. – орган Генерального штаба).

Еще ближе был убедительный пример журнала «Морской сборник», инициаторами создания которого стала группа морских офицеров во главе с Ф. П. Литке, выдающимся исследователем Арктики, руководителем Морского ученого комитета, инициатором создания Императорского Русского географического

общества (в 1845–1850 гг. – первый вице-председатель Общества). «Морской сборник» выходил с 1848 г. ежемесячно, стал официальным органом Военно-морского ведомства.

Могла ли иметь аналогичное продолжение инициатива армейских офицеров в Кишиневе при Дунайской армии? Возможно – но нужна была личность, по доступу к организационным ресурсам равная Ф. П. Литке, и нужны были условия мирного времени. Будущие «издатели» во многом полагались на авторитет Главнокомандующего Южной армией генерала от артиллерии М. Д. Горчакова, участника Бородинского сражения, русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Он, видим, поддержал идею своих офицеров, и неслучайно его фамилия неоднократно появляется в Проекте «Солдатского вестника».

В Проекте Толстого чувствуется горячая надежда на издательские перспективы – вплоть до *ежедневного* выхода журнала «при Главной квартире войск 3, 4 и 5 пехотных корпусов» и даже на *бесплатную* рассылку вышедших номеров «по различным частям войск»:

«Вообще редакция будет стараться иметь сотрудников и постоянных корреспондентов во всех местах расположения русской армии и даже во флоте.

Журнал предполагается издавать при Главной Квартире войск 3, 4 и 5-го пехотных корпусов, еженедельно по печатному листу в формате in 4°.

(С увеличением средств издатели надеются и будут стараться из еженедельного издания Журнала довести его до ежедневного).

Редакция будет иметь постоянные конторы в обеих столицах и некоторых Губернских городах. –

Редакция будет просить Господина Командующаго Войсками (М. Д. Горчакова. – Л. О., Д. П.) о разрешении действовать для приобретения сотрудников и материалов для Журнала, до начала издания его и в случае утверждения проэкта Журнала о бесплатной разсылке №№ онаго по различным частям войск» [15, т. 4, с. 283].

По Проекту, журнал должен был издаваться на средства от подписки и всех 7 издателей, включая Л. Н. Толстого [15, т. 4, с. 282]. При этом был расчет на прибыльность издания («увеличение средств»), что позволило бы «довести его до

ежедневного». Однако чуть позже брату Сергею Николаевичу Толстой сообщил, что средства «авансируют» он и один из издателей – А. Д. Столыпин. Видимо, остальные участники издательского сообщества, не располагая деньгами, пришли к договоренности, что в случае «недостаточности» авансируемых сумм выходить из положения будут «общими» усилиями. Такой, на наш взгляд, смысл извлекается из записи Толстого в «Заметке по поводу Военного журнала»: «Денежные средства находятся у Фриде. В случае же недостаточности – общими силами» [15, т. 4, с. 284].

Помимо изыскания средств, необходимо было озаботиться практическими вопросами издания; для этого, беря на себя функции редактора, Толстой в момент подготовки Проекта журнала, еще не знает, кто будет «избран» вторым редактором и записывает: «Издателями избраны редакторы Графъ Толстой и... (далее оставлено свободное место. – Л. О., Д. П.)» [15, т. 4, с. 282]. Слово «избран» указывает, что решение обсуждалось и принималось всеми будущими издателями задуманного журнала; при этом, видимо, оговаривалось пожелание (понятное в условиях войны), чтобы именно 2 редактора управляли всеми процессами издания и могли замещать друг друга. Однако соответствующих предложений, рекомендаций высказано пока не было, иначе Толстой обязательно упомянул об этом в Проекте, как по обыкновению делал это в иных случаях (когда писал, например, о планах приглашения в журнал авторов из различных воинских частей). Лишь из Крыма в письме к брату С. Н. Толстому 29 ноября 1854 г. он сообщил: «Я избран редактором вместе с одним Г<осподи>ном Константиновым, который издавал Кавказ и человек опытный в этом деле» [15, т. 59, с. 283].

Вновь использовано слово «избран» (т. е. вновь было общее решение). Вторым редактор – Осип Ильич Константинов (1813–1856), бывший в 1846–1849 гг. редактором газеты «Кавказ», созданной по распоряжению М. С. Воронцова (изд. на русском и армянском яз.).

В 1850–1854 гг. О. И. Константинов состоял чиновником по особым поручениям при военном министре (в Петербурге) и за это время издал «Дорожник по пути следования Е. И. В. Государя Наследника по Закавказскому краю в 1850 г.» (Тифлис,

1850); «Путеводитель по Черномории, Кавказскому и Закавказскому краю...» («Кавказский календарь на 1851 год». Тифлис, 1850).

В 1854–1855 гг. Константинов находился при штабе М. Д. Горчакова; в Севастополе, по поручению главнокомандующего, собирал материалы для истории обороны города; в 1875 г. в журнале «Русская старина» был опубликован его очерк «Штурм Малахова Кургана, 27-го и 28-го августа 1855 г. в Севастополе». Возможно, именно командующий М. Д. Горчаков, хорошо узнавший Константинова как скрупулезного историка, журналиста, рекомендовал его на должность редактора задуманного журнала. Толстой же написал о втором редакторе как-то неопределенно: «вместе с одним Г<осподи>ном Константиновым, который издавал Кавказ...» [15, т. 59, с. 283].

Впрочем, есть логичное предположение, что Л. Н. Толстой мог познакомиться с О. И. Константиновым еще в Тифлисе, куда осенью 1851 г. приехал из станицы Старогладковской для определения на военную службу [2, с. 52]. Но в этом случае придется признать, что знакомство, видимо, было весьма кратковременным. Сейчас важно другое: Константинов имел репутацию умного человека, хорошего издателя, добросовестно относившегося к делу. По оценке современного исследователя, работа Константинова по изданию газеты «Кавказ» отразила «теплое, уважительное отношение редактора ко всем народам Кавказа», что «предопределило тематику и тональность издания» [3, с. 78].

Судя по всему, среди будущих издателей «Солдатского вестника» было согласие и готовность к работе, поскольку столь сложная идея, как общее печатное издание, могла вызреть только в кругу людей, связанных взаимной доверительностью и сходными идейными помыслами. В Проекте Толстой называет фамилии «издателей»-единомышленников; обратим внимание, что все они – не выше обер-офицерских чинов (от капитана до подпоручика): капитаны А. Я. Фриде, А. Д. Столыпин, штабс-капитаны И. К. Комстадиус, Л. Ф. Баллюзек, поручики Шубин, К. Н. Боборыкин, подпоручик гр. Тоне. Вполне возможно, никто из них, кроме Толстого и Столыпина, не мог, по своему материальному положению, авансировать деньги на издание журнала. Но «издатели» одновременно являлись и

наиболее надежными авторами текстов, которые предполагалось помещать в неофициальной части журнала. По Проекту неофициальная часть виделась так:

«1. – Рассказы из военного <офицерского и солдатского быта и письма очевидцев> с различных театров войны, заключающие в себе: подвиги отдельных отрядов и лиц, жизнеописания, некрологи, описания края, жителей, характера и образа действия неприятеля и т. п. (*На полях страницы карандашом записаны некоторые фамилии авторов будущих текстов: «Стал<ыпин> о В<аллах>, м<ожет> б<ыть>, Бабо<рыкин>»*).

2. – Популярные статьи об артиллерийском и инженерном деле и наставления солдатам о правильном обращении с лошадьми и оружием и сбережении оных (*На полях: Крыж<ановский> и Баллю<зек>»*).

3. – Критический обзор. Перечень полезных сочинений и описаний проэктв и нововведений в военном искусстве.

4. – Солдатские песни (*На полях – Горчако<в>»*).

5. – Религиозные поучения воинам.

6. – Казенные и частные объявления, касающиеся потребностей войска» (*На первой странице Проекта многократно записано: К. Боборыкин*) [15, т. 4, с. 282].

В планы «издателей» были посвящены и «обещали свое сотрудничество» полковники Ковалевский, Крыжановский, Миньков. «Сверх сего», отмечено в Проекте, «редакция <...> будет покорно просить принять участие в Журнале» 16 генералов и полковников армии, а также преосвященного Иннокентия и высокопреосвященного Филарета [15, т. 4, с. 283].

Скажем сразу, что названные офицеры-«издатели» были людьми, на деле доказавшими преданность отечеству. Достаточно привести сведения о их службе и воинской судьбе во время Крымской войны.

24 октября 1854 г. погиб в Севастополе, в Инкерманском сражении штабс-капитан артиллерии *Иосиф Карлович Комстадиус* [14, с. 114]. В Севастополе сложил голову и его брат, *Август Карлович Комстадиус* (род. в 1826 г.), лейтенант флота, представленный к золотой сабле с надписью «За храбрость»; он умер от ран в Симферополе 17 сентября 1855 г. [5, с. 77–79]. В тот же день, 17 сентября 1855 г., при

штурме турецкой крепости Карс получил смертельную рану ген.-лейтенант, начальник правого фланга Кавказской линии *Петр Петрович Ковалевский* (1808–1855). Л. Н. Толстой знал его по Кавказу и очень надеялся привлечь боевого генерала к работе в журнале. П. П. Ковалевский умер 21 сентября; Высочайшим приказом посмертно награжден орденом Белого орла с мечами.

Известие о гибели И. К. Комстадиуса, о стремительно развивающихся событиях в Крыму заставило Толстого и его кишиневских товарищей-офицеров настойчиво проситься в Севастополь; вскоре все они оказались в осажденном городе. Изучая этот список, понимаем, что не случайно Л. Н. Толстой назвал их «выдающимися людьми». Время показало, что предполагаемые издатели и авторы солдатского журнала, прошедшие Крымскую войну, достойно запомнились в государственной истории России.

Фриде Александр Яковлевич (1823–1894) – впоследствии начальник Окружного артиллерийского управления на Кавказе, генерал от артиллерии. Во время Крымской войны командовал 9-й конно-артиллерийской легкой батареей, где служил и названный в «издательском» списке Толстого *поручик Шубин*.

Баллюзек Лев Федорович (1822–1879) – впоследствии ген.-лейтенант, дипломат, первый постоянный представитель (министр-резидент) России в Китае; первый глава Тургайской области.

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822–1899) – автор опубликованного в «Современнике» очерка «Ночная вылазка в Севастополе» [9, с. 373–377]; впоследствии генерал, писатель; отец выдающегося российского реформатора П. А. Столыпина (1862–1911). С 1857 г. А. Д. Столыпин являлся наказным атаманом Уральского казачьего войска и, что важно, организовал в Уральске войсковую типографию, открыл на территории войска около ста школ, издавал учебники для казаков. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., причем на войну в качестве сестры милосердия с ним поехала супруга, Наталья Михайловна, урожд. княжна Горчакова. После русско-турецкой войны А. Д. Столыпин был назначен ген.-губернатором Румынии и Андрианопольского санджака. К слову говоря, в числе участников Севастопольской обороны были и двоюродные братья А. Д. Столыпина:

Алексей Аркадьевич Столыпин (1816–1858), прозванный «Монго», и Дмитрий Аркадьевич Столыпин (1818–1893). С ними был знаком Л. Н. Толстой и, возможно, рассчитывал на их литературные материалы.

Боборыкин Константин Николаевич (1829–1904) – ген.-лейтенант с 1879 г.; первый российский консул в Урге. С 1864 г. исполнял должности Оренбургского губернатора, командующего войсками Оренбургского военного округа.

Упомянутый Толстым «полковник Ковалевский» – брат ген.-лейтенанта П. П. Ковалевского Егор Петрович Ковалевский (1809–1868) – писатель, дипломат. Являясь доверенным лицом русского правительства в Черногории, Е. П. Ковалевский после Константинопольских (февраль – апрель 1853 г.) русско-турецких переговоров кн. А. С. Меншикова «прямо из турецких провинций» прибыл в Дунайскую армию, где и сблизился с издательским кругом «Солдатского вестника». С получением известий об Альминском сражении просился в Крым; в Севастополе оставался до ноября 1855 г.; автор ряда исторических книг, в том числе «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах» (СПб, 1871), а также статьи в журнале «Современник» «Бомбардирование Севастополя» (1856. № 5). В будущем биографии Л. Толстого и Е. Ковалевского неоднократно пересекались, а публикации в «Современнике» подтверждают их одинаково ответственное отношение к описанию войны [1, с. 157].

В 1854 году задуманный журнал стал сферой совместной литературной деятельности названных офицеров. Журнал должен был выходить «еженедельно по печатному листу в формате in 4°» (четверть типографского листа, размер страницы 24,15 на 30,5 см. – Л. О., Д. П.). Но военные события обрели критический характер. Видимо, под их влиянием вызревает решение изменить название задуманного журнала: не «Солдатский вестник», а «Военный листок». Соответственно должен был меняться формат издания, его содержательно-стилевое наполнение; актуализировалось не «чтение для солдат», а военная информация, необходимая «всем сословиям военного общества». Требовался широкий охват (обзор) военных событий, иные ракурсы их видения и уровни трактовки. Логично также, что *военное периодическое* издание в условиях военного времени требовало регулярного

контроля военной цензуры, что осуществить ни в Кишиневе, ни тем более в осажденном Севастополе не представлялось возможным. Да и на типографские работы в военном Крыму трудно было рассчитывать.

Но прежде всего следовало получить Высочайшее соизволение на издание и для этого подготовить «пробный листок». «Пробный листок» был подготовлен, хотя скоро его содержание пробудило у Толстого сомнения и тревожные предчувствия, которые вполне объяснимы, если вспомнить, насколько трудно власти «пропускали» новые периодические издания [6, с. 139–141]. В «Заметке по поводу военного журнала» ощутимо беспокойство Толстого:

«Составить более подробную прог<рамму> – и форму письма для приглашения сотрудников – <...>

Написать письма в Петербург к лицам, могущим иметь влияние на успех проекта Журнала, и просить о том лиц, принимающих участие в нем. –

В случае изменения некоторых статей пробного листка, обратиться за советами к Ковалевскому (Е. П. Ковалевскому. – *Л. О., Д. П.*) и статью Толстова изменить <на> Ростовцева» [15, т. 4, с. 284].

21 октября 1854 г. пробный номер «Военного листка» был представлен главнокомандующему Южной армией М. Д. Горчакову; послано отношение по этому вопросу военному министру. Но 7 ноября 1854 г. министр отвечал, что Его Величество, «отдавая полную справедливость благонамеренной цели, с каковою предположено было издавать сказанный журнал, изволил признать неудобным разрешить издание оного», т. к. статьи о военных действиях печатаются в газете «Русский инвалид», и «из оной уже заимствуются в другие издания» [15, т. 4, с. 289]. Ответ был получен в Кишиневе 21 ноября 1854 г., но к этому времени Толстой уже уехал в осажденный Севастополь и об отказе на издание узнал значительно позже. Из Крыма, из д. Эски-Орда (ныне с. Лозовое в 6 км от Симферополя) Толстой писал брату Сергею: «<...> Надеюсь, что журнал будет полезный и не совсем скверный. – Все это еще предположения, пока не узнаем ответа Государя, а я, признаюсь, боюсь за него: в пробном листке, который послан в Петербург, мы неосторожно поместили 2 статьи, одна моя, другая Ростовцева, не совсем православные» [15, т. 59, с. 296].

Содержание «не совсем православных» статей Толстого и Н. Я. Ростовцева не известно: пробный номер «Военного листка», посланный в Петербург, не найден исследователями.

19 декабря 1854 г., уже зная об ответе военного министра, Толстой пишет Н. А. Некрасову о несостоявшемся журнале, для которого, между тем, «материалов гибель»: «Материалов современного военного содержания, набранных и приготовленных не для вашего Журнала, но для *Солдатского Листка*, о попытке основания которого при Южной Армии вы слышали, может быть, в Петербурге. На проэкт мой Государь Император всемилостивейше изволил разрешить печатать статьи наши в Инвалиде! (выделено нами. – Л. О., Д. П.)» [15, т. 59, с. 287].

Случайная ошибка в названии журнала, думается, свидетельствует о сохранявшейся ориентированности Толстого именно на «солдатское» издание. Здесь кстати будет сказать, что в Севастополе Толстой изучает язык солдат, записывает «солдатские разговоры», заинтересовавшие фразы, отдельные слова [15, т. 4, с. 297–298].

11 января 1855 г. Толстой вновь пишет к Некрасову и теперь подробнее рассказывает о «предполагавшемся журнале», его программе; он возмущен предложением «печатать статьи свои в Инвалиде». «Но по духу этого предполагавшагося журнала, – страстно продолжает Толстой, – вы поймете, что статьи, приготовленные для него, скорее могут найти место в Земледельческой Газете или в какой-нибудь Арабеске, чем в Инвалиде» [15, т. 59, с. 296]. Толстой имеет в виду простонародный язык, не характерный для страниц столичных журналов. Между тем именно эта, живая народная речь, речь простых солдат и составляла, по мысли Толстого достоинство текстов, которые должны были войти в «Солдатский вестник».

Толстой просил у Некрасова места в «Современнике», но не «временного», а «постоянного», чтобы ежемесячно доставлять от 2 до 5 и более печатных листов статей «военного содержания, литературного достоинства никак не ниже статей, печатанных в Современнике» [15, т. 59, с. 297]. При этом соглашался на любые условия оплаты, но настаивал на одном: печатать «тот час же все», что он ни пошлет.

17 января 1855 г. Некрасов спешит ответить Толстому: «Пришлите нам ваши солдатские рассказы – мы их напечатаем в Современнике, зачем вам их совать в Инвалид? Печатать их в нашем журнале можно, разумеется, если они пройдут гражданскую и военную цензуру» [11, с. 26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переписка между Н. А. Некрасовым и Л. Н. Толстым в декабре 1854 – январе 1855 гг. позволила нам наблюдать, как возникала новая идея и новая литературная ситуация, обернувшаяся публикацией в «Современнике» «Севастопольских рассказов» и литературно-исторических материалов, принадлежащих авторам несостоявшегося «Солдатского вестника» («Военного листка»). Ознакомление с этими и гораздо более поздними публикациями офицеров из кишиневского и севастопольского окружения Л. Н. Толстого дает основание предположить, что идея периодического издания «для просвещения солдат» была результатом их сложившихся убеждений, и к этой идее они возвращались и в литературных текстах, и в практике своей служебной деятельности. Анализ этих материалов составит содержание отдельной статьи.

Список литературы

1. Александрова Е. В. Крымская война в рецепции Е. П. Ковалевского и Л. Н. Толстого // Имагология и компаративистика. – 2021. – № 15. – С. 156–172.
2. Белоусова Е. В. Периодические издания середины XIX в. как источник сведений о Северном Кавказе для братьев Н. Н. и Л. Н. Толстых / Е. В. Белоусова // Текст. Книга. Книгоиздание: научно-практический журнал. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2016. – № 2(11). – С. 49–67.
3. Кузьминов П. А. Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVII- первой половины XIX в.: Альтернативные формы взаимодействия // Кавказология: КБГУ им. Х. М. Бербекова. – 2017. – № 4. – С. 64–83.
4. Курганов Н. Г. Письмовник. – Изд. 9. – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1818. – 312 с.
5. Ляшук П. М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг.: Биогр. справ. – Симферополь: ООО «Издательство «ПолиПРЕСС», 2005. – 256 с.
6. Орехов В. В. «Партизанская тактика» информационной войны. Часть II: Информационная безопасность в эпоху Николая I / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 3. – С. 131–167.

7. Орехов В. В. Французская армия у стен Севастополя: 1854–1855 гг. / В. В. Орехов. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2003. – 280 с.
8. Орехова Л. А. Севастопольское окружение Л. Н. Толстого и предыстория «Севастопольских рассказов» // Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия: Сборник научных статей по итогам XV Барышниковских чтений – Всероссийской научной конференции (15 – 16 ноября 2016 г., Липецк). – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, 2016. – С. 60–68.
9. Орехова Л. А. Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. 2-е изд., перераб. и доп. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СТГ), 2010. – 480 с.
10. Первых Д. К. Военный лубок как жанр журналистики // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 92–105.
11. Переписка Н. А. Некрасова. В 2-х т. – Т. 2. / Сост. и коммент. В. Викторовича, Г. Краснова, Н. Фортунатова. – М.: Худож. лит., 1987. – 559 с.
12. Погосский А. Солдатские заметки. – СПб.: В тип. Главного штаба Е. И. В. по военно-учебным заведениям, 1855. – 98 с.
13. Ростов О. Р. В. И. Даль и А. Ф. Погосский: точки сближения в творчестве («Мастеровой человек нигде не пропадет» и «Майорская дочка») // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. – 2021. – Вып. 68. – С. 24–40.
14. Севастопольский синодик. 1854–1856 гг. Книга памяти офицеров Российской армии и флота, погибших, умерших от ран и болезней при обороне города Севастополя и в ходе боевых действий на Крымском полуострове в период с сентября 1854 по 1856 г. / Сост.: П. М. Ляшук, А. В. Ефимов. – Вып. 1-й. – М.: Фонд развития экономических и гуманитарных связей «Москва – Крым», 2004. – 256 с.
15. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. – Т. 4. Произведения Севастопольского периода. – М.: ГИХЛ, 1935. – 448 с.; т. 59. Письма. 1844–1855 / Под ред. В. Г. Черткова. – М.: ГИХЛ, 1935. – 387 с.
16. Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция / Ю. П. Фесенко. – Луганск; СПб.: Альма-матер, 1999. – 262 с.

References

1. Aleksandrova E. V. *Krymskaya Vojna v Recepcii E. P. Kovalevskogo i L. N. Tolstogo* [The Crimean War in the Reception of Egor Kovalevsky and Leo Tolstoy]. *Imagologiya i Komparativistika*, 2021, no. 15, pp. 156–172.
2. Belousova E. V. *Periodicheskie Izdaniya Serediny XIX v. kak Istochnik Svedenij o Severnom Kavkaze dlya Brat'ev N. N. i L. N. Tolstyh* [Periodicals of the Mid XIX Century as a Source of Information about the North Caucasus for the Brothers N. N. and L. N. Tolstoy]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie: Nauchno-prakticheskij Zhurnal*. Tomsk: Izd-vo TGU, 2016, no. № 2(11), pp. 49–67.
3. Kuz'minov P. A. *Rossiia i Gorskie Narody Severnogo Kavkaza v Konce XVII – Pervoj Poloviny XIX v.: Al'ternativnye Formy Vzaimodejstviya* [Russia and the Mountain Peoples of the North Caucasus at the End of the XVII – First Half of the XIX Century: Alternative Forms of Interaction]. *Kavkazologiya: KBGU im. H. M. Berbekova*, 2017, no. 4, pp. 64–83.
4. Kurganov N. G. *Pis'movnik* [The Letter Writer]. Izd. 9. SPb.: Tip. I. Glazunova, 1818, 312 p.

5. Lyashuk P. M. *Oficery Chernomorskogo Flota, Pogibshie pri Zashchite Sevastopolya v 1854–1855 gg.: Biogr. Sprav* [Officers of the Black Sea Fleet who Died Defending Sevastopol in 1854–1855: Biogr. References]. Simferopol: OOO «Izdatel'stvo «PoliPRESS», 2005, 256 p.
6. Orekhov V. V. «Partizanskaya Taktika» *Informacionnoj Vojny. Chast' II: Informacionnaya Bezopasnost' v Epohu Nikolaya I* ["Guerrilla Tactics" of Information Warfare. Part II: Information Security in the Era of Nicholas I]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*. Simferopol', 2021, vol. 7(73), no 3, pp. 131–167.
7. Orekhov V. V. *Francuzskaya Armiya u Sten Sevastopolya: 1854–1855 gg.* [The French Army at the Walls of Sevastopol: 1854–1855]. Simferopol': Tavriya-Plyus, 2003, 280 p.
8. Orekhova L. A. *Sevastopol'skoe Okruzhenie L. N. Tolstogo i Predystoriya «Sevastopol'skih Rasskazov»* [The Sevastopol Environment of L. N. Tolstoy and the Prehistory of "Sevastopol Stories"]. *Russkaya Klassika: Problemy Ponimaniya i Yazykovogo Svoeobraziya: Sbornik Nauchnykh Statej po Itogam XV Baryshnikovskikh Chtenij – Vserossijskoj Nauchnoj Konferencii (15 – 16 Noyabrya 2016 g., Lipeck)*. Lipeck: LGPU Imeni P.P. Semyonova-Tyan-Shanskogo, 2016, pp. 60–68.
9. Orekhova L. A. Orekhov V. V., Pervyh D. K., Orekhov D. V. *Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) Vojna 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov: Literatura, Arhivy, Pressa. 2-e Izd., Pererab. i Dop.* [The Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press. 2 ed., Reprint. and Add.]. Simferopol': OAO «Simferopol'skaya Gorodskaya Tipografiya» (STG), 2010, 480 p.
10. Pervyh D. K. *Voennyj Lubok kak Zhanr Zhurnalistiki* [Military Splint as a Genre of Journalism]. *Uchenye zapiski KFU Im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 92–105.
11. *Perepiska N. A. Nekrasova. V 2-h t.* [Correspondence of N. A. Nekrasov. In 2 Vols.]. Sost. i Komment. V. Viktorovicha, G. Krasnova, N. Fortunatova. Moscow: Hudozh. Lit., 1987, vol. 2, 559 p.
12. Pogosskij A. *Soldatskie Zametki* [Soldiers Notes]. SPb. : V Tip. Glavnogo Shtaba E. I. V. po Voenno-uchebnym Zavedeniyam, 1855, 98 p.
13. Rostov O. R. V. I. Dal' i A. F. Pogosskij: *Tochki Sblizheniya v Tvorchestve («Masterovoj Chelovek Nigde ne Propadet» i «Majorskaya Dochka»)* [V. I. Dahl and A. F. Pogossky: Points of Convergence in Creativity ("The Artisan Man Will not Disappear Anywhere" and "The Major's Daughter")]. *Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya*. 2021, rel. 68, pp. 24–40.
14. *Sevastopol'skij Sinodik. 1854–1856 gg. Kniga Pamyati Oficerov Rossijskoj Armii i Flota, Pogibshih, Umershih ot Ran i Boleznej pri Oborone Goroda Sevastopolya i v Hode Boevyh Dejstvij na Krymskom Poluostrove v Period s Sentyabrya 1854 po 1856 g.* [Sevastopol Synodic. 1854–1856 The Book of Memory of Officers of the Russian Army and Navy who Died, Died of Wounds and Diseases During the Defense of the City of Sevastopol and During the Fighting on the Crimean Peninsula in the Period from September 1854 to 1856]. Sost.: P. M. Lyashuk, A. V. Efimov, Rel. 1. Moscow: Fond Razvitiya Ekonomicheskikh i Gumanitarnykh Svyazey «Moskva – Krym», 2004, 256 p.
15. Tolstoj L. N. *Poln. Sobr. Soch. T. 4. Proizvedeniya Sevastopol'skogo Perioda* [Tolstoj L. N. Complete Collection of Works. – Vol. 4. Works of the Sevastopol Period]. Moscow: GIHL, 1935, 448 p.; vol. 59. Pis'ma. 1844–1855, pod red. V. G. Chertkova. Moscow: GIHL, 1935, 387 p.
16. Fesenko Y. P. *Proza V. I. Dal'ya. Tvorcheskaya Evolyuciya* [Prose by V. I. Dahl. Creative Evolution]. Lugansk – SPb.: Al'ma-mater, 1999, 262 p.

**FROM THE "SOLDIER VESTNIK" – TO THE "MILITARY LIST":
THE EVOLUTION OF THE IDEA OF THE PUBLICATION
IN THE CONDITIONS OF THE CRIMEAN WAR (1854)**

Orekhova L. A., Pervykh D. K.

The objectives of the article included a contextual understanding of the Kishinev plan of L. N. Tolstoy and his fellow officers about the periodical for soldiers "Soldier's Bulletin" and the practical possibilities of such a publication in wartime conditions. The "Draft of the journal" preserved in L. N. Tolstoy's manuscripts contains a number of details that restore real historical and personal circumstances and allow us to trace the logic of changes in publication plans, renaming the journal into a "Military Leaflet" with the prospect of daily publication. The new format of the periodical, in fact, took the form of an operational one. The magazine did not receive the highest permission. But the authors' future publications of the unauthorized journal testify to their consistent adherence to the moral, ideological and aesthetic ideas of the «Soldier's Bulletin» and the «Military Sheet», according to the publishers, accessible to "all classes of military society".

Keywords: L. N. Tolstoy, "Soldier's Bulletin", "Military sheet", A. D. Stolypin, O. I. Konstantinov, military journalism, Crimean war.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранская Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Би Цзюньжу – кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русского языка института иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Евлосева Аза Мухтаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Ингушская литература и фольклор» ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы ГБУ «ИнгНИИ», г. Магас, Республика Ингушетия, Россия

Егорова Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения гражданских инициатив ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Зубенко Яна Валериевна – аспирант Челябинского государственного университета, магистр лингвистики, г. Челябинск, Россия; Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан

Ли Мэнлун – кандидат исторических наук, старший преподаватель института публичной дипломатии Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Логвина Светлана Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №4 Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лучинский Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций факультета журналистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Матиев Магометбашир Адамович – кандидат филологических наук, профессор кафедры «Ингушская литература и фольклор» ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», заведующий отделом ингушского фольклора и литературы ИнгНИИ, г. Магас, Республика Ингушетия, Россия

Машенко Александр Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и журналистики (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Мищенко Анна Николаевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Норец Максим Вадимович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Норец Надежда Константиновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Орехова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и культуры речи Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Первых Диана Константиновна – кандидат культурологии, заведующая кафедрой журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Сегал Наталья Александровна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Сеферова Фера Асановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Татаринов Алексей Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы и сравнительного культуроведения филологического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Татаринова Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения филологического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Баранская Е. М.

ФАНТАСТИКА А. Н. ТОЛСТОГО:
СОВРЕМЕННОСТЬ ИЛИ БЕГСТВО ОТ НЕЕ?.....3

Би Цзюньжу, Ли Мэнлун

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА.....20

Матиев М. А., Евлоева А. М.

ЭЛЕМЕНТЫ ТЕАТРА
В ПОХОРОННЫХ ПЛАЧАХ И ПРИЧИТАНИЯХ ИНГУШСКИХ ЖЕНЩИН.....33

Мащенко А. П.

КРЫМ В ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ
ЭДУАРДА ЛИМОНОВА.....39

Норец М. В., Норец Н. К.

ГНОСТИЧЕСКИЕ «ЕВАНГЕЛИЯ» И «ФАТУМНАЯ» ЖИЗНЬ ИИСУСА
В РОМАНЕ Д. БРАУНА «КОД ДА ВИНЧИ».....56

Остапенко И. В.

ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭВОЛЮЦИИ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ СТИХОВ Б. ЧИЧИБАБИНА
«ПЕРЕД ЗЕМЛЕЮ КРЫМСКОЙ СОВЕСТЬ МОЯ ЧИСТА...».).....68

Сеферова Ф. А.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ
КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ.....85

**2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ**

Зубенко Я. В.

ЖЕНЩИНА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ).....107

Logvina S. A. ESSENCE AND PROPERTIES OF EUPHEMISM FROM THE PERSPECTIVE OF COGNITIVE LINGUISTICS.....	125
---	-----

Сегал Н. А., Мищенко А. Н. «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТАНГО»: МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ТАНЦА В МЕДИАДИСКУРСЕ 2011–2021 гг.....	145
--	-----

3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Егорова Л. Г. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПРОЕКТОВ НА ПРОДВИЖЕНИЕ ИМИДЖА РЕГИОНА	156
---	-----

Лучинский Ю. В., Татаринов А. В., Татаринова Л. Н. ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЙНОГО НАРРАТИВА ЖУРНАЛА «THE NEW YORKER» (1939–1946).....	169
--	-----

Орехова Л. А., Первых Д. К. ОТ «СОЛДАТСКОГО ВЕСТНИКА» – К «ВОЕННОМУ ЛИСТКУ»: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ ИЗДАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1854 г.).....	189
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	207
---------------------------------	-----